Государственное образовательное учреждение высшего образования
Московской области
«Государственный гуманитарно-технологический институт»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания РАН

Кафедра гуманитарных дисциплин Рузаевского института машиностроения
Мордовского государственного университета

Мозырский государственный педагогический университет
имени И.П. Шамякина (Беларусь)

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ: Психологические и лингвистические аспекты

Материалы XVI-й Международной
научной конференции
(Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 года)

Москва-Орехово-Зуево, 2016

УДК 81’23
ББК 81.001.3
Я 41

Редколлегия:
доктор филологических наук, профессор ***А.В. Пузырёв*** (Орехово-Зуево; отв. редактор);
доктор филологических наук, профессор ***Е.Ф. Тарасов*** (Москва);
доктор философских наук, профессор ***А.А. Гагаев*** (Рузаевка).

Печатается по решению оргкомитета
XVI-й Международной научной конференции
«Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты»

Я 41 Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XVI-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. – М.: Ин-т языкознания РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Государственный гуманитарно-технологический университет», 2016. – 207 с.

В сборнике представлены результаты исследований вечной проблемы психологии и лингвистики – «язык и мышление». Особое внимание уделено рассмотрению проблемы «язык и мышление поэта и писателя».

Предназначено лингвистам, психологам, студентам, специалистам смежных областей знания.

ISBN 978-5-87471-209-9

© Коллектив авторов, 2016

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

В настоящих материалах отражены проблематика и результаты исследований в области одной из «вечных» для науки тем – «Язык и мышление», причём в конференции оказались задействованными специалисты-смежники – философы, психологи, лингвисты, педагоги и др.

Объединение усилий учёных-смежников под одной обложкой вызвано несколькими причинами. Самой важной из них является стремление ответить запросу времени преодолеть концептуальную разобщённость учёных различных научных специальностей, их практическое игнорирование друг друга. Думается, что материалы настоящей конференции являются своего рода попыткой синтеза различных подходов по отношению к одной и той же проблеме – проблеме взаимосвязей между мышлением человека и его языком (пусть даже попыткой весьма неполной и несовершенной).

При формировании сборника материалов конференции, при распределении поступивших докладов и сообщений по секциям редколлегия по-прежнему исходила из первого правила Рене Декарта «для руководства ума»: «Все науки настолько связаны между собою, что легче изучать их все сразу, нежели какую-либо одну из них в отдельности от всех прочих» (Р.Декарт, 1936, с. 49). Именно поэтому материалы конференции группировались не по принципу рода занятий участников конференции, но по принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Методологической базой для распределения докладов конференции по конкретным аспектам является универсальная схема научного исследования, предложенная в середине 80-х годов 20-го столетия философом (доктором философских наук, профессором) А.А.Гагаевым.

Спецификой настоящих материалов является то, что значительная часть из них посвящена проблеме «Язык и мышление поэта и писателя». Полагаем, что организация и проведение международной конференции с такой проблематикой встретит не менее благожелательное отношение, чем и ранее проведённые.

Редколлегия считает своим долгом оговориться, что при подготовке к опубликованию доклады и сообщения подвергались минимальной правке, они публикуются в авторской редакции, и ответственность за уровень преподнесения, как это и принято в научном мире, полностью ложится на плечи авторов.

Редколлегия

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ОБЩЕЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТАХ

Магистр филологии Ф.И.Артыкбаева (Шымкент, Казахстан)
artykbaieva.fazila@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Среди исторически существовавших сообществ, в которых устойчивые традиционные структуры мировосприятия стали своеобразной «замкнутой капсулой» социальной системы, особое внимание привлекают страны древнего и средневекового Востока, где конфессиональная обусловленность социального поведения и мышления стала, по общепринятому мнению, консервирующим фактором такого миропорядка. Сравнительный анализ стран Востока и Запада в разрезе культурно-исторических исследований показывает, что различия между этими двумя регионами издавна приобрели характер достаточно резких структурных расхождений, начиная с эпохи Возрождения [Конрад, 1972]. Разрыв традиционных структур в западноевропейском обществе был осуществлен в процессе развития индустриального способа производства, принципиально отличавшегося от евразийского и среднеазиатского, о чем образно пишет А.Дононбаев: «Колесо же истории на Востоке исторически длительный период воспроизводило в своем движении без значительных качественных скачков одни и те же типы социальных структур» [Дононбаев, 2006, с. 46].

В известном смысле формирование этноса есть становление его традиций. Общность связывается и стабилизируется правилами поведения и способом действий. В традициях выражаются общность и в какой-то степени идентификация членов социума. Вместе с тем традиции не только *обязывают*, то есть выполняют функции «навязывания» форм поведения, но и *связывают*, и эта их сторона оказывается не менее важной для понимания роли традиционных механизмов поведения. Нарушение традиций их носителями воспринимается как вызов обществу, как ущерб его авторитету, и общее мнение, сформированное на этой основе, как правило, имеет ярко выраженную окраску неодобрения с позиций господствующих норм и ценностей.

Вопрос о ценностных предпочтениях социума решался в разные времена в рамках разных учений, от религиозных заповедей священных писаний до морального кодекса строителя коммунизма. И на каждом витке развития гумани-

тарных и социальных наук эти вопросы, как и способы их решения, всегда носили субъективный характер и были эмоционально окрашены.

В настоящее время в русле новой отрасли знаний – психолингвистики – эта проблематика впервые приобрела относительно объективный характер за счет инструмента, с помощью которого исследователь способен найти доступ к человеческому сознанию и подсознанию. Это ассоциативный метод исследования иерархии базовых ценностей, или ценностных приоритетов – концептов, хранящихся в языковом сознании отдельного индивида и социума в целом. Выстроенное на основе прямых и обратных ассоциативных словарей (в основе которых лежит материал массовых свободных ассоциативных экспериментов) «ядро» языкового сознания того или иного этноса дает весьма наглядную картину ценностных предпочтений общества в данный период развития. А в тех случаях, когда такие эксперименты проводились 30-40 лет тому назад, есть уникальная возможность сравнить, что изменилось в ценностных предпочтениях социума у представителей разных поколений, и попытаться осознать и проанализировать, в каком направлении движется общество, трансформируя свои ценности и предпочтения. В этом случае актуализируется проблема оценки традиционных этнокультурных ценностей и ценностей, привнесенных цивилизацией и регенерированных в контекст идей «глобализации» и «стирания этнических граней». Эта проблематика, на наш взгляд, чрезвычайно перспективна и эвристична для исследования в разных отраслях знаний, в частности, в психолингвистике и аксиологии.

Литература

Конрад Н. И. Запад и Восток. Статьи. – М. : Наука, 1972.

Дононбаев А. Институциональный анализ политической культуры человека : советский и постсоветский опыт Кыргызстана : автореферат дис. ... доктора политических наук. – Бишкек, 2006.

Д. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), д. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза), О.В.Бочкарёва (Рузаевка)

ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ СКАЗКИ: ВОПРОСЫ ИОВА И МОИСЕЯ К БОГУ

Сказка обсуждает не современные проблемы, но вопросы, не решаемые тысячелетиями. Вот и еврейская сказка, которая никогда не исследовалась в России, обсуждает проблему диалога этноса с Богом и совместимости, выводимости, следования этносов в ассимиляционном Мире Начала и Конца, смеясь в траги- комической иронии над жизнью и собой – как мгновением между трезвостью и опьянением радостью бытия и наслаждений, и плача над неизбежностью Рассеяния и конца превращения любой красоты в прах, человека – в животное, законченных праведников-мудрецов и законченных негодяев в ничтожную середину, как все мы, которых судит и доброе и злое Побуждение. Еврей-

ский компонент – часть русской культуры. Будет полезным введение данной проблематики в русское и еврейское самосознание.

1**. Понятие и специфика еврейской сказки.**

Сказка в древнееврейском языке обозначается как“השעמ”. В сефардской транскрипции и современном иврите это слово читается и переводится как маасе, в ашкенази транскрипции и идише – майсе. Смысл термина – делать, действовать, дело, работа, рассказ, сказка, анекдот, событие, тождество события и слова о нем и вымысла, реальность, космогония, практичность. Слово предполагает словосочетания: Маасе Берешит – «космогония, история миротворения», Маасе Меркава – «Мистическое учение о Господней колеснице». В идише – фолкс-майсе – «народная сказка», вундер-майсе – «волшебная сказка», майсебихл – «книжка сказок», бобе-майсес – «бабкины сказки», то есть выдумка пустого характера, чепуха, россказни не соответствующие действительности. Маасе – «сказка» как фантастика, но маасе шеая – «быль». Термин маасийот (множественное число от маасе), т.е. сказки – имеет значение «реальности» и «практичности», то есть здравого смысла еврейского характера (житейская мудрость Талмуда и Аггады). Маасе хахамим – «рассказ о мудрецах» [ВТ, 5761-2001: Шаббат 31а, с. 88]. Еврейская сказка по форме может быть любой, заимствуя эту форму у других этносов, но по содержанию она всегда этничная, еврейская, интерпретируя мир в терминах еврейских религиозных ценностей Торы и Талмуда, Ветхого Завета, то есть Торы, Талмуда, галахи, семантиках хасидизма, Зогара.

Еврейский компонент в еврейской сказке представлен, **во-первых,** традиционными текстами на древнееврейском и арамейском языках, повлиявших на повествовательный фольклор еврейского этноса. Это Тора, Пророки, Писание, Мишна, Гемара, Талмуд, Мидраш, Галаха, Агада. В методологическом аспекте еврейская литература образует единый текст, и часть этого текста – Сказка. Сама Аггада и мидраши – обработка народных легенд и сказок.

Во-вторых, это литература на народном языке – идише, это нравоучительные книги, тексты Библии, лубочный роман, «Майсе-Бух» («Книга историй»). Майсе-Бух составлена Яковом б. Авраамом из Межиричей и опубликована в 1602 г. Она содержит 200 сказок.

В-третьих, это заимствования цитат из Библии и Талмуда, комментарии к ним, их интерпретируя, толкуя, специфицируя и пародируя, подвергая критике обосновывая приоритет школы Гиллеля относительно школы Шаммая.

В-четвертых, еврейская сказка имеет уникальные специфические персонажи, мотивации Торы, галахи, виды наград.

В-пятых, еврейская сказка содержит мораль, поучение, религиозные ценности Талмуда, апологию Торы, Талмуда, галахи, их критику, что не свойственно европейской народной сказке в целом. Замечу, что содержание Бхагават-Гиты, Авесты, древних текстов Китая («Книга песен» – «Ши-цзин», «Книга истории» – «Шу-цзин», «Книга перемен» – «И-цзин», «Книга обрядов» – «Ли цзи», летопись «Чу-цю») входит в индийские, китайские и персидские сказки, как и Коран входит в арабские сказки.

В-шестых, еврейская сказка реализует критику животного и человеческого эпоса деградации человека в скот и возвышения из скота в человека («Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества пред скотом; потому что все – суета! Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных нисходит ли вниз, в землю? Итак увидел я, что нет ничего лучше, как наслаждаться человеку делами своими: потому что это – доля его; ибо кто приведет посмотреть на то, что будет после него?» (Еккл. 3:15-22).

В-седьмых, еврейская сказка в хасидистской версии представляет собой диалог с Богом и суд над Богом в связи с несправедливостью мира, продолжая традицию Аггады – Авраам, Исаак, Иаков, Иов, Плач праотцов и Моисея, Ахер, Мозес Мендельсон, поэтому в еврейской сказке драматизируется, трагезируется и комизируется сам Бог, создается карикатура Бога и Сатаны, карикатура мудрецов времен разрушения Первого и Второго храма. Основание этого диалога – Экклезиаст, Пророки и прежде всего Иов, Исайя, Иеремия, Иезекиль, Ахер, вопросы Иова и Моисея к Богу, Плач праотцев в связи с разрушением Первого и Второго храма.

В-восьмых, проблема достижения богатства и денег, критика процента – одна из основных в еврейской сказке.

В-девятых, соответствие еврейской сказки какому-либо типу А. Аарне – чисто условное (сюжеты редуцированы к Талмуду, имеет место сочетание мотивов относящихся к различным типам).

В-десятых, сущность еврейской антропологической сказки образует интерпретация в учениях Торы, Пророков, Писания, Мишны, Гемары, Талмуда, Мидраша, Галахи, Аггады, хасидизма, Бааль-Шем-Това ситуации Рассеяния и выживания еврейского этноса во враждебном окружении и борьбы доброго и злого побуждения в человеке, борьбы в нас законченных праведников, законченных негодяев, середины и – или воскресение человека, или его окончательная смерть и попадание в Ад, модели мудрецов, смерть и выживание еврейского этноса. Человек или праведен, или законченный негодяй, или как мы – не может о себе сказать ясно – праведник он или негодяй!

Еврейская сказка может иметь любую форму – жанр, заимствованный у других этносов, но содержанием ее всегда является религия Талмуда, галахи и хасидизма; сказка осуществляет идентичность и идентификацию в еврейский этнос в рассеянии; ставит цели выживания общины и изучения Торы на земле; реализует цикл сопротивления ассимиляции; формирует совместимсть, выводимость, следование еврейской общины с иными культурными мирам без утраты еврейской природы. Так, например, термин *соль* в метафорическом символическом выводе имеет значение Завета еврейского народа с Богом. А интерпретация *соли* и сходного с ней феномена осуществляется в принципах истолкования Талмуда, в данном случае в принципе «гзера шава» – по подобию (аналогия отношений). Соль – «Завет», и страдание – «Завет». По подобию смысла слова в одном контексте судят о его значении в другом на основе коннотатив-

ных ассоциаций. Сущность еврейской сказки в жанровом аспекте: Комментарий на осуществление Торы, Талмуда, Аггады, Ветхого Завета, семантики школ Гиллеля и Бааль Шем-Тов, Шаммая, осуществляя критику саддукейства, фарисейства, школ Шаммая и р. Элиэзера б. Гурканос, р. Акибы, осуществляя Хасидизм в условиях Рассеяния, угрозы смерти и ограбления еврейской общины в Польше, Украине, России, Азии в цели достижения совместимости, выводимости, следовании еврейского иудаистского мира, христианского мира, исламского мира в этнических формах, сохраняя свою еврейскую идентичность и идентификацию и реализуя любовь к ближнему, когда ближний – и еврей, и католики, и православный и мусульманин! Еврейская сказка имеет своей сутью доброе богоборчество Иакова и Иова. Таковы сказки «Тяжба с Богом» (73) «Суд над Богом» (74). В сказке моделируются реальные мысли людей-евреев в ситуациях выживания и адекватные поступки: «Как же нам стало известно, что было у них в мыслях? А мы ведь сказали: как это правда, так и все сказки правдивы (маасе шеая) [Еврейские народные сказки, 2015: Царский слуга и воры» (102),221]**.**

2. **Семантика еврейской антропологической сказки (иудаизм и хасидизм).**

1. В сказке «Тяжба с Богом» (73) говорится: «Знаю, но я Ему больше не слуга. Бог виноват передо мной. Если бы можно было подать на Бога в Суд, я бы привлек Его к ответу – Твои слова греховны. Но о чем твоя тяжба с Богом?.. Бог единственный видел, Он и забрал! Он жестоко, несправедливо, незаконно отобрал то, что мне принадлежало по многолетнему обычаю ремесла. Значит, Его не трогают мои нужды и горе. **Я Ему больше не служу. Не может существовать закона, оправдывающего страдания людей, так что я теперь не признаю праздников Божьих и не молюсь Богу**. Но ты украл шкурки у пана, – сказал раввин, – ты нарушил Божий закон, охраняющий права пана. – А вы, ребе, разве не знаете, что человеческий обычай ломает Божий закон? Разве закон должен отнимать у людей радость, надежду и жизнь? Мой спор с Богом праведен. Обычно в Йом Киппур, – сказал портной, – отпускаются грехи человека, совершенные по отношению к Богу. Но в этот день должны быть отпущены так же и грехи Бога по отношению к людям. Обиды и несправедливости, которые Бог нанес людям, тоже должны быть искуплены» [Еврейские народные сказки, 2015: «Тяжба с Богом» (35), 154-155]. Суть дела – кому принадлежат плоды труда: тому кто обрабатывает некоторый материал, или тому, кому принадлежит этот материал (Римское право). Ответ сказки – он принадлежит в некоторых долях тому, кто обрабатывает и тому, кому принадлежит, но большая часть тому, кто обрабатывает – он является основным собственником, но они – временные владельцы, а собственник – Бог! Как и Бог, который является абсолютным собственником, а человек – временным владельцем! Кроме того, необходима соразмерная оплата труда, которая нарушается. А не соразмерная оплата труда есть воровство и потому воровство у собственников оправдано – это восстанавливающая справедливость, полагает еврейская сказка! Также полагает и Ветхий завет, и Римское право. «Кто приносит жертву от неправедного стяжания, того приношение насмешливое, и дары беззаконных неблагоугодны; не

благоволит Всевышний к приношениям нечестивых и множеством жертв не умилостивляется о грехах их. Что заколающий на жертву сына пред отцом его, то приносящий жертву из имения бедных. Хлеб нуждающихся есть жизнь бедных: отнимающий его есть кровопийца. Убивает ближнего, кто отнимает у него пропитание, и проливает кровь, кто лишает наемника платы. Когда один строит, а другой разрушает, то что они получат для себя кроме утомления? Когда один молится, а другой проклинает, чей голос услышит Владыка? Так человек, который постится за грехи свои и опять идет и делает то же самое: кто услышит молитву его? и какую пользу получит он оттого, что смирялся? (Сир. 34:18-26)). «Всякая плоть соединяется по роду своему, и человек прилепляется к подобному себе. Какое общение у волка с ягненком? Так и у грешника с благочестивым. Какой мир у гиены с собакою? И какой мир у богатого с бедным. Ловля у львов – дикие ослы в пустыне, так пастбища богатых – бедные. Отвратительно для гордого смирение: так отвратителен для богатого бедный… Хорошо богатство, в котором нет греха, и зла бедность в устах нечестивого. Сердце человека изменяет лице его или на хорошее, или на худое. Признак сердца в счастье – лице веселое, а изобретение притчей соединено с напряженным размышлением» (Сир. 13:20-30). Сказка излагает философию Сираха! Человек в своем обычае изменяет Божий закон, когда народный обычай вступает в противоречие с галахой, то «обычай уничтожает галаху» [Иерусалимский Талмуд, Трактат Йевамот, 12, 1]. Когда обычай нарушает раввинское постановление и библейский запрет, рекомендуется «оставить народ в покое: пусть лучше нарушает закон по неведению, чем по злому умыслу» [трактат Беца, 30а]. О собственности Бога. «Нет, отец! Если бы я земли попросил у Господа, Он и без тебя мог бы дать мне ее достаточно: «Господу принадлежит земля и все, что наполняет ее». И если бы золота и серебра я пожелал, Господь и этим сумел бы выделить меня: «Мое все серебро и Мое все золото – говорит Господь Саваоф», но я ничего, кроме знания, не прошу у Господа» [Агада, 1993:233]. «Даже если ты дашь мне все золото и серебро, и все драгоценные камни, и все жемчужины мира, я соглашусь жить только в месте Торы»... (Дерех хаим 126. Комментарий Маараля на Пиркей Авот 6:9; Таанит 20б; Шимон, сын Элазара). «И сказано: «Мне – серебро, и Мне – золото, – слово Господа Цваота» (Аггей (Хагай) 2:8). «...ибо Моя вся земля» (Исх. 19:5). «Вот у Господа, Бога твоего, небо и небеса небес, земля и все, что на ней» (Вт. 10:14). «И благословил его и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли» (14:19, 22). «Твое, Господи, величие, и могущество, и слава, и победа и великолепие, и все, что на небе и на земле, твое; Твое, Господи, царство, и Ты превыше всего, как Владычествующий» (1 Паралипомен, 29:11). «Господня – земля и что наполняет ее, вселенная и все живущее в ней» (Пс. 23:1). «Если бы Я взалкал, то не сказал бы тебе; ибо Моя вселенная и все, что наполняет ее» (Пс. 49:12). «Ибо Мои все звери в лесу, и скот на тысяче гор» (Пс. 49:10). «Твои небеса и Твоя земля; вселенную что наполняет ее, Ты основал» (Пс. 88:12). «Ибо Господня земля, и что наполняет ее» (1 Кор. 10:26). «Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый поль-

зы другого» (1 Кор. 10:23-24). «Слушай, народ Мой, Я буду говорить; Израиль! Я буду свидетельствовать против тебя; Я Бог, твой Бог» (Пс. 49:7).

2. В сказке «Суд над Богом» (74) Бог был вызван в Суд и судим ребе Элимелех в связи с изданием русским царем указа гзейры об изгнании евреев. «Господь Бог был вызван на суд и как судил его не кто иной, как великий ребе Элимелех» [Еврейские народные сказки, 2015: Суд над Богом» (36), 156]. «Я требую к суду Господа Бога! Пусть Он предстанет перед судом собственных законов! Одумайся, сын мой!.. Как мы, **земные твари,** можем призвать к ответу Создателя Мира? Можем, если Он творит несправедливость! – Но, быть может, было бы разумней судить царя земного? – спросил ребе Элимелех. – Царя земного? А за что его судить, если он только оружие в руке Божьей и творит Его волю? – упрямо возразил реб Нохемце». «Твое желание вызвать на Дин Тойро самого Господа Бога смело и даже дерзко, но, принимая во внимание, что это желание вызвано не себялюбием или честолюбием, а высокой любовью к народу и сочувствием к его страданиям и бедствиям, принимая во внимание твое самопожертвование и презрение к опасности, которой ты подвергаешь свою жизнь и свою душу, я, скромный слуга Божий, готов отважиться на то, чтобы призвать к суду Бога, но только в том случае, если мне, как судье, будет придана коллегия таких судей, которая не даст решению суда уклониться от истины» [Еврейские народные сказки, 2015: Суд над Богом» (36), 157-158]. В суде над Богом участвует преемник Бааль Шем Това – Дов-Бер из Межеричей-хасид. Элимелех – хасидский цадик. Решение о справедливости принимают как Бог, так человек, еврейская община и перед законом Бога – все равны, в том числе и Бог!

Идея всевластности суда мудрецов восходит, конечно, не к Талмуду, а к «Махабхарате», в которой Индра посмеялся над малыми Риши – отшельниками, и те прокляли его, а снять проклятие он не может. Ситуация в «Махабхарате» такова. Приведем и подстрочный перевод этого фрагмента (он особо важен в контексте обсуждаемой проблемы): «Сей Индра был по приказанию Брахмы создан как владыка в трех мирах. Вы же, тем не менее, прилагаете усилия, чтобы сотворить другого Индру, о богатые подвигами! Благоволите же не делать ложным слово Брахмы, о превосходнейшие! Но это намерение ваше да не будет напрасным. Оно привлекательно и для меня. Да родится Индра среди пернатых, наделенный чрезвычайной силой и могуществом. Да будет проявлена милость к Индре, который просит об этом» [Махабхарата. Книга Первая. Адипарва., 1950: 98]. Мудрецы принимают предложение Кашьяпы. Проклятие их снимается, но *не полностью.* Не напрасным было движение их мысли и сердца: второй Индра родится, но среди пернатых. Родится и *стеснит* Индру, творение Брахмы. Таким образом, в решении учитываются и проклятие мудрецов, и просьба Индры, и желание самого Кашьяпы. Имеет место суждение вида: Индра некоторым образом соответствует истине Брахмы (владыка трех миров); есть Другой Индра, который ограничит первого; могущество Индры неопределенно относительно Праведников! Это суждение вида: некоторым образом S суть P, не суть P, неопределенно! Вводится отношение совместимости, выводимости, следования, отрицая контрарность и контрадикторность, категоричность, вводится индика-

тивность [Гагаев А.А., Гагаев П.А., 2015, с. 44]. Идея этого суда присуща Иову, а в Талмуде она представлена в дискуссии рабби Элиэзера б. Гурканос, р. Акиба, Бен-Козиба, которые мыслят в категорических условно-категорических умозаключениях с другими мудрецами (трактат Бава Меция, 59б) [ВТ, 5761-2001: Сукка, 27б, с. 300]. «Не на небе она (то есть Тора)» (Втор. 30:12). «С избытком дает тебе Господь. Она не на небе, чтобы можно было говорить: «кто взошел бы для нас на небо, и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее?» (Вт. 30:9, 12). «выслушать обе стороны – истца реб Нохемце, ответчика Бога – и вынести решение о справедливости или не справедливости действий Бога» [Еврейские народные сказки, 2015: Суд над Богом» (36), 158]. В такой логике мыслит и человек, который вызывал на Суд по собственным Его законам Бога! «Разве не Он создал Тору? Значит, Он – олицетворение справедливости, – сказал Межеричский Магид. Но великий ребе Элимелех не согласился с ними: С тех пор, как Господь дал нам Свою Тору – она принадлежит нам, а не Богу, и мы не только имеем право, но и должны соизмерять все совершаемое в мире с ее законами, мы должны обличить всех тех, кто поступает вопреки Торе, не взирая на лица. Вы слышите? – повторил ребе Элимелех, и голос его зазвенел как медь. – Невзирая на лица! «Не на небе она (то есть Тора) (Втор. 30:12). **Тора – на Земле, а не на Небе, утверждал Иошуа бен Ханания!** «Зачем противитесь вы словам Элиэзера? «Закон всегда на его стороне». На это р. Иошуа (бен Ханания) сказал **«Не в небесах Тора. Мы и Бат-Кол не подчинимся!»** В дальнейшем р. Натан встретился с Илией и спрашивает: «Как отнеслись на Небе к этому спору? Отвечает Илия: – Улыбкою озарились уста Всевышнего и Господь говорил: «Победили Меня сыны Мои, победили Меня» [Агада, 1993:234]. «Мы готовы. Именем справедливости, предписанной нам, людям, мы готовы судить справедливость поступков Всевышнего» [Еврейские народные сказки, 2015: Суд над Богом» (36), 159]. «Истец! В чем твоя жалоба на Бога и чего ты требуешь? Я обвиняю Бога в несправедливости. Руками земного царя он обрек на неимоверные страдания целый народ, в том числе, сотни тысяч людей, которые ни в чем не повинны: женщин и грудных детей. Он обрушил Свою месть не только на виновных, на грешников, но и на праведников, что является нарушением законов Торы. Я обвиняю Бога в клятвопреступлении: Он поклялся в Своем благоволении к избранному народу, а вместо этого избрал его для поголовного бедствия. Я обвиняю Бога в том, что Он подстрекает людей ко злу: повелевая им любить ближнего, Он принуждает людей к ненависти к нашему народу, ибо приказ царя сеет ее в сердцах всех его подданных. Поэтому я от имени всего народа определяю действия Бога как явную несправедливость, идущую вразрез с уже установленными законами, и я основываю свое обвинение на таких-то и таких-то священных книгах. Исходя из этого, я требую, чтобы злая гзейра была отменена!.. И голос, струящийся откуда-то сверху, произнес внятно и раздельно: – Большая часть Моего народа погрязла в грехах. **Я Бог мести, и Я мщу**. Смертному не дано отменить Мое повеление (как и понять – А.А.Гагаев)» [Еврейские народные сказки, 2015: «Суд над Богом» (36), 160]. «Восстал Господь на суд – и стоит, чтобы судить народы» (Ис. 3:13)». Ибо гнев Господа на все народы, и ярость Его на все воин-

ство их. Он предал их заклятию, и отдал их на заклание» (Ис. 34:2). «Ибо Я, Господь, люблю правосудие, ненавижу грабительство с насилием, и воздам награду им по истине, и завет вечный поставлю с ними» (Ис. 61:8). «И не пощадит тебя око Мое, и не помилую. По путям твоим воздам тебе, и мерзости твои с тобою будут; и узнаете, что **Я – Господь каратель»** (Иез. 7:9). Но хасиды считают Господа не Карателем, не в Гневе, а в любви и радости, наказывая того, кого любит. Поэтому: «Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца своего, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и останется. И беззаконие беззаконного при нем и останется» (Иез. 18:20). У Иеремии сын несет вину отца: «Отцы наши грешили: их уж нет, а мы несем наказание за беззаконие их» (Пл. Иер. 5:7)». Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь, обратитесь от злых путей ваших: для чего умирать вам, дом Израилев?» (Иез. 33:11). Но Бог судящий это и Христос: «Ибо и Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну, Дабы все чтили Сына, как чтут Отца. Кто не чтит Сына, тот не чтит и Отца, пославшего Его» (Ин. 5:22-23). «Мы знаем Того, Кто сказал: «у Меня отмщение, Я воздам, говорит Господь». И еще: «Господь будет судить народ свой». Страшно впасть в руки Бога живого!» (Евр. 10:30-31).

Решение суда: «Признать, что злая гзейра, изданная с соизволения Бога, обрекает весь народ, включая и сотни тысяч ни в чем не повинных людей, на нечеловеческие страдания; признать, что гзейра является нарушением великого закона справедливости; признать, что гзейра является жестоким нарушением великого закона любви. Признавая все это и обвиняя Бога в несправедливости, мы, суд людей, основываясь на Божеских и человеческих законах, требуем от Бога отмены гзейры… Через тридцать шесть часов гзейра была отменена» [«Еврейские народные сказки, 2015: Суд над Богом» (36), 160]. Бог признал Свою вину и Свою несправедливость, хотя судился не Бог, а Бог в некотором отношении гзейры – и другие его решения в отношении Израиля не были отменены. Это суждение по Махабхарате. Это суждение вида: некоторым образом S Бог суть P_0 любит, поддерживает этническую идентичность и идентификацию, и Мстит своему народу за грехи, прежде всего за жажду собственности, власти, иерархии, напрасную ненависть (причина разрушения Первого и Второго храма), как раз за ложную идею избранности, которой руководствуется реб Нохемце (хасидская философия и философия Сираха), что входит в Завет-договор, наказывая изгнанием, не суть P_1, то есть признает свою неправоту в конкретном случае несправедливости – гзейры и отменяет свое конкретное наказание в отношении еврейской общины не-P_2, признает право избранного народа судить и ограничивать в своей воле (достаточное условие) и воле Бога (необходимое условие) справедливость Бога (доброе богоборчество Иакова) не-P_3, признает отрицание неравенства, лжи, собственности и власти, иерархии перед законом справедливости как права этноса P_4, не отменяет общего наказания не-P_5, сохраняет неопределенность будущего избранного народа P_6 неопределенно! Вводится отношение совместимости, выводимости, следования, отрицая

контрарность и контрадикторность, категоричность, вводится индикативность [Гагаев А. А., Гагаев П. А. 2015:44].

Это как раз вопросы Иова к Богу и Суд Бога и Его оправдание Иова и Элимелеха! Вопросы Иова: Плох (несправедлив) или хорош (справедлив) Мир? Почему мир несправедлив, будучи Его творением? Можно ли призвать к Суду Господа и судить Его по Его закону справедливости и его законам? Почему праведники страдают и умирают, а законченные негодяи преуспевают в этой жизни и не несут наказания, здоровы? Собственность, имущество и земля принадлежат Богу или человеку? Почему церкви оправдывают собственность и власть, преступление? Почему нами правят злые и несправедливые люди? (потому что человек-холоп и раб); можно ли сопротивляться власти и угнетению (конечно, этого требует Бог); Можно ли доверять священству в силу того, что оно не умеет познать Бога и Дьявола? Какова система судов Господа? Почему верящих все больше, но и зла в Мире все больше?! Возможно ли Царство Божье в сердце и Небесное на земле? Кто виноват в зле и что и кому делать? Каковы суды Господа? Когда наступит конец всему, Апокалипсис? «Нет мне мира, нет покоя, нет отрады: постигло несчастье» (Иов 3:26). «Но человек рождается на страдание, как искры, чтоб устремляться вверх» (Иов 5:7). «Хотя бы я и прав был, но не буду отвечать, а буду умолять Судию моего» (Иов 8:15). «Невинен я… И тогда буду говорить, и не убоюсь Его; ибо я не таков сам в себе» (Иов 9:35). «Вот, Он убивает меня; но я буду надеяться; я желал бы только отстоять пути мои пред лицеем Его!» (Иов 13:15). «Почему беззаконные живут, достигают старости, да и силами крепки?» (Иов 21:7). «Кто укажет Ему путь Его, кто может сказать: «Ты поступаешь несправедливо»? (Иов 36:23). «Что устремляешь против Бога дух твой, и устами твоими поизносишь такие речи?» (Иов 15:13). «...раб Мой Иов помолится за вас, ибо только лице его Я приму, дабы не отвергнуть вас за то, что вы говорили о Мне не так верно, как раб Мой Иов» (Иов 42:8).

Это все вопросы сказок «Тяжба с Богом» (73), «Суд над Богом» (74), «Как Иосе обеднел и снова разбогател» (78). «Сказка о том, как еврей послал Богу письмо на Небо и как Тот ему помог (93).

Сказка является аналогом истории с Элимелехом из Лежайска. Ребе Элимелех трижды пытался налить суп из супницы и трижды ее опрокидывал. Одновременно австро-венгерский император трижды тянулся к чернильнице, чтобы подписать антиеврейский указ, и трижды чернильницу опрокидывал. В конце концов он заявил, что не будет подписывать этот указ. Это мистическое каббалистическое воздействие праведного человека и посредника, как Моисея на Синае, принимая Завет (Бешт), между Богом и народом, частью Шехины, на мир, в данном случае на власть, что соответствует хасидскому пониманию веры-иудаизма. В еврейской сказке пытаются найти волшебство и вид волшебных сказок, но иудаизм исключает волшебство и чародейство как языческое колдовство, но предполагает акты мистического воздействия человека на вещи и их преобразование в духе Каббалы. «Который делает ничтожными знамения лжепророков, и обнаруживает безумие **волшебников,** мудрецов прогоняет назад, и знание их делает глупостью» (Ис. 44:25).

3. Сказка «Гершеле переписывается с Богом» (136). Гершеле **пишет письмо Богу**, в котором говорит, что его жена, дети и он умирают с голоду и просит помочь, надеясь на Бога! Письмо вложил в конверт и бросил на улице, полагаясь на Бога, судьбу и случай. Письмо подобрал богач, прочел, пришел и дал Гершеле три рубля. «На, возьми, Бог послал тебе через меня трешницу! – Представляю себе, – ответил Гершеле, – сколько вам дал для меня Бог, если на мою долю осталось целых три рубля» [Еврейские народные сказки, 2015:251]. Во-первых, имеет место опыт познания Бога в вопросах Иова и отстаивание своей правды перед Богом. Во-вторых, имеет место насмешка над надеждой на Бога, а не и на себя. Во-вторых, Гершеле смеется над Богом, который через Богача дает – три рубля! В-третьих, Гершеле смеется над жадностью Богача, который жертвует от имени Бога три рубля, он подменяет Бога и говорит от Его имени то, что Бог не говорил, и Бог его не посылал! В-четвертых, он святотатственно от имени Бога издевается над человеком. В-пятых, Гершеле смеется на Богачом в том смысле, что он воровски приобрел богатство и в данном случае – давая столь мало – крадет у Гершеле и у Бога, будучи вором, крадет из того многого, что должен был дать Гершеле Бог! В-шестых, богач злой богоборец и законченный негодяй, которому присуща напрасная ненависть к человеку. В-седьмых, Гершеле печально иронично констатирует, что нельзя изменить ситуации, в которой Бог дает богатому и не дает бедному!

Вывод из сказки: «Сказал безумец в сердце своем: «нет Бога». Неужели не вразумятся делающие беззаконие, съедающие народ Мой, как едят хлеб, и не призывающие Бога? Там убоятся они страха, где нет страха; ибо рассыплет Бог кости ополчающихся против тебя. Ты постыдишь их, потому что Бог отверг их. Кто даст с Сиона спасение Израилю? Когда Бог возвратит пленение народа Своего, тогда возрадуется Иаков и возвеселится Израиль» (Пс. 52:2-7). Это едкая сатира на тех, кто лжеверующие. О них Христос сказал: «А упадшее на камень, это те, которые, когда услышат слово, с радостью принимают, но которые не имеют корня, и временем веруют, а во время искушения отпадают» (Лк. 8:13).

Данный род сказок – **предупреждение** людям грядущим: «Передам домы ваши людям грядущим, которые, не слышав Меня, уверуют, которые, хотя Я не показывал им знамений, исполнят то, что Я заповедовал, не видев пророков, воспомянут о своих беззакониях». «И сказал Сидящий на престоле: се, творю все новое. И говорит мне: напиши; ибо слова сии истинны и верны», «Се, гряду скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его»[3 Ездра1:35; Отк. 21:5;22:12].

Литература

Агада. Сказания, притчи, изречения Талмуда и Мидрашей. – М.: Раритет, 1993. – 319 с.

Библиотека русского фольклора. Сказки, Кн. 1. – М.: Советская Россия, 1988. – 544 с.

Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 2. – М.: Советская Россия, 1989. – 576 с.

Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 3. – М.: Советская Россия, 1989. – 624 с.

Богдан Дземидок. О комическом. – М.: Прогресс, 1974. – 222 с.

Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследования, гипотезы. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 464 с.

Вавилонский талмуд. Антология Аггады. Изд. Штейнзальца. Т. 1. – Иерусалим-Москва, Институт изучения иудаизма в СНГ, Израильский институт талмудических публикаций, 5761-2001. – 325 с.

Вавилонский Талмуд. Трактат Таанит. Изд. Штейнзальца. – Иерусалим-Москва, Институт изучения иудаизма в СНГ, Израильский институт талмудических публикаций, 1998. – 337 с.

Гагаев А. А., Гагаев П. А. Русская цивилизация и фольклор. Мир сказки. – М.: РИОР, 2014. – 201.

Гагаев А. А., Гагаев П. А., Кудаева Н. В. Философия мордовской сказки. Мокшень ёфксонть философиясь. Эрзянь ёвконть философияс. – Самара: Изд. «Сам ГУПС», 2014. – 109 с.

Гагаев А.А., Гагаев П.А. Педагогика Махабхараты. – М.: ИЦ РИОР, НИЦ ИНФРА-М, 2015. – 246 с.

Древнее зеркало. Китайские мифы и сказки. – М.: Конкорд, 1993. – 252 с.

Еврейские народные сказки. Собрание Е.С.Райзе. – Санкт-Петербург: Изд. «Симпозиум», 2015. – 568 с.

Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустого арх. Константинопольского избранные творения. Толкование на св. Матфея Евангелиста, т. 1. – М.: Посад, 1993.

Йерушалми Й.Х.Захор. Еврейская история и еврейская память. – М.: Мосты культуры, 2004. – 168 с.

Книга Тысячи и одной ночи в восьми томах. Т. 5, ночи 434-606. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1959. – 470 с.

Когда улыбается удача. Индийские сказки, легенды и народны рассказы. – М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, Школа-Пресс, 1995. – 320 с.

Марков А. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. – М. : Астрель: CORPUS, 2012. – 527 с.

Марков А. Эволюция человека. Кн. вторая. Обезьяны, нейроны и душа. – М. : Астрель: CORPUS, 2012. – 512 с.

Махабхарата. Рамаяна. – М.: Худ. лит., 1974. – 606 с.

Махабхарата. Книга Первая. Адипарва. – М.-Л.: АН СССР., 1950. – 738 с.

Мудрецы Китая. Ян Чжу. Лецзы. Чжуанцзы. – Спб.: Петербург-XX1 век совместно с ТОО «Лань». Перевод Л.Д. Позднеевой, 1994. – 416 с.

Ньюберг Эндрю, Аквили Юджин д, Роуз Винс. Тайна Бога и наука о мозге. Нейробиология веры и религиозного опыта. – М.: Эксмо, 2013. – 320 с.

Ренан Э. Антихрист. – Ярославль: ТЕРРА,1991. – 425 с.

Ренан Э. Жизнь Иисуса. – М.: Политиздат, 1991. – 398 с.

Сахих аль-Бухари. 1-е изд., т. 1. – М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. – 472 с.

Сахих аль-Бухари. 1-е изд., т. 2. – М.: Благотворительный фонд «Ибрагим Бин Абдулазиз Аль Ибрагим», 2002. – 472 с.

Сират К. История средневековой еврейской философии. Мосты культуры. – Иерусалим: Гешарим, 2003. – 710 с.

Сказки Китая (Перевод и предисловие Б.Л. Рифтина). – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. – 400 с.

Сказки народов мира. В 10-ти т. Т. I. Русские народные сказки. – М.: Детская литература, 1987. – 719 с.

Сказки народов мира. В 10-ти т. Т. III. Сказки народов Азии. – М.: Детская литература, 1988. – 718 с.

Сказки народов мира. В 10-ти т. Т. IV. Сказки народов Европы. – М.: Детская литература, 1988. – 719 с.

Сказки народов мира. В 10-ти т. Т. VI. Сказки народов Африки, Австралии и Океании. – М.: Детская литература, 1991. – 639 с.

Спиноза Б. Соч. в 2-х т. Т. II. – Спб.: Наука, 1999. – 629 с.

Спиноза Б. Этика. – М.-Л.: Гос. Соц. Эк. Изд., 1932. – 223 с.

Тантлевский И.Р. Книги Еноха. – М.: Мосты культуры, Гешарим, 2002. – 376 с.

Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. – М.: Айрис-Пресс, Лагуна-Арт, 2004. – 688 с.

Тора Пятикнижие ИГАФТАРОТ. Ивритский текст с русским переводом и классическим комметарием «Сончино». – Москва: Мосты культуры, Гешарим Иерусалим.

Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: ООО «Изд. АСТ-ЛТД», 1992. – 672 с.

Шелер М. Избранные произведения. – М.: Гнозис,1994. – 414 с.

Шолем Г. Основные течения в еврейской мистике. – М.: Мосты культуры, 2004. – 510 с.

Шри Шримад А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада Бхагават-Гита как она есть. – Москва – Ленинград – Калькутта – Бомбей – Нью-Дели: Бхактиведанта Бук Траст, 1986. – 832 с.

Aarne A. Verzeichnis der Marchentypen. – «Folklore Fellows Communications», № 3, Helsinki, 1911.

Докт. филол. наук Н.В.Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)

ВНУТРИЭТНИЧЕСКИЕ АССОЦИАТИВНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

Объектом наших исследований является языковое сознание титульного этноса Казахстана в диахроническом аспекте (в советский период и в настоящее время), отраженное в содержании двух ассоциативных словарей казахского языка: в Казахско-русском ассоциативном словар советского периода – КРАС-

1978 [Дмитрюк, 1978] и Казахском ассоциативном словаре/ Қазақша ассоциациялық сөздік – КАС-2014 [Дмитрюк, Молдалиева и др. 2014] в сопоставительном аспекте.

Ассоциативные реакции двух поколений казахов, представленные в виде ассоциативно-вербальной сети (АВС) в прямых словарях (от стимула к реакции) послужили основой для выделения на их базе обратных словарей (от реакции к стимулу) для определения центральных значимостей – базовых ценностей, составляющих *ядро языкового сознания* титульного этноса Казахстана, рассмотренных в динамике эволюционного развития. Выстраивая ядро языкового сознания (компьютерная статистическая обработка данных принадлежит Г.А.Черкасовой), мы ставили своей целью выявить иерархию базовых ценностей казахского этноса и их трансформацию, определить направление и градус смещения основных стратегий ассоциативного поведения и перемену ментального климата в советский и постсоциалистический период

Понятие ядра, заимствованное из естественных наук, в языкознании давно приобрело статус некого центра в отличие от периферии в иерархии сопоставляемых градуальных явлений. В традициях психолингвистических исследований с использованием ассоциативных экспериментальных методик понятие ядра приобретает специфическое наполнение. В таких исследованиях ядром принято называть наиболее часто воспроизводимые ассоциации-реакции (R) в ответ на предлагаемые в эксперименте слова-стимулы (S). При этом существуют разные методики составления такого ядра: существует статистика расчета не только «прямого» характера ассоциирования (от стимула к реакции: S→R), но и «обратного» (от реакции к стимулу: R←S), что дало возможность определить как бы взаимное «притяжение» стимулов и реакций. В этом есть определенный смысл: чем больше количество породивших одинаковые реакции стимулов, тем больше связей в АВС, поэтому некоторые исследователи выстраивают ядро по количеству породивших стимулов (т.е. связей), не учитывая частотность встречаемости ассоциаций-ответов. С другой стороны, нельзя игнорировать и частоту реагирования, поэтому существует еще один вариант выстраивания ядра с учетом максимальной частоты реагирования одним и тем же словом-ассоциацией внутри всей АВС. Так или иначе, общим стремлением исследователей было выявление некоторого центра, наиболее актуального ядра ассоциативно-вербальной сети, куда входило определенное количество (от 10 до 100) единиц, отличающихся степенью интенсивности «притяжения» к высокочастотному центру’: от самых активных (10 слов – это так называемый ‘концептуальный центр’ ядра языкового сознания – ЯС) к менее активным (30 слов – это ‘малое’ ядро) и далее приближающееся к периферии условное число ассоциатов от 75 до 100 единиц, которое считается ‘большим’ ядром языкового сознания.

В наших исследованиях советского и современного периода мы также предпринимали попытку выявления ядерных слов – первых 10 и 30 наиболее часто встречающихся высокочастотных слов (ассоциаций и стимулов). Работа по составлению обратных ассоциативных казахских словарей и выстраивания на их основе ядра языкового сознания была осуществлена Г.А.Черкасовой.

Сопоставим эти списки, соответственно в КРАС-1978 и КАС-2014 гг.

Таблица 1

КРАС – 1978				**КАС – 2014**			
Ранг	***Ассоциат***	***S***	***R***	***Ранг***	***Ассоциат***	***S***	***R***
1.	Адам (человек)	70	1299	1	Жақсы (хороший)	81	1042
2.	Әдемі (красивый)	70	1033	2	Адам (человек)	61	2502
3.	Өмір (жизнь)	58	1040	3	Әдемі (красивый)	60	1000
4.	Үлкен (большой)	54	506	4	Жаман (плохой)	56	755
5.	Жақсы (хороший)	52	371	5	Көп (много)	54	417
6.	Ана (мать)	48	347	6	Бақыт (счастье)	53	676
7.	Бала (мальчик, дитя)	47	312	7	Өмір (жизнь)	53	628
8.	Ақ (белый)	46	423	8	Үлкен (большой)	47	937
9.	Көп (много)	43	640	9	Қуаныш (радость)	43	397
10.	Жер (земля)	42	639	10	Жұмыс (работа)	42	579
11.	Керек (надо)	42	375	11	Бала (мальчик, дитя)	41	972
12.	Үй (дом)	42	320	12	Керек (надо)	41	424
13.	Жоқ (нет)	39	121	13	Жігіт (парень)	40	514
14.	Қара (черный)	37	362	14	Махаббат (любовь)	40	398
15.	Болу (быть)	34	347	15	Керемет (красивый)	37	187
16.	Ағаш (дерево)	34	298	16	Қыз (девочка)	34	587
17.	Тамаша (прекрасно)	34	120	17	Ана (мать)	33	602
18.	Келді (идет)	33	358	18	Ақылды (умный)	33	523
19.	Жігіт (парень)	33	306	19	Жүрек (сердце)	33	212
20.	Қызыл (красный)	32	288	20	Арман (мечта)	32	194
21.	Жаман (плохой)	32	221	21	Отбасы (семья)	31	339
22.	Қатты (сильный)	32	177	22	Ақша (деньги)	31	287
23.	Кітап (книга)	32	168	23	Таза (чистый)	30	427
24.	Жас (молодой)	31	219	24	Бөбек (младенец)	30	179
25.	Бақыт (счастье)	30	398	25	Дос (друг)	29	208
26.	Таза (чистый)	30	325	26	Үй (дом)	28	566
27.	Қой (баран)	30	272	27	Жер (земля)	28	412
28.	Су (вода)	30	248	28	Байлық (богатство)	28	234
29.	Алу (брать)	30	176	29	Күшті (крепкий)	28	157
30.	Кино	29	75	30	Әке (отец)	28	139

Из таблицы видно, что в концептуальном центре языкового сознания почти за 40 прошедших лет остались неизменными 7 из 10 основных значимостей *адам* (человек), *әдемі* (красивый), *өмір* (жизнь), *үлкен* (большой), *жақсы* (хороший), *көп* (много), *бала* (мальчик, дитя), хотя ранг предпочтительных ценностей и поменялся. Всего же на этом пространстве 30 сопоставляемых слов ментального лексикона совпали 15 ассоциатов (ровно половина из составляющих «малое» ядро сознания), то есть еще восемь: *ана* (мать), *бақыт* (счастье), *жаман* (плохой), *жігіт* (парень), *жер* (земля), *керек* (надо), *таза* (чистый), *үй* (дом).

Если посмотреть на то, что ушло из базовых ценностей, и что появилось, то интересно отметить отсутствие в малом ядре КАС-2014 специфически значимого метафорического концепта *Ақ* (белый), который имеет в казахской языковой культуре не столько значение цвета, сколько символическое наименование чего-то чистого, светлого, невинного, освящено белыми одеждами, светлыми помыслами и делами, а также является названием всех молочных продуктов (ср.: в казахском языке словообразовательный компонент *ақ,*по данным словаря К.Бектаева [Бектаев, 2007] встречается 278 раз как в составе сложных слов, так и в устойчивых сочетаниях, придавая им значение доброго, святого, благословенного): с 8 позиции этот ассоциат ушел на 40 место большого ядра ЯС. Остальные 14 слов-концептов или опустились на более низкие позиции (*тамаша* 31, *қатты* 38, *жоқ* 42, *ағаш* 47, *су* 51, *қара* 54, *қызыл* 83, *кітап* 99 и др.) либо вообще оказались вне большого ядра сознания (*кино, алу*, *болу, келді* и др.)

Среди появившихся в КАС-2014 в концептуальном центре на 9 и 10 местах соответственно ассоциаты *қуаныш* (радость) и *жұмыс* (работа), а в малом ядре – *махаббат* (любовь), *керемет* (красивый), *ақылды* (умный), *жүрек* (сердце), *ақша* (деньги) и др.

Вообще говоря, само по себе сопоставление ассоциатов, содержащихся в обоих словарях, малоинформативно, поскольку предполагается, что за всеми переменами в составе и рангах ядра сознания в КРАС-1978 и в КАС-2014 стоят некоторым образом разные, меняющиеся картины мира двух поколений казахстанцев, и эта динамика требует особого комментария, что, ввиду ограниченного объема публикации, не может быть представлено на страницах данного издания. Этот анализ, представляющий, на наш взгляд, особый интерес и эвристическую ценность, мы выносим за рамки данной публикации для отдельной статьи.

Литература

Бектаев К.Б. Большой казахско-русский, русско-казахский словарь. Алматы: Алтын қазына, 2007. – 709 с.

Дмитрюк Н.В. Казахско-русский ассоциативный словарь. Шымкент-Москва, 1978. – 246 с. или http://dmitryuk-nv.livejournal.com

Дмитрюк Н.В., Молдалиева Д.А., Нарожная В.Д., Молданова Ж.И., Мезенцева Е.С., Сандыбаева Н.А., Абрамова Г.И. Қазақша ассоциациялық сөздік / Казахский ассоциативный словарь. Алматы-Москва: Медиа-ЛогоС, 2014. – 330 с.

Докт. филол. наук О.А. Кострова (Самара)
Olga_Kostrova@mail.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОСФЕРЫ НЕМЕЦКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ)

По признанию переводчиков, немецкая литература не находит в России массового читателя, оставаясь, по большому счету, уделом избранных. Цель настоящей статьи – на примере поэтической речи показать, почему это проис-

ходит. Различия в восприятии в русскоязычной аудитории поэзии на родном языке и поэзии переведенной могут быть обусловлены двумя причинами, одна из которых кроется лишь в приблизительной равноценности оригинального и переводного текста, а другая связана с несовпадением менталитетов, психического склада авторов поэтических произведений и взрастивших их культурных традиций. В данной работе мы пренебрегаем первой причиной, полагая возможность одинакового воздействия оригинала и перевода, и остановимся на второй, позволяющей выявить лингвокультурную специфику поэтических дискурсов.

Анализ строится на противопоставлении этнопсихологии Востока и Запада, а именно таких характеристик как коллективизм – индивидуализм и эмоциональность – рациональность. Мы опираемся также на психолингвистическую трактовку процессов порождения и восприятия текста, обзор которых представлен в [Зорькина, 2004]. Принимаются во внимание и культурные традиции. Наши исходные посылки состоят в следующем.

Концептосфера дискурсивной специфичности монокультуры представляет собой многогранный феномен, обращенный 1) к этносоциокультурному восприятию дискурсивных единиц, в том числе поэтических; 2) к выбору специфических языковых средств, используемых для создания поэтического образа и 3) к лингвокультурологическим традициям поэтического творчества.

Ядро рассматриваемой концептосферы образовано слиянием феноменов порождения и восприятия поэтической речи, обусловленных перечисленными факторами. Этнопсихологические компоненты определяют эмоционально-оценочную составляющую этого процесса, языковые компоненты отражают внутриязыковой монокультурный выбор прототипичных языковых средств, который оказывается стереотипным в рамках определенной лингвокультуры.

Проиллюстрируем сказанное примерами из немецкого и русского поэтического дискурсов.

1) Интерпретация темы Родина в немецкой послевоенной поэзии, связанная с болью и с разделом Германии, подается через обращение к Эго автора. Ср. характерное стихотворение Р. Ауслендер: *Мое Отечество погибло / Они сожгли его в огне / Теперь моя отчизна / Слово* (перевод мой – О.К.). В стихах С. Есенина на близкую тему тоже сквозит боль (ср. *Русь уходящая* или *Русь беспризорная*), которая, однако, экстраполируется во внешний мир, о чем свидетельствуют многочисленные обращения. Ср.: *О Русь, взмахни крылами, / Поставь иную крепь!*

2) Выбор поэтических средств обусловлен как системой языка, так и культурными традициями. Последнее проиллюстрируем использованием растительной символики. В немецкой поэзии, имеющей куртуазные корни, имена цветов используются при описании образа любимой; особенно популярно сравнение с розой, лилией и фиалкой. Ср.: *Deine weißen Lilenfinger, Deine klaren Veilchenaugen* (Г. Гейне). В русской поэзии язык цветов чаще используется не для сравнения, а при описании природы для создания лирического настроения.

3) Особую значимость для процесса восприятия имеет различие культурных традиций, заложенное в специфике жанров, тематических табу и особенно-

стях поэтической формы. Отторжение вызывает подчас широкое использование в немецкой поэзии сатирических и иронизирующих стихов, восходящих к жанру кабаре, специфический отбор тем, связанных с физиологией, и предпочтение нерифмованного стиха.

Шутовские мотивы нередко звучат в стихах на серьезные темы. Так, Г.М. Энценсбергер использует для создания шутовского эффекта особенности немецкого словосложения. В стихотворении *Учение о словосложении* (Wortbildungslehre) он выделяет из сложных существительных определительные компоненты, употребляя их в качестве самостоятельных определений. Например, вместо *Totenhemd* ‘саван’ читаем *In den toten Hemden,* вместо *Krankenkasse – um die kranken Kassen.* Подобная рациональность плохо согласуется с особенностями эмоционального восприятия, свойственными русскому этносу.

Физиологическая тематика, широко представленная в творчестве Г. Бенна, вводит в поэтический контекст, в частности, препарацию трупов, что вступает в непримиримое противоречие с эмоциональной оценочностью русских. По той же причине затруднено восприятие велибра и экспериментальной поэзии, типичных для немецкой культуры.

Намеченные различия требуют подтверждения системным исследованием, основанным не столько на интроспекции, сколько на психолингвистическом эксперименте.

Аспирант М.В. Маравина (Ульяновск)
maravina-m-v-2005@rambler.ru

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СУГГЕСТИВНЫХ КАЧЕСТВ ПОСЛОВИЦ

Многие исследователи выделяют выразительные средства языка, характерные для пословиц, так называемые пословичные маркеры [Иванова, 2006; Алефиренко, 2009, Аникин, 1957, Жигулёв, 1965; Мокиенко, 2006; Кунин, 2005]. «Выразительные средства способствуют большей яркости английских пословиц – этих сгустков народной мудрости, являющихся органической частью фразеологического состава английского языка» [Кунин, 2005, с. 456].

В английском языке к пословичным, как правило, относятся маркеры: фонетические (аллитерация, ассонанс, рифма, ритм), семантические (олицетворение, гипербола, парадокс, ирония, метафора, сравнение), грамматические (например, частое отсутствие артикля, отсутствие личных местоимений, параллелизм синтаксической структуры), лексические (архаизмы и историзмы) [Иванова, 2006, С. 10-11].

В русских пословицах картина принципиально такая же. Пословичными маркерами считаются фонетические (аллитерация, ассонанс, рифма, ритм), семантические (олицетворение, гипербола, парадокс, ирония, метафора, сравнение), грамматические (например, неполные предложения, параллелизм синтаксической структуры), лексические (антонимы; архаизмы и историзмы) и т.д. [см.: Алефиренко, 2009, С. 249-265, Аникин, 1957, С. 38-45; Жигулёв, 1965, С.

7-9; Мокиенко, 2006, С. 232-233 и др.]. Специфика пословичных маркеров обусловлена в первую очередь структурными различиями конкретных языков.

Активное использование различных выразительных языковых средств свидетельствует о значительном суггестивном потенциале паремиологического фонда языка.

Новым моментом, предлагаемым в настоящем исследовании, является использование классификации стилистических средств, предложенной Ю.М. Скребневым (1975). Напомним, что в своей работе «Очерк теории стилистики» Ю.М. Скребнев предлагает разграничивать парадигматические и синтагматические стилистические средства языка.

К парадигматическим стилистическим средствам относятся явления фонетики, морфологии, лексикологии, синтаксиса и семасиологии, главной характеристикой которых является их парадигматическое отношение в плане соотнесённости с речевыми сферами, а также – применительно к семасиологии – с экстралингвистическим объектом (см. Скребнев, 1975, с. 88). К явлениям синтагматической стилистики относятся стилистически значимые отношения между элементами синтагматической цепи – на первый план выходит значимость совместной встречаемости идентичных, различающихся или прямо противоположных по своей сути языковых единиц [Скребнев, 1975, с. 130].

Согласно Ю.М. Скребневу, внутри стилистически окрашенных средств следует выделять три класса стилистических единиц: неспецифические, относительно специфические и абсолютно специфические стилистические срелства (более подробно см.: Скребнев, 1975). Точно так же по аналогии с этим делением, в русском и английском материале могут быть обнаружены стилистические средства: 1) одинаково часто используемые в пословицах (неспецифические стилистические средства); 2) используемые в пословицах с существенно различной частотностью (относительно специфические единицы); 3) используемые только в одном из двух языков (абсолютно специфические единицы).

К парадигматическим явлениям семасиологии в пословицах прежде всего относятся фигуры замещения: фигуры количества (гипербола, мейозис) и качества (метонимия, метафора, ирония) (см. также: [Арнольд, 1981, С. 61-102; Барлас, 1978, С. 193-195; Гвоздев, 1955, С. 55-67, 124-132; Долинин, 1987, С. 129-162; Ильяш, 1984, С. 131-137; Кожина, 1983, С. 109-112; Рыбникова, 1937, С. 155-158, 160-221; Хованская, 1984, С. 180-188]).

Фигуры количества. Яркой выразительностью обладает такая фигура количества, как гипербола: *Physicians kill more than they cure* [DP, 2000, с. 133] (‘Доктора убивают больше людей, чем лечат’). В словаре даётся интересная историческая справка к данной пословице: «До открытий в сфере медицины (особенно антисептиков) в конце 19-го века, это, возможно, было совершенно верно». Если в момент появления пословицы она была адекватна реальности, то в современном контексте она может быть рассмотрена как гипербола. Гиперболы в русских пословицах: *Зубами скатерть с конца на конец натягиваем* [ПРН, 1957, с. 63]; *Семь сёл, один вол, да и тот гол* [ПРН, 1957, с. 90] и под.

Не менее выразителен мейозис, фигура преуменьшения количества обозначаемого свойства, признака, предмета: *Господь одним хлебом напитал ты-*

сячи [ПРН, 1957, с. 95]; *Дай вам бог пировать, а нам бы крохи подбирать!* [ПРН, 1957, с. 94] – мейозис заключается здесь в том, что *крохи* используется в значении «остатки», а остатки после пира могут быть не крошечными.

Некоторые пословицы допускают различное, подчас противоположное толкование: *One suit of law breeds twenty* [DP, 2000, с. 153] (‘Один судебный иск порождает двадцать других’). Безусловно выразительным является фигура количества числительное *twenty ‘двадцать’*, которое в зависимости от обозначаемой ситуации может быть и гиперболой, и мейозисом. Если имеется в виду ситуация, когда числительное *twenty* используется как синоним неопределённого множества (в пределах десятка), то перед нами несомненная гипербола (поскольку числительное ‘двадцать’ обозначает количество заведомо большее, нежели количество реальных судебных исков). Если же оно связано с обозначением бесконечной судебной тяжбы, то числительное *twenty* выступает как мейозис.

Фигуры качества. Используется в пословицах и такая фигура качества, как метонимия: *Не надейся, Роман, на чужой карман* [ПРН, 1957, с. 616]; *Свой сухарь лучше чужих пирогов* [ПРН, 1957, с. 616]; *There is nothing to choose between bad tongues and wicked ears* [DP, 2000, с. 120] (‘*Неизвестно, что хуже – злые языки или злые уши*’).

Несомненно, выразительна и метафора, одна из самых известных фигур качества: *Не от добра дерево листья роняет* [ПРН, 1957, с. 106]; *Жена не лапоть: с ноги не сбросишь* [ПРН, 1957, с. 757]; *Riches have wings* [DP, 2000, с. 276] (‘*У богатства есть крылья*’); *A man’s wealth is his enemy* [DP, 2000, с. 277] (‘*Богатство человека – это его враг*’).

Чрезвычайно выразительна такая фигура качества, как ирония (перенос наименования по контрасту) [Скребнев, 1975, с. 126]: *Родня: наши собаки из одного корыта лакали* [ПРН, 1957, с. 389]. Здесь ирония заключается в том, что понятие *родня* соотносится с контрарным понятием *не родня*. Кроме того, пословица носит оценочный характер. Таким образом, данный пример приобретает лексически антонимичное значение, т.е. иллюстрирует иронию, явление парадигматической семасиологии.

Только и свету, что в вашем окошке [ПРН, 1957, с. 617]. Ироничность пословицы здесь адресована высокомерию собеседника: на самом деле никакой человек не может пользоваться светом только в чужом окне. Нулевой глагол *имеется, есть* используется в значении ‘*нет’* или *‘не может быть’*.

В объезд, так к обеду; а прямо, так дай бог к ночи (т.е. укорачивая путь, часто плутают) [ПРН, 1957, с. 276]. Ироничность пословицы связана с использованием понятий *в объезд* и *прямо.* Как известно, наречие *прямо* обычно связано с обозначением наиболее короткого пути, а предложное сочетание *в объезд* – с обозначением более длинного пути. В данной пословице эти слова используются в противоположном значении: путь *в объезд* означает в пословице путь, занимающий меньше времени, чем путь *прямо* (имеется в виду возможность плутания или неудобств, когда путь неизвестен).

Такого же рода ирония наблюдается и в пословице: *Кто прямо ездит, дома не ночует (т.е. кто прямой дороги ищет вместо торной)* [ПРН, 1957, с. 276].

Leeches kill with licence [DP, 2000, с. 133] (‘*Доктора убивают по лицензии*’). Ирония в данном случае заключается в том, что доктора призваны по лицензии лечить, а не убивать, как следует из пословицы. Пословица носит оценочный характер, а используемое понятие *kill* ‘убивают’ соотносительно с контрарным понятием *heal* ‘лечат’. В этих условиях высказанное имеет лексически антонимичное значение, что и позволяет отнести данное явление парадигматической семасиологии к иронии. Кроме того, в пословице присутствует архаизм *Leeches* – выразительное средство парадигматической лексикологии.

Lend your horse for a long journey, you may have him return with his skin [DP, 2000, с. 156] (‘*Одолжи свою лошадь для долгого путешествия – возможно, тебе вернут её со шкурой*’). Ироничность пословицы выражается в том, что слова *have him return with…* используются в противоположном значении: в словосочетании *have him return with…* предлог *with* должен означать прибавление чего-то, обогащение чем-то, тогда как в данной пословице говорится о том, что вместо одолженной лошади вернут её шкуру, т.е. ни о каком прибавлении имущества речи быть не может, а речь может идти только об убытках.

К синтагматическим явлениям семасиологии в пословицах прежде всего относятся фигуры совмещения: фигуры тождества (сравнение, метафора/метонимия, синонимическое варьирование), неравенства (синонимы-уточнители, климакс, антиклимакс, каламбур, зевгма) и противоположности (оксюморон, антитеза).

Фигуры тождества. Достаточно часто в пословицах используются чрезвычайно выразительные сравнения: *Бьёт, как молотом куёт. Кулак, что безмен* [ПРН, 1957, с. 313]; *Ножки, как лутошки (соломенны ножки)* [ПРН, 1957, с. 315]; *Лучше раз в году родить, чем день-деньской бороду брить* [ПРН, 1957, с. 352]; *Хороша парочка, как баран да ярочка* [ПРН, 1957, с. 361]; *Дело без конца, что кобыла без хвоста* [ПРН, 1957, с. 499] и т.д.; *Love without return is like a question without an answer* [DP, 2000, с. 163] (‘Любовь без взаимности подобна вопросу без ответа’).

К фигурам тождества относятся те случаи использования метафоры или метонимии, когда традиционное наименование объекта (обычно в качестве подлежащего) сопровождается его фигуральным наименованием: *Кострома – блудливая (весёлая) сторона* [ПРН, 1957, с. 337]; *Нижегоро́д – либо мот, либо вор, либо пьяница, либо жена гулявица* [ПРН, 1957, с. 336]; *Симбирцы – гробокрады, качанники* [ПРН, 1957, с. 338]; *Елец всем ворам отец, и Ливны всем ворам дивны* [ПРН, 1957, с. 341]; *England is the ringing island* [DP, 2000, с. 86] (‘Англия – остров колокольного звона’); *England is the paradise of women, the hell of horses, and the purgatory of servants* [DP, 2000, с. 85] (‘Англия – это рай для женщин, ад для лошадей и чистилище для слуг’) и т.д. Отметим, что метафора и метонимия в подобных пословицах носят не самый яркий характер, поскольку они ослабляются расшифровкой, так как сопровождаются соответствующими им прямыми наименованиями (*Кострома, Елец, England*).

Достаточно редко в пословицах наблюдается использование синонимов-заменителей: *Золотое время – молодые лета. Золотая пора – молодые года* [ПРН, 1957, с. 352]; *An Englishman's word is his bond* [DP, 2000, с. 86] ('Слово англичанина – это его обязательство'). Заметим при этом, что в подобных сказуемых в русских пословицах существительное, входящее в их состав (существительные *время*, *пора*), достаточно часто является лексически опустошённым. В русских пословицах такой структуры имеет место быть подлежащно-сказуемностная инверсия.

Фигуры неравенства. Синонимы-уточнители, так же как и синонимы-заменители, усиливающие эмфатический эффект, в пословицах встречаются редко: *Бился, колотился и ни до чего не добился (или: а пути не добился)* [ПРН, 1957, с. 147]; *Круто-туго выжимает (бельё), знать дружка поджидает* [ПРН, 1957, с. 657]*; Хлеба не ест, вина в рот не берёт, а завсегда сыт и пьян живёт* [ПРН, 1957, с. 657] и др. В английских пословицах синонимы-уточнители нам не встретились.

Достаточно редко в пословицах используется климакс, т.е. приём, заключающийся в нарастании степени качества, интенсивности признака, где последующий элемент в том или ином смысле превосходит предыдущий: *Сырого не ем, жареного не хочу, варёного терпеть не могу* [ПРН, 1957, с. 210]; *Пьём да посуду бьём; а кому не мило, того в рыло* [ПРН, 1957, с. 255]; *Когда волк будет овцой, медведь стадоводником, свинья огородником* [ПРН, 1957, с. 293] – здесь климакс осложняется иронией; *Всё заложено, перезаложено* [ПРН, 1957, с. 537]; *Один сын – не сын, два сына – не сын, три сына – сын* [ПРН, 1957, с. 549].

Видали мы, слыхали мы, и сами едали, и других кармливали [ПРН, 1957, с. 225].

Была не была; что будет, то будет; а будет то, что бог даст [ПРН, 1957, с. 270]. В приведённой пословице климакс заключается в постепенном нарастании интенсивности веры в бога: *Была не была* (фактически *авось*) сменяется фаталистической по своему характеру формулой *что будет, то будет* (фактически означающей полное смирение перед развитием событий), а затем формулируется полное доверие к божественному провидению – *а будет то, что бог даст*. Попутно обратим внимание и на выразительность лексического повтора, яркого средства синтагматической лексикологии (*Была… была*; *будет… будет… будет*).

The first degree of folly is to hold one's self wise, the second to profess it, the third to despise counsel [DP, 2000, с. 101] ('*Первая степень глупости – считать себя мудрым, вторая – заявлять об этом, третья – с презрением относиться к советам*').

Beauty's sister is vanity, and its daughter lust [DP, 2000, с. 167] ('*Сестра красоты – тщеславие, а её дочь – похоть*'). В данной пословице наблюдается нарастание отрицательного признака (*vanity / lust*), кроме того выразительность пословицы усилена яркой метафорой (*Beauty's sister / its daughter*), известным средством парадигматической семасиологии.

Speech is silver, silence is golden [DP, 2000, с. 240] (‘*Речь – это серебро, а молчание – золото*’). В приведённом примере климакс осложнён антитезой. В целом же в английских пословицах климакс встречается крайне редко.

Ещё реже в пословицах встречается антиклимакс, т.е. любое неожиданное ослабление или снижение элемента, следующего за сильным или «высоким» элементом: *Запили тряпички, загуляли лоскутки* [ПРН, 1957, с. 255]. Комический эффект в пословице создаётся нарастанием элементов (*Запили тряпички, загуляли…*), которое неожиданно ослабляется финальным элементом *лоскутки.* Ср. также: *Умён, как поп Семён: книги продал, да карты купил* [ПРН, 1957, с. 256].

Before God and the bus-conductor we are all equal [DP, 2000, с. 91] (‘*Перед богом и кондуктором автобуса все равны*’). В данной пословице стилистически выразительно приравнивание друг к другу сакрального (*God*) и профанного (*the bus-conductor*).

Чрезвычайно редко в пословицах встречается каламбур, т.е. смысловая двуплановость, двузначность слова или выражения, представляющая собой элементарную логическую ошибку, называемую учетверением термина: *Разбил дед деревню, и баба – горшок* [ПРН, 1957, с. 226]; *Куда ты глазом кинешь, туда мы кинем* (понесём) *головы свои* [ПРН, 1957, с. 247]; *Разошлась новгородская власть – разошёлся и город* [ПРН, 1957, с. 247]. Во всех приведённых пословицах наблюдаем одновременное использование глаголов в двух значениях (*разбить* = а/ основать или разгромить и б/ расколоть; *кинуть* = взглянуть и понести; *разойтись* = распоясаться и разбежаться). Среди английских пословиц примеры каламбура нами не найдены.

Примеры зевгмы ни в английских, ни в русских пословицах нам не встретились.

Фигуры противоположности. К фигурам противоположности относятся оксюморон и антитеза.

Оксюморон – «троп, состоящий в соединении двух контрастных по значению слов (обычно содержащих антонимичные семы), раскрывающий противоречивость описываемого» [Арнольд, 2002, с. 111].

Как своего рода оксюморон вроде бы можно рассматривать использование существительного *родня* в следующей пословице: *Родня: наши собаки из одного корыта лакали* [ПРН, 1957, с. 389]. При чтении пословицы до двоеточия существительное *родня* употребляется в прямом значении, как собирательное существительное *родственники* [МАС, Т. 3, 1987, с. 724]. То же самое существительное после двоеточия: *наши собаки из одного корыта лакали* – воспринимается в противоположном смысле, как *не родня,* как *чужак.* Как известно, оксюморон (по-древнегречески «остро-тупой») предполагает использование слов с антонимичными, взаимоисключающими понятиями, напр.: *Живой труп* (заглавие известной драмы Льва Толстого), *молодые старики,* falsely true (Шекспир) [см. Скребнев, 1975, с. 155]. Уникальность пословицы заключается в том, что оксюморон в данном случае представлен одним словом, а не, как обычно, словосочетанием. Данная фигура может быть отнесена к фигурам синтагматики потому, что этот, *остро-тупой*, смысл существительного *родня* вы-

является в результате сочетаемости лексических единиц, а не в результате выбора одной единицы из ряда наличествующих (что свидетельствовало бы тогда о парадигматическом характере стилистического средства).

Возможно и другое толкование отмеченного стилистического эффекта. Явление слов, предполагающих одновременное наличие прямого и противоположного значений (типа *одолжить = 'дать в долг' и 'взять в долг'; наверно = 'может быть' и 'несомненно, точно'*) известно в лингвистике как проявление внутрисловной антонимии, или энантиосемии [Новиков, 1990, с. 36]. Полагаем тем не менее, что существительное *родня,* при его использовании в противоположном значении, иллюстрировало бы не энантиосемию, явление парадигматики, а явление синтагматической стилистики (поскольку это, противоположное, значение было бы продиктовано не системой языка, а сочетаемостью слов в пословице до и после двоеточия). Заметим, что подобные примеры в пословицах встречаются крайне и крайне редко.

Полагаем, что пословицу *Родня: наши собаки из одного корыта лакали* всё-таки лучше рассматривать как пример иронии (см. выше).

В пословичном фонде оксюморон используется крайне редко, ср.: *Своя ноша не тянет* [ПРН, 1957, с. 612]. У лексемы *ноша* в обоих лексико-семантических вариантах наблюдается сема '*трудность, тяжесть*': **груз**, переносимый на себе; *перен*.; *с определением*. что-л. **обременительное, доставляющее хлопоты, заботы** и т. п. [МАС, Т. 2, 1986, с. 512]. Та же самая сема наблюдается у глагола *тянет*: *перех*. взяв, ухватив край, конец чего-л., перемещать, приближать к себе **с силой, усилием**; *перех. Разг*. нести какие-л. обязанности, выполнять какую-л. работу (обычно **трудную или с трудом, через силу**); обеспечивать средства существования (обычно **с трудом, через силу**); растить, поднимать; *перех. Ист*. нести повинности, **тягло**; *перех.* Извлекать откуда-л. **силой** тяги (во 2 знач.); (*сов*. протянуть). Поддерживать свое существование (**с трудом, через силу** или на скудные средства); (*сов*. нет). Быть **тяжелым, веским**; (*сов*. нет) *перех*. и *без доп*. Оттягивать вниз, тащить вниз **в силу большой тяжести, большого веса**; *перех*. и *без доп*. Вызывать ощущение тяжести, тесноты, давления; *перех*. и *без доп*. Вызывать ощущение **тяжести, тесноты, давления** [МАС, Т. 4, 1988, с. 439]. В этом смысле, пословица *Своя ноша не тянет* близка к значению '*свой вес ничего не весит*' или '*своя тяжесть не является тяжёлой*', что и позволяет говорить о наличии оксюморона в данной пословице.

No friend to a bosom friend; no enemy to a bosom enemy. Implies that just as there is no better friend than a bosom friend, there is no worse enemy than an intimate or familiar one [DP, 2000, с. 84] *'Нет друга лучше, чем закадычный друг; нет врага худшего, чем враг заклятый, да ещё и рядом'*. Подразумевается, что как не существует друга лучше, чем закадычный, так и не существует врага хуже, чем близкий и знакомый. В данном примере используется оксюморон ***bosom enemy*** ('*закадычный враг*'). Привлекают внимание и другие лексические, синтаксические и семасиологические выразительные средства в пословице: лексический повтор каждого слова (*No friend to a bosom friend; no enemy to a bosom enemy*); эллипс (*<There is> no friend to a bosom friend; <there is> no enemy*

to a bosom enemy); параллельная синтаксическая конструкция (*No… to…; no… to…*), яркая антитеза (*bosom friend / bosom enemy*). Данная пословица представляет собой бессоюзное сложное предложение, соотносительное со сложноподчинённым предложением с сопоставительным придаточным (*<As there is> no… ; <as there is> no…*), что, в свою очередь, может рассматриваться как дополнительная эллиптичность конструкции. Как видим, в пословице переплетаются языковые средства различных языковых ярусов.

'Tis a ***sweet sorrow*** *to bury an outrageous wife* [DP, 2000, с. 174] *'Это приятная печаль хоронить скандальную жену'.* В пословице используется оксюморон ***sweet sorrow*** ('*приятная печаль*'). Кроме того, наблюдается нулевая фонема <ø> (замещающая фонему <i>), связанная с разговорным характером речи ('Tis = It is).

Если оксюморон в пословичном фонде встречается крайне редко, то антитеза в пословицах встречается чрезвычайно часто, хотя в английских значительно реже, чем в русских: *И в бедах люди живут, а в неправде пропадают* [ПРН, 1957, с. 191]; *Мужичок с ноготок, а борода с локоток* [ПРН, 1957, с. 315]; *Сам с нос, борода с воз* [ПРН, 1957, с. 315]; *Родимая сторона – мать, чужая – мачеха* [ПРН, 1957, с. 325]; *Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком* [ПРН, 1957, с. 638]; *Не бойся врага умного, бойся друга глупого!* [ПРН, 1957, с. 743].

Отметим, что в английских пословицах антитеза выражается более мягко, сдержанно, не так очевидно, как в русских пословицах: *Much law, but little justice* [DP, 2000, с. 153] ('Много законов, но мало справедливости'); *In a thousand pounds of law, there's not an ounce of love* [DP, 2000, с. 153] ('В тысяче фунтов закона нет ни унции любви'); *If we have not the world's wealth, we have the world's ease* [DP, 2000, с. 209] ('Если не дано богатство всего мира – у нас есть свобода этого мира').

Вместе с тем заметим, что русские пословицы в изобилии предоставляют материал такого стилистического явления, которое не зафиксировано в стилистической классификации Ю.М. Скребнева. Это явление синтагматической семасиологии не зафиксировано и в других работах по стилистике языка (как русского, так и английского). Речь идёт о пословицах, иллюстрирующих *бессмыслицу*, в том числе *бессмысленную* перестановку слов: *Седлай порты, надевай коня* [ПРН, 1957, с. 460]; *Увидал, что на утках озеро плавает* [ПРН, 1957, с. 460]; *Деревня переехала поперёк мужика* [ПРН, 1957, с. 461]; *На море овин горит, по небу медведь летит* [ПРН, 1957, с. 461]; *Жаба у рака гнездо отняла* [ПРН, 1957, с. 461]; *Курочка бычка родила, поросёнок яичко снёс* [ПРН, 1957, с. 461]; *На дубу свинья гнездо свила, а овца пришла, яйцо снесла* [ПРН, 1957, с. 461]; *Комар парню ногу отдавил* [ПРН, 1957, с. 461]; *Беды натворил, щуку с яиц согнал* [ПРН, 1957, с. 461]; *Однажды шёл дождик дважды* [ПРН, 1957, с. 461]; *Подпояшьте гуся на мороз* [ПРН, 1957, с. 461]; *Подкуй козла: лошадям легче. Пришей кобыле хвост!* [ПРН, 1957, с. 461]; *Холм высок, а всё песок – без подков не взойдёшь* [ПРН, 1957, с. 461] и т.п. Полагаем, что в данных пословицах проявляется любовь русского народа к слову, к игре словом, ироническое отношение к рассказываемым небылицам. В лингвистическом плане в такого

рода пословицах наблюдаются различные семантические эффекты: перестановка обычной лексической сочетаемости слов (*Седлай порты, надевай коня*); нарушение обычной референтной отнесённости высказывания (*На море овин горит, по небу медведь летит*); нарушение правил обычной логики, так называемые логические ошибки (*Подкуй козла: лошадям легче*); одновременное использование слова в двух значениях (*Однажды шёл дождик дважды*) и т.д.

Таким образом, общими семасиологическими средствами русских и английских пословиц являются гипербола, мейозис, метонимия, метафора, ирония, сравнение, антиклимакс, антитеза, использование метафоры и метонимии вместе с прямыми наименованиями, использование синонимов-заменителей, крайне редкое употребление оксюморона. К относительно-специфическим средствам относится климакс (чаще представленный в русских пословицах). Использование синонимов-уточнителей, наличие каламбура являются специфическими выразительными средствами русских пословиц.

Для нас важно подчеркнуть научную плодотворность стилистической классификации выразительных языковых средств, предложенной около 40 лет тому назад профессором Ю.М. Скребневым.

Цитируемая литература:

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: Учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н.Н. Семененко. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.

2. Аникин В.П. Пословицы и поговорки // Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1957. – 240 с.

3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования) : Учеб. пособие. – Изд. 2-е, перераб. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.

4. Барлас Л.Г. Русский язык. Стилистика : Пособие для учителей. – М.: Просвещение, 1978. – 256 с. – (Б-ка учителя рус. яз.)

5. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – Изд. второе. – М.: Учпедгиз, 1955. – 464 с.

6. Даль В.И. Пословицы русского народа. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. – 991 с.

7. Долинин К.А. Стилистика французского языка : Учеб. пособие. – 2-е изд., дораб. – М.: Просвещение, 1987. – 303 с.

8. Иванова Е.В. Мир в английских и русских пословицах: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. Ун-та; Филол. ф-т СпбГУ, 2006. – 280 с.

9. Ильяш М.И. Основы культуры речи : Учеб. пособие для студ. филол. спец. ун-тов. – К.: Одесса: Вища школа, 1984. – 188 с.

10. Кожина М.Н. Стилистика русского языка: учебник / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 1983. – 223 с.

11. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс+, 2005. – 488 с.

12. Мокиенко В.М. Национальное и интернациональное в славянской паремиологии // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 кн. / [отв. ред. Г.П. Нещименко]; Науч. Совет РАН «История мировой культуры»; Ин-т славяноведения РАН. – М.: Наука, 2006. – 30Н. 1. – 2006. – С. 219-249

13. Новиков Л.А. Антонимы // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.

14. Рыбникова М.А. Введение в стилистику. – М.: Сов. писатель, 1937. – 284 с.

15. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: Учебное пособие для студентов и аспирантов филол. спец-тей. – Горький: ГГПИИЯ, 1975. – 175 с.

16. Словарь русского языка: в 4-х т./ АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985 – 1988. Т. I. А – Й. 1985. 696 с. Т. II. К – О. 1986. 736 с. Т. III. П – Р. 1987. 752 с. Т. IV. С – Я. 1988. 800 с.

17. Хованская З.И. Стилистика французского языка : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. языков. – М.: Высш. шк., 1984. – 344 с.

18. Rosalind Fergusson, Jonathan Law. Dictionary of Proverbs / Second edition. – Chatham: Penguin Books, 2000. – 365 p.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru

ОНТОГЕНЕЗ ПИРАМИДЫ УСТАНОВОК

Анализ научных источников позволил выделить семь уровней социально-психологических установок (ср.: В.А.Ядов [В.А.Ядов, 1975]). Вполне обозримое число групп установок позволяет, как справедливо пишет Г.Олпорт, соблюсти разумное равновесие между слишком тонкими и слишком грубыми для нашей цели различиями [Г.Олпорт, 2002, с. 335], а «магическое» число 7 ± 2 оказывается пределом объёма оперативной памяти человека [Дж.А.Миллер, 1964].

Выделение семи групп (уровней) установок основывается на принципе восхождения от простого к сложному, на принципе расширения сознания в процессе онтогенеза. В отличие от А.Маслоу, предлагавшего «пирамиду» потребностей, на вершине которой находится «самоактуализировавшаяся личность», нам в большей степени импонировали бы семь концентрически расположенных кругов потребностей и, соответственно, установок – установки физического, личностного, межличностного, этнического, социального, принципиального и интегративного уровней (рис. 1).

В качестве наименьшего круга выступают потребности и установки физического плана, в качестве наибольшего – потребности и установки интегративного характера. Идея концентрически расположенных кругов плодотворна по-

тому, что автоматически предполагает преемственность в развитии, предполагает зависимость развития вышележащих уровней установок от степени развития установок нижележащих. Она адекватна также потому, что отражает последовательность уровней социализации при взрослении личности.

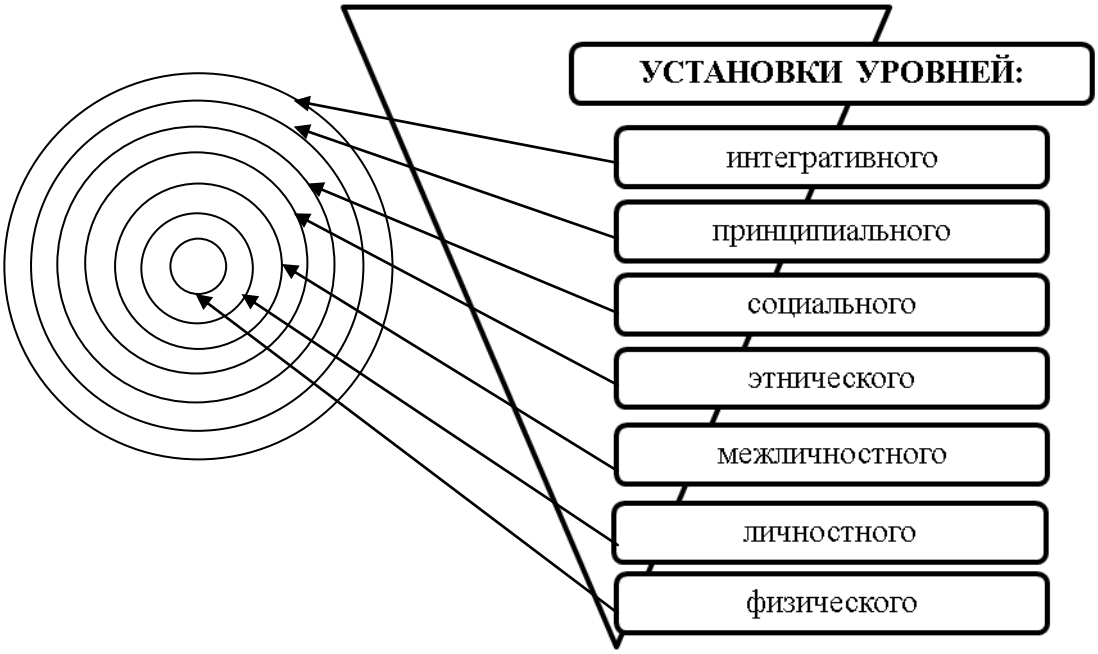

Рис. 1 – Иерархия уровней установок

Наше предложение семи кругов потребностей по своему существу совпадает с позицией Г.Олпорта: «Чувство *Я*, постепенно возникающее в младенчестве, не формируется полностью в первые три или первые десять лет жизни. Оно продолжает расширяться с опытом, по мере увеличения круга того, в чём человек участвует» [Г.Олпорт, 2002, с. 335]. См. также: "Для зрелого человека жизнь – это нечто гораздо большее, чем пища, питьё, безопасность, спаривание. Жизнь больше всего того, что прямо или даже косвенно можно отнести к «редукции влечения». Если у человека не развились сильные интересы «вне его» (но всё ещё являющиеся частью его), его жизнь ближе к животному, чем к человеческому уровню существования" [Г.Олпорт, 2002, с. 336]. Методологически очень важным представляется суждение Г.Олпорта о том, что на последовательных стадиях жизни указанные семь аспектов не функционируют раздельно: «В нашей повседневной жизни некоторые из этих аспектов или даже все вместе сосуществуют» [Г.Олпорт, 2002, с. 261].

Если уж принимать идущую от А.Маслоу идею «пирамиды» потребностей и установок, то, по нашему мнению, эта пирамида должна быть не только семиуровневой, но также и перевёрнутой, поскольку должна символизировать – при развёртывании жизненного пути – принцип расширения сознания. «В процессе исторического развития круг того, в чём человек нуждается, расширяется» [С.Л.Рубинштейн, 2000, с. 518]; «Человек живёт как бы во всё более расширяющейся для него действительности» [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 216]:

Подобное решение для психологов новым не является. Когда Э.Эриксона спросили, почему стадии развёртывания жизни у него на схеме изображены по диагонали, он ответил: «Чтобы показать, что то, как решено на 1-й стадии, так же будет решено и на последней» (цит. по: [Л.Д.Столяренко, 2000, с. 123]).

Развитие вышележащих уровней установок, с одной стороны, зависит от степени развития нижележащих установок, но если наблюдается «раздутость» установок нижних ярусов и незрелость высших установок, то жизнь человека, как справедливо формулирует Г.У.Олпорт, «ближе к животному, чем к человеческому уровню существования». С другой стороны, «пропуск» (=незрелость) хотя бы одного из семи выделенных уровней делает установки личности менее адекватными, в бóльшей степени деструктивными. Признание иерархичности психологических установок, думается, вполне соответствует традициям отечественной психологии опираться на целостное представление об объекте исследования – человеке, стремиться давать ему комплексное и системное описание [В.А.Кольцова и др., 1997, с. 29-30]. Хотя удовлетворение витальных потребностей, пишет А.Н.Леонтьев, остаётся для человека «первым делом» и неустранимым условием его жизни, всё-таки высшие, специально-человеческие потребности вовсе не образуют собой лишь наслаивающиеся поверхностные образования: «…Когда на одну чашу весов ложатся фундаментальнейшие витальные потребности человека, а на другую – его высшие потребности, то перевесить могут как раз высшие потребности. Это общеизвестно и не требует доказательств» [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 208].

Достаточно беглое рассмотрение уровней психологических установок (в широком смысле этого понятия) заставляет признать, что на всех этих уровнях существуют явления «зрелого» и «незрелого» порядка, явления конструктивного и деструктивного характера. Деление установок на «зрелые», гармоничные, конструктивные, с одной стороны, и, с другой – на «незрелые», дефектные, деструктивные распространяется на установки всех уровней. В первом случае говорят о совладающем поведении, во втором – о поведении защитном (обзор точек зрения см.: [И.Г.Малкина-Пых, 2009]).

В настоящей статье производится краткий обзор взглядов психологов на формирование социально-психологических установок личности – от рождения до студенческого возраста. Главный акцент при этом делается не на последовательном пересказе психологических исследований, а на кратком пересказе результатов этих исследований. Новизна предпринятого подхода заключается в активном использовании словарей антонимов русского языка, позволяющих дать обильный материал для группирования социальных качеств личности по соответствующим уровням установок [Л.А.Введенская, 2003; Л.А.Введенская, 2010; М.Т.Львов, 1984].

Все исследователи сходятся на том, что самым важным периодом для формирования личности (и её установок) является начало жизни, с момента рождения до 1,5 – 2 лет. Именно в это время закладывается базовое доверие к окружающему миру или, напротив, глубокое недоверие к нему. Младенчество – это сензитивный период ***для формирования установок физического уровня*** – жить или умереть. «Ребёнку должно быть сообщено основное чувство, что мир

хорош» [Б.Ливехуд, 2000, с. 145]. С одной стороны, «ребёнок вначале не выделяет даже своего тела из окружающего мира вещей», а с другой, «у ребёнка уже на 2-м мес. появляются далее всё развивающиеся и усложняющиеся специфические реакции социального характера (на человеческий голос, на выражение человеческого лица), активный поиск контакта с другим человеком…» [Л.С.Выготский, 1984, с. 305, 316-317]. Как формулирует Э.Эриксон, именно в это время, время младенчества, закладывается фундаментальное стремление к жизни или стремление к смерти [см.: Л.Д.Столяренко, 2000, с. 120]. Постоянное общение с матерью является главным фактором формирования установок жизнеутверждающего или разрушительного характера. Базовое доверие к миру проявляется в лёгкости кормления, хорошем сне ребёнка, нормальной работе кишечника, умении ребёнка ждать мать. Если же мать тревожна, невротична, а обстановка в семье напряжена и ребёнку не уделяют достаточного внимания, то формируется базовое недоверие к миру, устойчивый пессимизм, а психическое развитие ребёнка резко замедляется.

Именно в это время, по нашему мнению, формируются следующие качества личности (см. табл. 1):

Табл. 1 – Признаки установок физического уровня

Физические установки	
Жить	**Умереть**
1) доверяющий миру, сильный	1) не доверяющий миру, слабый
2) оптимистичный, весёлый, жизнерадостный	2) пессимистичный, грустный, тяжёлый
3) Характеризующийся избытком энергии, энергичный, резвый, жизнерадостный	3) характеризующийся недостатком (энергии), неэнергичный, безжизненный, вялый
4) живой, здоровый (обладающий здоровьем), нормальный, плодовитый, многодетный, долго живший	4) мёртвый, больной (страдающий какой-либо болезнью), болезненный, некрасивый, бесплодный, малодетный, мало живший
5) красивый	5) уродливый, безобразный

Указанные качества проявляются не сразу после рождения, они именно закладываются, некоторые из них проявятся уже в зрелом или даже преклонном возрасте (например, различия в продолжительности жизни, количестве детей и др.)

С того момента, как ребёнок научается ходить, обучается контролировать себя при выполнении актов мочеиспускания и дефекации, запускается такая психологическая установка, как стремление к самостоятельности, опрятности, автономии. И здесь многое зависит от родителей. Если они не подавляют желания ребёнка, не наказывают за провинности, то в нём формируются гармоничные ***установки личностного уровня***. Именно в это время он впервые рождается как личность, как «Я», проходит через стадию автономной детской речи, именно в это время в нём закладывается творческое начало (см. работы З.Фрейда, Э.Эриксона, Д.Б.Эльконина, Л.С.Выготского, В.В.Давыдова). В тех

же случаях, когда он подвергается социальному порицанию, осуждению и, тем более, физическому наказанию, ребёнок нередко демонстрирует или протест-бунт, или возрастание отрицания себя как личности. Психика ребёнка оказывается местом столкновения двух противоположно направленных мотивов-тенденций: *хочу* (Я сам) и *надо* (соответствовать требованиям взрослых). В конце второго года жизни возрастной кризис данного периода жизни преодолевается легко, после 3-х лет осложняется и затягивается (Л.И.Божович).

Личностные установки направлены на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь, как и на других уровнях, могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана)

Именно в это время, с 1,5 до 3-4-х лет, по мнению многих исследователей, формируются следующие качества личности (см. табл. 2):

Табл. 2 – Признаки установок личностного уровня

Личностные установки	
Развиваться, раскрываться	**Деградировать, не раскрываться**
1) осознающий свою важность в этом мире, смелый	1) не осознающий своей важности в этом мире, боязливый, трусливый, застенчивый
2) уверенный в себе, спокойный; самостоятельный, весёлый	2) неуверенный в себе, беспокойный, нервозный, зависимый, беспомощный, тоскливый
3) умный, ориентирующийся на истину, сообразительный, внимательный, дальновидный, серьёзный, точный, образованный, просвещённый	3) глупый, ориентирующийся на авторитеты; бестолковый, рассеянный, близорукий, легкомысленный, неаккуратный, невежественный, непросвещённый
4) одарённый, талантливый (даровитый, обладающий талантом)	4) бездарный (лишённый таланта, одарённости)
5) творческий, интересный, инициативный, деятельный, трудолюбивый, умелый	5) нетворческий, занудный, пассивный, ленивый, неумелый

В 3 – 4 года ребёнок начинает включаться в межличностные отношения, прежде всего с близкими и родными (братьями и сёстрами), именно в это время в нём формируются те или иные ***установки межличностного уровня***. В это время у него появляются игры, связанные с внесением элементов воображения в ситуацию [Л.С.Выготский, 1984, с. 349]. В тех случаях, когда родителям удаётся сформировать в ребёнке ответственность за межличностные отношения, у него возникают гармоничные установки на этом уровне. Дети с такими установками могут дружить, играть, «секретничать» отдельно от взрослых, заботиться друг о друге. В семье с единственным ребёнком встречается стремление к деспотизму. Семизвездие симптомов (негативизм, упрямство, строптивость, своеволие, протест-бунт, обесценивание, деспотизм-ревность) – яркая отличи-

тельная особенность кризиса 3-х лет (Л.С.Выготский). От характера прохождения этого кризиса зависит то, какие именно установки: созидательного или разрушительного характера – будут преобладать в дальнейшем в межличностном общении данного субъекта. В семье с двумя детьми доминирует конфликтный, соперничающий стиль взаимоотношений. В семье с несколькими детьми та же тенденция к господству, к власти выступает как источник ревнивого отношения к другим детям [Л.С.Выготский, 1984, с. 371], но объективно носит менее выраженный характер.

Именно в это время, с 3 до 4-х лет, как свидетельствуют исследования различных авторов, формируются межличностные установки, обеспечивающие развитие или разрушение межличностных отношений с близкими, родными, друзьями и товарищами (сюда же относятся установки на отношения с лицами противоположного пола), закладываются следующие качества личности (см. табл. 3):

Табл. 3 – Признаки установок межличностного уровня

Межличностные установки	
Брать ответственность за отношения	**Не брать ответственность за отношения**
1) лёгкий, общительный, доступный, коммуникабельный, располагающий к себе, уживчивый, тактичный, вежливый	1) тяжёлый, необщительный, замкнутый, некоммуникабельный, неприятный, непокладистый, бестактный, грубый
2) честный; верный, непритворный, искренний; правдивый	2) нечестный, бессовестный; вероломный, неверный, двоедушный; фальшивый, лицемерный; лживый
3) простодушный, доверчивый	3) хитрый, подозрительный
4) добрый, сердечный, ласковый, заботливый, отзывчивый, доброжелательный	4) злой, бессердечный, грубый (строгий), отстранённый, безразличный; равнодушный; агрессивный, недоброжелательный
5) бескорыстный, благодарный	5) жадный, корыстный; неблагодарный

Почти одновременно с межличностными, но чуть позже, примерно в четыре года ребёнок начинает понимать, что он принадлежит к конкретной национальной общности. Общение вне дома, разговоры с родителями способствуют его этнической самоидентификации. Известно, что ***этнические установки*** относятся к наиболее устойчивым психологическим установкам личности, поскольку они:

– по своему содержанию чрезвычайно консервативны;

– включают в себя яркие образы;

– передаются от поколения к поколению и

– опосредуют действия и поведение человека как представителя конкретной этнической общности [H.Tajfel, 1981, с. 78-80; см. также: В.Г.Крысько, 2009, с. 130]. Будучи заложенными в памяти представителей конкретной этнической общности, национальные установки «извлекаются» из неё автоматиче-

ски и во многом предопределяют поведение личности в том или ином виде деятельности. Наиболее отчётливо этнические установки проявляются в межнациональных контактах. О том, что этнические установки закладываются в достаточно раннем детстве, пишут многие исследователи [см.: H.Tajfel, 1981; Ю.В.Бромлей, 1983 и др.]. Как пишет Т.Г.Стефаненко, первые «проблески» диффузной идентификации с этнической группой большинство авторов обнаруживает у детей 3 – 4 лет, есть даже данные о первичном восприятии ярких вешних различий – цвета кожи, волос – детьми до трёх лет. Но практически все психологи согласны с тем, что *реализованной этнической идентичности* ребёнок достигает в подростковом возрасте, когда рефлексия себя приобретает для человека первостепенное значение [Т.Г.Стефаненко, 2009, с. 250]. К 4 – 6 годам сверстник по привлекательности начинает обгонять взрослого в качестве желанного партнёра, игра становится совместной, коммуникация со сверстниками стимулирует использование речи в большей степени, чем общение со взрослым [Н.В.Коптева, 1996, с. 6], что оказывается существенным фактором становления и развития установок межличностного, этнического и собственно социального плана.

Именно в это время, начиная с 4-х до 12-14-ти лет, формируются расово-этнические установки, связанные с принадлежностью к определённому этносу, расе (здесь могут быть выделены тоже две противоположные позиции: альтруистическая и эгоистическая; см.: [Л.Н.Гумилёв, 1997, с. 162-163].

Именно в это время закладываются следующие качества личности (см. табл. 4):

Табл. 4 – Признаки установок этнического уровня

Этнические установки	
способствовать национальному возрождению	**способствовать национальному вырождению**
1) осознающий важность вопроса о своей национальной принадлежности	1) не принимающий важности вопроса о своей национальной принадлежности
2) альтруистичный, работающий на благо своего этноса	2) эгоистичный, работающий на собственное благо
3) обладающий развитой национальной идентичностью	3) обладающий ослабленной национальной идентичностью
4) националистичный, симпатизирующий представителям своего этноса	4) космополитичный, не видящий разницы между представителями различных этносов
5) плодовитый, многодетный	5) малодетный

В 6 – 8 лет у ребёнка складываются ***социальные установки*** (в узком смысле этого слова). Период подготовки к школе и начало обучения в ней сопровождается известным кризисом семи лет – «утратой непосредственности» [Л.С.Выготский, 1984, с. 376-377]. Ведущим типом деятельности в младшем школьном возрасте оказывается учебная деятельность. У ребёнка появляется способность действовать в соответствии с принятым намерением, появляется

подлинная самооценка, т.е. устойчивое внеситуативное отношение к себе. При позитивном прохождении начального включения в учебную деятельность у ребёнка появляется теоретическое сознание и мышление и соответствующие им способности (рефлексия на способ действия, мысленное планирование и самоконтроль). При негативном прохождении кризиса 7 лет у ребёнка наблюдаются манерничанье, кривляние, паясничанье. От характера прохождения этого кризиса зависит то, какие именно установки: созидательного или разрушительного характера – будут преобладать в дальнейшем в социальном общении данного субъекта: или установки на сотрудничество, на органичное включение в учебную общность, на возникновение рефлексивных отношений, умение договориться между собой (созидательные установки), или установки на удерживание в рамках привычных исполнительских отношений с умелым взрослым, на запрашивание у учителя готового образца действия и воспроизведение его, на конформизм и т.п. феномены не вполне социального поведения (установки разрушительного характера).

Именно в это время, начиная с 6-8-ми, формируются собственно социальные (в узком смысле этого слова) установки, направленные либо на общекомандные, корпоративные отношения, либо на конформизм и подавление инакомыслящих в конкретном социальном сообществе (в том числе в семье как первичной ячейке общества). В это время формируется базовая установка личности – созидать или разрушать в социуме. Именно в это время закладываются социальные качества личности (см. табл. 5):

Табл. 5 – Признаки установок социального уровня

Социальные установки	
способствовать созидательным процессам в социуме	**способствовать разрушительным процессам в социуме**
1) производящий, работящий, трудолюбивый, деятельный, щедрый, жизнедеятельный	1) потребляющий, ленивый, бездеятельный, скупой, бездейственный, бездействующий
2) коллективистский, благожелательный, человечный, патриотичный, вежливый, миролюбивый, ищущий единомышленников	2) индивидуалистский, враждебный, бесчеловечный, космополитичный, невежливый, властолюбивый, собирающий противников
3) грамотный, образованный, культурный, требовательный, успешный, оригинальный, интересный, компетентный, квалифицированный	3) неграмотный, невежественный, дикий, снисходительный, неуспешный, обычный, неинтересный, некомпетентный, неквалифицированный
4) уважаемый, добросовестный, ответственный, организованный, дисциплинированный, управляемый	4) неуважаемый недобросовестный, безответственный, неорганизованный, расхлябанный, неуправляемый
5) Свободный, освобождающий, спасающий, незаурядный, отважный, ведущий (за собой)	5) несамостоятельный, порабощающий, губящий, заурядный, типичный, боязливый, робкий, ведомый (за другим)

В подростковом возрасте (с 11 до 14,15 лет) ребёнок становится общественным взрослым (по Д.Б.Эльконину). В этом возрасте человеку впервые по-настоящему открывается будущее, время для него начинает измеряться годами (до этого оно измерялось неделями, в лучшем случае – месяцами). На этой основе начинают строиться жизненные планы. Но жизненные планы – это составная часть растущего самосознания личности подростка. У подростка появляется потребность выйти за рамки школы, приобщиться к жизни и деятельности взрослых. Однако реализация этой идеи возможна, если подросток будет соответствовать не только требованиям окружающих его людей (что явилось приобретением предшествующего возраста), но прежде всего собственным требованиям и самооценке. Так у подростка формируются жизненные принципы, его ***принципиальные установки***. Как известно, в отрочестве ведущим типом деятельности становится общение. Именно общение помогает подростку постоянно сравнивать себя со сверстниками и вырабатывать самооценку, вырабатывать свои жизненные принципы. Эти принципы во многом зависят от характера сложившегося общения. При позитивном характере общения формируются зрелые принципиальные установки личности (=постконвенциональный уровень нравственности по Э.Кольбергу). Чаще, к сожалению, характер общения не создаёт достаточных условий для позитивного развития принципиальных установок личности, и, по Кольбергу, как уже говорилось, шестой стадии постконвенционального уровня достигает меньше 10% людей в возрасте 16 лет и старше (о стадиях и уровнях моральных установок по Л.Кольбергу см.: [Адалин, 2011; Г. Крайг, Д. Бокум, 2011; Е.А.Сорокоумова, 2009] и др.).

Именно в это время, начиная с 11-12-ти лет, формируются принципиальные установки личности, предопределяющие или следование принятым данной личностью принципам поведения, или беспринципность, притворство и прагматизм поведения данной личности в социуме.

Думается, именно в это время закладываются следующие качества личности (табл. 6):

Табл. 6 – Признаки установок принципиального уровня

Принципиальные установки	
следовать выработанным принципам	**следовать не принципам, а ситуативным интересам**
1) принципиальный, однозначный, справедливый, честный, правильный, смелый	1) беспринципный, обтекаемый, несправедливый, подлый, неправильный, трусливый
2) искренний, правдивый, неравнодушный, порядочный	2) лицемерный, лживый, равнодушный, жуликоватый
3) решительный, надёжный, свободный	3) нерешительный, ненадёжный, конформный
4) нравственный, стойкий	4) безнравственный, шаткий
5) достойный, возвышенный, добродетельный, благородный	5) недостойный, низменный, порочный, низкий

Наконец, в юношеские годы (чаще всего это связано, хотя и не обязательно, с получением высшего образования) у личности формируются зрелые (или незрелые) ***интегративные установки,*** или, что одно и то же, установки интегративного характера. К установкам такого рода относятся установки, связанные с восприятием своего *Я* включённым в «единую и неделимую сеть событий и взаимосвязей» (В.В.Козлов). Человек – существо целостное, т. е. самостоятельное, способное к саморегуляции и развитию. Но человек – не единственная целостная сущность в мире. Все в природе обладает целостностью, сама природа целостна и представляет собой иерархию, в которой каждый элемент является "целым" по отношению к своим частям и "частью" по отношению к большему целому. Отсюда понятна тяга человека осознать себя, своё место в системе общественных отношений [А.Н. Леонтьев, 1983, с. 228], выйти за свои пределы, трансцендировать, быть, чувствовать, осознавать себя частью мироздания [В.В.Козлов, 2011]. Проявлением зрелых интегративных установок становится развитая идентичность, в свою очередь, оказывающаяся интегративным критерием психического здоровья личности. Под идентичностью, или самотождественностью, при этом понимается, как писалось выше, процесс переживания человеком своего *Я* как ему принадлежащего, то есть, переживание тождественности самому себе, своему *Я* [Г.И.Малейчук, 2010].

Несмотря на известные различия трактовок, авторы работ об идентичности, по мнению Г.И.Малейчука, едины в прочерчивании онтогенетической линии развития идентичности, которая проходит путь от фрагментарного, конкретного, парциального «частичного» образа Я до целостного и обобщённого; от эмоционально лабильных, «текучих», нагруженных аффектами и недифференцированных репрезентаций себя и Другого – к более дифференцированной, сложно организованной и когнитивно-аффективно сбалансированной структуре, способной организовывать и «удерживать» противоречивый и амбивалентный опыт, к структуре, в ходе развития становящейся всё более свободной от непосредственного влияния удовлетворения/фрустрации, аффективных противопоставлений «хорошего» и «плохого» [Г.И.Малейчук, 2010].

Именно в это время, начиная с 16-18-ти лет, формируются интегративные установки личности, предопределяющие её целостность или нецелостность, её сбалансированность или дибалансное состояние.

Думается, именно в это время закладываются следующие качества личности (см. табл. 7):

Табл. 7 – Признаки установок интегративного уровня

Интегративные установки	
расширять сознание	**сужать сознание**
1) объективный, истинный, естественный, настоящий, разумный, рассудительный, мудрый, понимающий, информированный, глубокий, духовный	1) необъективный, ненастоящий, искусственный, поддельный, неразумный, безрассудный, глупый, не понимающий, неосведомлённый, поверхностный, бездуховный

2) гармоничный, многогранный, всеобъемлющий, разносторонний, многоликий, человечный, ансамбль субличностей, сбалансированный	2) дисгармоничный, ограниченный, однонаправленный, однобокий, однообразный, бесчеловечный, разобщённость субличностей, пребывающий в дисбалансе
3) зрелый, проницательный	3) незрелый, непроницательный
4) позитивный, счастливый, светлый, ясный, удачливый, увлечённый, положительный, хороший, великий	4) негативный, несчастный, мрачный, пасмурный, неудачливый, разочарованный, отрицательный, плохой, ничтожный
5) целостный, чистый, прекрасный, безупречный, неуязвимый	5) односторонний, грязный, отвратительный, испорченный, уязвимый

Нет сомнений, что формирование социально-психологических установок юношеским возрастом не завершается. В каком-то смысле их трансформация продолжается всю жизнь и завершается лишь смертью человека. В ходе возрастного развития установки личности усложняются, переплетаются и образуют самые причудливые сочетания. В результате своеобразия индивидуального пересечения установок (аттитюдов) и возникает уникально-неповторимая человеческая личность.

Литература

Адалин. Концепция морального развития Колберга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://adalin.mospsy.ru/dictionary/dictionary.php?term=2016000 (Дата доступа: 19.05.2011)

Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса [Текст]. – М. : Наука, 1983. – 412.

Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка : Более 500 антонимических гнёзд [Текст]. – М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 445, [3] с.

Введенская, Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка [Текст]. – 3-е изд. – Ростов н/Д. : ИЦ «МарТ»; Феникс, 2010. – 320 с.

Выготский, Л. С. Детская психология [Текст] / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : В 6-ти т. Т. 4 / Под ред. Д.Б.Эльконина. М. : Педагогика, 1984. – 432 с., ил. – (Академия пед. наук СССР).

Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л. Н. Гумилёв; сост. и общ. ред. А. И. Куркчи. – М. : Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.: ил. – (Сер. альманахов «Сочинения Л.Н.Гумилёва, вып. 3»).

Козлов, В. В. Интегративный подход в современной психотерапии и психологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.integratio.ru/article/016.htm (Дата доступа – 04.07.2011).

Кольцова, В. А. Психология в России начала XX века: (Предреволюционный период) [Текст] / В.А.Кольцова, Ю.Н.Олейник, Б.Н.Тугайбаева // Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории. М.: ИП РАН, 1997. С. 10-48.

Коптева, Н. В. Карта возрастов : Психическое и личностное развитие от 0 до 18 лет. В помощь родителям и учителям [Текст] / Н.В.Коптева. – Пермь : ГКОН-ЗУУНЦ, 1996. – 18 с.

Крайг, Г. Теория морального развития Кольберга / Г. Крайг, Д. Бокум [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.syntone.ru/library/books/content/3527.html?current_book_page=40

Крысько, В. Г. Этническая психология [Текст]: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. Г. Крысько. – 5-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 320 с.

Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – М. : Педагогика, 1983. Т. II, 320 с.

Ливехуд, Б. Ход жизни человека [Текст] / Б. Ливехуд. // Психология возрастных кризисов : Хрестоматия / сост. К.В.Сельченок. – Мн. : Харвест, 2000. – С. 142-194.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2000 антонимических пар [Текст] / Под редакцией Л. А. Новикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 384 с.

Малейчук, Г. И. Идентичность как интегративный критерий психического здоровья личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.b17.ru/article/749 (Опубликовано на сайте: 9 июля 2010 г.; Дата доступа – 04.07.2011).

Малкина-Пых, И. Г. Психосоматика [Текст] / И.Г.Малкина-Пых. – М.: Эксмо, 2009. – 1024 с. – (Новейший справочник психолога).

Миллер Дж.А. Магическое число семь плюс или минус два: О некоторых пределах нашей способности перерабатывать информацию [Текст] / Дж. А. Миллер // Инженерная психология. Сб. статей / под ред. Д.Ю.Панова и В.П.Зинченко. – М., 1964. – С. 192-225.

Олпорт, Г. Становление личности : избранные труды [Текст] / Г. У. Олпорт. – М. : Смысл, 2002. – 462 с.

Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С.Л.Рубинштейн. – Спб. : Питер, 2000. – 712 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).

Словарь антонимов русского языка: [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bravica.ws/ru/antonims.htm (Дата доступа – 04.02.2016).

Сорокоумова, Е.А. Психологические особенности нравственного развития современных подростков [Электронный ресурс]. 2009. – Режим доступа: http://mggu-sh.ru/sites/default/files/psihologicheskie....pdf (Дата доступа: 02.03.2016).

Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология [Текст] : Учебник для вузов / Т.Г. Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

Столяренко, Л. Д. Педагогическая психология [Текст] / Л. Д. Столяренко. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 544 с. – (Серия «Учебники и учебные пособия»).

Ядов, В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности [Текст] / В.А.Ядов // Методологические проблемы социальной психологии. – М. : Наука, 1975. – С. 89-105.

Tajfel, H. Human groups and social categories : Studies in social psychology / Henri Tajfel. – Cambridge. – 1981. – April. – 369 pp.

Канд. филол. наук Ф.Г. Самигулина (Ростов-на-Дону)
fanira@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕТСКОГО ДИСКУРСА: ПСИХОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Анализ речемыслительной деятельности в онтогенетическом аспекте позволяет по-новому взглянуть на одну из дискуссионных проблем традиционного языкознания: соотношение языка и мышления. Особо обращает на себя внимание детский дискурс как процесс и результат речемыслительной деятельности ребенка, который включает в себя психофизиологическую и социокультурную составляющие.

В рамках психофизиологической составляющей рассматривается онтогенез мышления с целью выявления ведущего когнитивного стиля в ранний период развития мозга. Известно, что мышление в период становления проходит несколько стадий: от наглядно-действенного к наглядно-образному и далее к вербально-логическому мышлению. При этом лево- или правополушарный фенотип окончательно закрепляется в период от 10-ти до 14-ти лет. Специфику функционирования детского мышления обусловливает тот факт, что на ранних этапах онтогенеза у большинства детей выявляется преобладание образного, правополушарного когнитивного стиля реагирования [Ротенберг, 2009]. При этом простейшим видом мышления ребенка является наглядно-действенное мышление, которое еще не способно осуществляться без опоры на «созерцание» ситуации и возможности действовать в ней, поэтому ребенок до 3-4-х лет может представить, например, собаку только через свой опыт взаимодействия с ней. К примеру, на предложение взрослого описать собаку, ребенок отвечает следующей репликой: «*Она меня сюда кусила*!» (из речи). Причина подобного активного участия правой гемисферы в языковом развитии ребенка в том, что детская речь «подчиняется закономерностям не логического, а непосредственного чувственного восприятия» [Симерницкая, 1978, с. 83]. Диффузный, наглядно-действенный и аффективный характер мышления, присущий ребенку раннего возраста (от 1-го до 2-х), отражается в соответствующих характеристиках первых детских номинаций: размытости и ситуативности их значений, связи с практическим действием и невербальными компонентами речи. В более поздний период раннего детства лексема функционирует в сознании ребенка как ярлык предмета или даже его свойство. Знаковая природа данных слов нередко реализуется по принципу: одно слово – один предмет. Например, во время просмотра мультфильма «Винни-Пух» девочка (3 г.) на восклицание одного из героев «*Ой, мама, мамочка*?» отреагировала следующей репликой: «*Мама, тебя Пятачок зовет!»* (http://det.org.ru). В дальнейшем постепенно формируется понимание того, что слово может указывать на конкретный предмет, а иногда и на класс предметов. Начинает осваиваться обобщающая функция слова, и в сознании ребенка младшего дошкольного возраста слово приобретает более

устойчивую предметную отнесенность, но оно по-прежнему вплетено в ситуацию и связано с практическим действием. Представленные особенности когнитивных процессов в онтогенезе языковой личности проявляются в детском дискурсе. Подчеркнем, что социальная среда, в рамках которой формируется детская языковая личность, выступает в качестве не менее важного фактора, обусловливающего развитие речемыслительной деятельности ребенка и его коммуникативной компетенции. Но, безусловно, полноценный комплексный анализ детской речевой продукции возможен только при обращении к особенностям онтогенеза когнитивной деятельности детей, так как освоение языка и становление психических процессов – взаимосвязанные категории, потому что развитие одного невозможно без формирования другого. Семья как референтная группа в ранний период развития детской языковой личности, где дети проходят первый этап социализации, воздействует не только на уровень детского речевого развития, но и в целом на специфику формирования языковой картины мира ребенка, объективированной, в первую очередь, в его активном лексиконе. Как показывает анализ речевого материала, существенное воздействие на становление языковой личности ребенка оказывает профессиональная принадлежность родителей, уровень их языкового развития, круг интересов, наиболее характерные виды совместной деятельности ребенка и его близких родственников и др. В свое время К. И. Чуковский подчеркивал значимость социальных характеристик семьи для развития детской языковой личности: «Нередко приходится наблюдать, как отражается в детских разговорах семья. Специальные технические термины, свойственные отцовской или материнской работе, перекочевывают в речь малолетних детей и начинают своеобразно служить их интересам и надобностям» [Чуковский, 1965, с. 127]. Известные всем примеры из книги «От двух до пяти» демонстрируют влияние профессиональной принадлежности родителей на формирование языковой картины мира ребенка. Так, девочке из семьи сапожника лечение человека представляется процессом, идентичным ремонту обуви, который она ежедневно наблюдает. А для ребенка, отец которого является бухгалтером, процесс просмотра игрушек воспринимается как переучет [там же, с.128]. Анализ речевого материала также дает немало примеров подобной детерминации. Например, для шестилетнего ребенка, мать которого является архитектором, причиной разрушения домика лисы в сказке о лисе и зайце является тот факт, что лиса свой домик «*без проекта построила*». А четырехлетняя девочка, мать которой работает в области дизайна, достаточно уверенно и корректно использует характерную для дизайнеров лексему *инсталляция*. «*Ну и что это за инсталляция?»* – заметила она, увидев фигурно нарезанные овощи. В то же время трехлетний ребенок из семьи докторов, которого не отпускают гулять, делает вывод: «*Да, придется подождать, пока закончится моя история болезни»* (http: // govoryat-deti.livejournal.com). Таким образом, дети конструируют собственную языковую систему на основании бессознательного анализа инпута (речевой продукции окружающих их людей). Проиллюстрируем это положение примерами из речи Андрея С., полученной в результате лонгитюдного наблюдения за ребенком в период с 2 до 5 лет. С раннего детства он отдавал предпочтение таким выполняемым вместе с отцом за-

нятиям, как ремонт домашней мебели, бытовой и санитарной техники, замена электропроводки и др. И в ряду его первых слов оказались лексемы: *ботик* (болтик), *гака* (гайка), *дель* (дрель), *гозь* (гвоздь). Специфика профессии отца, связанная с электромонтажными работами, определила характер занятий с ребенком и вызвала его интерес к соответствующей сфере деятельности. С 2-3 лет в речи ребенка стали появляться слова *сопротивление, напряжение, электричество, кембрик* и др. Слово *сопротивление*, с одной стороны, передает значение ‘борьба с чем-то или кем-то’, с другой – ‘электрическое сопротивление’, то есть способность проводника препятствовать движению электрического тока. Интересно, что в речи данного ребенка актуализировалось только второе значение. Став свидетелем диалога взрослых о сопротивлении человека обстоятельствам, он заметил: *«А! Сопротивление! Это из электричества…»*. К пяти годам слова-профессионализмы *трансформатор, реле, транзистор предохранитель, диодный мостик, преобразователь, переменный и постоянный ток* прочно вошли в состав детского тезауруса. На вопрос, что делает диод, отвечает: «*Выпрямляет ток. Вот такой ток идет: дык-дык-дык* (показывает волнообразными движениями), *а потом выходит ву-у-у…»* (ровную линию чертит в воздухе). При определении лексем ребенок активно использует в своей речи звукоизобразительные слова и невербальные компоненты, что связано с доминированием наглядно-действенного и наглядно-образного мышления в этот период. Так ребенок помогает себе выразить мысль, создавая с помощью жестикуляции и звукоизобразительных слов образы сложных явлений, тем самым облегчая их понимание и описание.

Подводя итоги, отметим, что, взаимодействуя со взрослыми, ребенок осваивает знания и представления социумного уровня, состав которых определяется прежде всего социокультурными характеристиками его семьи. Однако механизм осмысления сложных для понимания ребенка явлений и интерпретации обозначающих их слов обусловлен особенностями детского мышления, по своей природе наглядного, конкретного.

Литература:

Ротенберг В.С. Межполушарная асимметрия, ее функция и онтогенез// Руководство по функциональной межполушарной асимметрии. – М: Научный мир, 2009. – С. 164-185.

Симерницкая Э.Г. Доминантность полушарий. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 95 с.

Чуковский К.И. От двух до пяти // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: 1965. – Т. 1. – 816 с.

Канд. психол. наук С.В. Солдатова (Орехово-Зуево)
OZSvetlana@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ

С каждым годом увеличивается число детей, страдающих общим недоразвитием речи. Данный вид нарушения у детей с нормальным слухом и сохранным интеллектом представляет собой специфическое проявление речевой ано-

малии, при которой нарушено или отстаёт от нормы формирование основных компонентов речевой системы: лексики, грамматики, фонетики.

Профессор Р.Е. Левина, изучая наиболее тяжелые речевые расстройства, выделила и подробно описала такую категорию детей, у которых наблюдается недостаточная сформированность всех языковых структур. У детей данной группы в большей или меньшей степени оказываются нарушенными произношение и различение звуков, недостаточно полноценно происходит овладение системой морфем, а, следовательно, плохо усваиваются навыки словоизменения и словообразования, словарный запас отстает от нормы, как по количественным, так и по качественным показателям; страдает связная речь. Такое системное нарушение получило название «общее недоразвитие речи» (ОНР).

По своему клиническому составу эта категория объединяет разных детей. Так, по данным Е.М. Мастюковой, среди них можно выделить три основные группы:

• так называемый *неосложненный вариант общего недоразвития речи*, когда отсутствуют явно выраженные указания на поражение центральной нервной системы. Недоразвитие всех компонентов речи у детей сопровождается «малыми неврологическими дисфункциями», такими, как недостаточная регуляция мышечного тонуса, неточность двигательных дифференцировок и пр.; у детей наблюдается некоторая эмоционально-волевая незрелость, слабая регуляция произвольной деятельности и т.д.;

• *осложненный вариант общего недоразвития речи*, когда собственно речевой дефект сочетается с рядом неврологических и психопатологических синдромов, таких, как синдром повышенного черепного давления, цереброастенический и неврозоподобный синдромы, синдромы двигательных расстройств и пр. У детей этой группы отмечается крайне низкая работоспособность, нарушение отдельных видов гнозиса и праксиса, выраженная моторная неловкость и т.д.;

• *грубое и стойкое недоразвитие речи*, обусловленное органическим поражением речевых зон коры головного мозга. Как правило, эту группу составляют дети с моторной алалией.

Подробное изучение детей с ОНР выявило крайнюю неоднородность описываемой группы по степени проявления речевого дефекта, что позволило Р.Е. Левиной определить три уровня речевого развития этих детей:

1-й уровень речевого развития, характеризуемый в литературе как «отсутствие общеупотребительной речи». Достаточно часто при описании речевых возможностей детей на этом уровне встречается название «безречевые дети». Дети с 1-ым уровнем речевого развития получают логопедическую помощь с 2,5 − 3-летнего возраста в специализированных ясельных группах или яслях-садах для детей с общим недоразвитием речи.

2-й уровень речевого развития определяется в литературе как «Начатки общеупотребительной речи». Отличительной чертой является появление в речи детей двух-трех, а иногда даже четырехсловной фразы. По сравнению с предыдущим уровнем наблюдается заметное улучшение состояния словарного запаса не только по количественным, но и по качественным параметрам: расширяется

объем употребляемых существительных, глаголов и прилагательных; появляются некоторые числительные и наречия и т.д.

Дети со 2-ым уровнем речевого развития получают логопедическую помощь с 3-4-летнего возраста в специальных группах со сроком обучения 3 года.

3-й уровень речевого развития характеризуется развернутой фразовой речью с элементами недоразвития лексики, грамматики и фонетики. Дети с 3-им уровнем речевого развития направляются в логопедические группы с 5-летнего возраста на 2 года. И если коррекционная программа пройдена в полном объеме, есть большая вероятность того, что они смогут обучаться в общеобразовательной школе.

Коррекционно-развивающая работа по преодолению ОНР – очень длительный и трудоемкий процесс, который должен начинаться, как можно раньше. В настоящее время накоплен достаточный опыт успешного обучения и воспитания детей с различными уровнями речевого развития в специализированных («речевых») дошкольных и школьных учебных заведениях.

Канд. филол. наук Н.А.Филатова, студ. Н.Г.Титова (Орехово-Зуево)
ninafilatova@live.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ.

В культуре каждого народа традиционно существует палитра любимых цветов, соответствующих его нраву и темпераменту. Будучи связанным со зрительным восприятием, цвет играет важную роль в жизни человека. Цветовые оттенки отвечают и за эмоционально-психическую сторону жизни. Очень часто от цвета зависит настроение, самочувствие, а иногда и поведение людей. Обозначения цвета входят в состав фразеологизмов, отражающих самые разнообразные явления действительности. Основными цветовыми прилагательными в составе фразеологизмов являются те, с которыми человек чаще всего сталкивается в своей практической деятельности: **blanc, bleu, rouge, noir**.

Компонент **blanc** является носителем положительных характеристик, символом чистоты, невинности, радости и добродетели. Большинство людей ассоциируют его с дневным светом, а также с радостью, правдой и началом всего нового: *blanche main (main blanche)* ”нежная ручка, заботливая рука”; *boule blanche* “хорошая отметка на экзамене”; *carte blanche* “свобода действий, неограниченные полномочия”; *fils de la poule blanche* “счастливчик”. Однако прилагательное **blanc** входит также в состав фразеологизмов с негативно окрашенной семантикой, например, выражений, описывающих эмоциональное состояние человека: *sourire blanc* “неестественная улыбка, натянутая улыбка”; *être blanc* “плохо выглядеть, побледнеть от волнения”; *peur blanche* “смертный страх, ужас”; *page blanche* “неизведанное ощущение, чувство”; *blanc comme un mort* “бледный как смерть” или виды деятельности и действий человека: *messe blanche*” пустой разговор”; *faire chou blanc* “потерпеть полную неудачу, остать-

ся ни с чем"; *coup blanc* "безрезультатное действие; тщетная, напрасная попытка"; *si vous faites cela, je vous donnerai un merle blanc* "вам этого никогда не сделать (о чём-либо несущественном)"; *n'être pas blanc* "влипнуть в нехорошую историю".

В языковой картине мира французского народа голубой цвет в первую очередь ассоциируется с королевской властью и благородством происхождения: sang bleu "голубая кровь, белая кость". Голубой цвет популярен в среде военных и моряков, поскольку считается символом моря и неба: *casques bleus* "голубые каски"; *homme du bleu* "моряк"; *col bleu* "военный моряк"; *ruban bleu*/*cordon bleu* "голубая орденская лента". Компонент **bleu** часто входит в состав фразеологизмов, передающих эмоции: *peur bleue* "панический страх"; *avoir des bleus à l'âme* "ранить душу"; *voir bleu* "быть в восхищении, в экстазе, в самозабвении"; *avoir les bleus* "хандрить, унывать".

Красный цвет, издавна символизирующий красоту, любовь, радость, в средние века был мужским цветом, символом власти и войны и ассоциировался с кровью и огнём, жизнью и смертью. Компонент **rouge** реализует семы: борьбы, сражения, революции: *chapeau rouge* "обезглавленный"; *travailler dans le rouge* "убивать"; хорошего здоровья, силы: *rouge comme un chérubin* "с полным, румяным и свежим лицом"; накала эмоций, чувства гнева, раздражения: *marquer qn à l'encre rouge* "затаить злобу на кого-либо"; *rouge comme la braise* (*comme une cerise, un coq, un coquelicot, une crête de coq, une écrevisse (cuite), du feu, un homard, un œuf de Pâques, une pivoine, une tomate)* "пунцовый, красный как (вареный) рак, как мак, как кумач"; *se fâcher tout rouge* "рассвирепеть, рассердиться, дойти до белого каления"; *voir rouge* "прийти в ярость, рассвирепеть".

Черный цвет, как правило, имеет негативную коннотацию, почти всегда вызывая мрачные ассоциации у человека и символизируя зло, несчастье, горе, траур: *humeurs noires "*черная меланхолия"; *machins noirs "*мрачные размышления".

Во французском языке компонент **noir** означает что-то незаконное, скрываемое: *travail noir"* работа налево, халтура"; *cabinet noir* "черный кабинет (секретный отдел полиции)"; marché noir "черный рынок". Также прилагательное noir используется и как показатель интенсивности: froid noir "сильный холод"; four noir "полный провал"; heure noir "глухая ночь"; misère noir "страшная нищета".

ЛОГИКО-СТРУКТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)
kalininarkadiy@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА *ВСЕМ НОВОСТЯМ НОВОСТЬ!* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)

В системе простого предложения в русском языке, как и в других индоевропейских языках, наличествуют различные оппозиции. Центральными из них считаются противопоставления свободное/фразеологизированное предложение и односоставное/двусоставное предложение.

Свободные предложения строятся по свободным структурным схемам и имеют живые грамматические связи между компонентами. Фразеологизированные предложения строятся по фразеологизированным структурным схемам, это предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой [Русская грамматика, 1980, с. 383]. Отметим при этом, что статус синтаксической фразеологии недостаточно определён ни по отношению к фразеологии, ни по отношению к синтаксису [Ксенофонтова, 2010, с.428].

Относительно проблемы односоставности/двусоставности предложения подчеркнём, что в современной русистике существуют две диаметрально противоположные точки зрения. Традиционная точка зрения, ведущая начало от акад. А.А. Шахматова, утверждает наличие в языке односоставных и двусоставных предложений [Шахматов, 2001, с. 49]. Противоположная точка зрения, проводимая проф. Г.А. Золотовой и её сторонниками, признаёт существование только двусоставных предложений [Золотова, 1989, с. 33]. Следовательно, проблема типологии простого предложения, определение его односоставности/двусоставности является в языке весьма актуальной.

Полагаем, что в языке функционируют и односоставные, и двусоставные предложения. Двусоставное предложение категоризует отношения предмет и приписываемый ему признак. Односоставное предложение категоризует предмет или признак как существующий независимо, не сочленённый предикативно с другим предметом или признаком.

Предложения структурного типа *Всем новостям новость!* являются фразеологизированными. В определении синтаксических фразеологизмов нами разделяется концепция авторов «Русской грамматики».

Фразеологизированные предложения типа *Всем новостям новость!* фактически не исследованы, не изучена их формальная, смысловая и коммуникативная организация, не определено их место в системе простого предложения в русском языке, что представляется актуальным. К тому же такие синтаксические единицы широко употребляются в разговорной речи и в художественной литературе.

В статье они исследованы в трёх основных аспектах: структурно-грамматическом, логико-семантическом и коммуникативном. В структурно-

граматическом аспекте рассматривается формальная организация предложения, грамматические значения и отношения между образующими предложение словоформами.

Фразеологизированные предложения типа *Всем новостям новость!* – это двусоставные именные бисубстантивные предложения, строящиеся по фразеологизированной структурной схеме *Всем* N_3 N_1 со значением превосходства предмета над всеми подобными. Местоименное слово в*сем* в структуре синтаксических фразеологизмов типа *Всем новостям новость!* утрачивает прямое лексическое значение, чем обусловлены субъективно-модальные экспрессивно-оценочные значения таких предложений: *Там продаётся мотоцикл. Всем мотоциклам мотоцикл!; В нашем институте разработан проект. Всем проектам проект!*

Спецификой фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* является и то, что им не свойственно распространение и не принимается ими отрицание [Русская грамматика, 1980, с. 385].

Данные фразеологизированные предложения характеризуются обязательным лексическим совпадением подлежащего и сказуемого. Подлежащее выражено лексически свободным именем существительным в именительном падеже, составное именное сказуемое представлено сочетанием имени существительного с местоименным словом в*сем* в дательном падеже, которым открываются такие синтаксические фразелогизмы: *Вот это прикид! Всем прикидам прикид!* (Надежда Бабкина. Телепрограмма «Модный приговор», 18.01.2016).

Фразеологизированные предложения типа *Всем новостям новость!* могут быть нерасчленёнными – в них нет детерминантов, и расчленёнными – в них они имеются. Детерминанты в расчленённых предложениях имеют пространственные значения: *Вот это свадьба! Всем свадьбам там была свадьба!;* временные: *Всем паркам теперь парк!*; отношение к лицу (субъектная детерминация): *Всем праздникам у них был праздник!*

Рассматривая фразеологизированные предложения типа *Всем новостям новость!* в структурно-грамматическом аспекте, выявим, как реализуются в них синтаксические категории модальности, времени и лица, формирующие предикативность [Виноградов, 1975, с. 268][1], категория грамматического субъекта и семантическая категория агенса (деятеля).

В сложной синтаксической категории модальности обычно выделяют объективную модальность и субъективную модальность, но выявляют и другие модальные значения [Бондаренко, 1979, с. 54-61; Золотова, 2008, с. 16-20].

Во фразеологизированных предложениях типа *Всем новостям новость!* проявляется объективная модальность реальности/ирреальности; способами её выражения являются морфолого-синтаксический и интонационно-синтаксческий. Так, во фразеологизированном предложении *Всем мастерам мастер!* интонационно-синтаксическим способом выражается объективная модальность реальности, а в предложении *Всем сюрпризам был бы сюрприз!* морфолого-синтаксическим способом посредством глагольной связки *быть* в форме сослагательного наклонения (*был бы*) передаётся объективная модальность ирреальности.

На фоне объективной модальности реальности/ирреальности в исследуемых фразеологизированных предложениях посредством вводно-модальных компонентов *конечно, безусловно, вероятно, возможно, пожалуй* и др. выражается субъективная модальность со значением достоверности/вероятности: *Священные книги Библия и Коран! Всем книгам, конечно, книги!; Легендарный Александр Македонский! Всем полководцам, пожалуй, полководец!* Субъективная модальность, как показал материал, ограниченно проявляется в данных предложениях, что, по-видимому, обусловлено их структурой и семантикой.

Время синтаксическое выражает соотнесённость высказывания с моментом речи. Понятие синтаксической категории времени ввёл в русистику акад. А.А. Шахматов, который утверждал наличие данной категории и в глагольных, и в неглагольных предложениях [Шахматов. 2001, с. 19].

Синтаксическое время имеет разные проявления и различные показатели. Как и авторы «Грамматики современного русского языка» полагаем, что фразеологизированные предложения типа *Всем новостям новость!* имеют четырёхчленную модально-временную парадигму: настоящее, прошедшее и будущее время синтаксического индикатива и синтаксическое ирреальное сослагательное наклонение [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 589]: *Всем коньякам коньяк!* (наст. вр.); *Всем коньякам был коньяк!* (прош. вр.); *Всем коньякам будет коньяк!* (буд. вр.); *Всем коньякам был бы коньяк!* (сослагат. наклон.).

Лицо синтаксическое – это одна из основных категорий предложения. Категория лица устанавливает отношение содержания высказывания к говорящему, к собеседнику или к третьему лицу. Во фразеологизированных предложениях типа *Всем новостям новость*! подлежащее в форме имени существительного в именительном падеже указывает на отношение высказывания к третьему лицу: *Рак – это смертельная угроза для человечества. Всем болезням болезнь!*

Грамматический субъект определяется как словоформа с предметным значением, грамматически господствующая по отношению к словоформе, называющей признак предмета. В более узком толковании грамматический субъект – это подлежащее [Краткий справочник по современному русскому языку, 1995, с. 353]. Во фразеологизированных предложениях типа *Всем новостям новость!* наличествует грамматический субъект, в них выявляются предикативные отношения «предмет – признак», и поэтому они являются субъектными предложениями.

Агенс или деятель – это производитель глагольного действия. Во фразеологизированных предложениях типа *Всем новостям новость!* нет глагольных словоформ, обозначающих глагольные действия, и потому они являются безагенсными предложениями.

Таким образом, анализ предложений типа *Всем новостям новость!* в структурно-грамматическом аспекте показал, что они, являясь фразеологизированными двусоставными бисубстантивными предложениями в системе простого предложения в русском языке, характеризуются спецификой выражения синтаксических категорий модальности, времени и лица и определяются как субъектные и безагенсные предложения.

При исследовании фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* в логико-семантическом аспекте мы учитываем, что в современной лингвистике сложилось множество подходов и концепций по поводу общей семантики предложения. Широко представлено в отечественной и зарубежной лингвистической науке направление, авторы которого идут к смыслу предложения от его формальной организации [Арват, 1976; Шведова, 1973]. Данное направление выдвинуло понятие семантическая структура предложения. Семантическая структура предложения – это созданный на предикативной основе семантический комплекс, который является результатом взаимодействия семантических компонентов и отражает взаимосвязь типизированных элементов экстралингвистической действительности [Арват, 1976, с. 14]. Смысловая организация предложения определяется нами исходя из его формальной устроенности.

Существуют элементарные, простейшие семантические структуры, включающие в свой состав элементарные семантические компоненты: семантический предикат, семантический субъект и семантический объект, и неэлементарные, расширенные семантические структуры, в состав которых входят неэлементарные семантические компоненты с различными определительными и обстоятельственно-определительными значениями [Русская грамматика, 1980, с. 124-125].

Компонентный анализ фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* показал, что семантические структуры данных предложений могут быть двух-, трёх– и четырёхкомпонентными.

Двухкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!*, являющиеся элементарными, состоят из семантического субъекта, выраженного именем существительным в именительном падеже, семантического предиката, выраженного сочетанием имени существительного в дательном падеже с местоимением *всем*. Семантика схемы – превосходство предмета над всеми подобными: *Вчера в городе состоялся матч. Всем матчам матч!; Вот это свадьба! Всем свадьбам свадьба!*

Трёхкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* – неэлементарные – представлены семантическим субъектом, семантическим предикатом и семантическим конкретизатором с пространственным или временным значением, выраженным наречием или именем существительным в косвенном падеже с предлогом: *Вот это парк! Всем паркам теперь парк!; Вот это светило! Всем докторам в городе доктор!*

Четырёхкомпонентные семантические структуры фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* – неэлементарные – состоят из семантического субъекта, семантического предиката и двух семантических конкретизаторов со значениями места и времени, выраженных наречиями или именами существительными в косвенных падежах с предлогами: *Древний Рим! Всем городам тогда в мире город!; Прекрасная Нефертити! Всем красавицам красавица в то время в Древнем Египте!*

Приведённый перечень семантических структур фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* не является законченным и может быть продолжен. Наиболее употребительными в русском языке являются двухкомпонентные семантические структуры, поскольку распространение для данных предложений нехарактерно.

Компонентный анализ фразеологизировнных предложений типа *Всем новостям новость!*, нацеленный на выявление семантических компонентов в их семантической структуре, показывает, что они являются д в у с о с т а в н ы м и (двучленными) предложениями.

Теперь исследуем фразеологизированные предложения типа *Всем новостям новость!* в коммуникативном аспекте. Предложения, рассматриваемые со стороны его коммуникативной организации, называют высказыванием. В коммуникативном аспекте изучаются закономерности употребления предложения как единицы общения, сообщения, устанавливается его актуальное членение, то есть членение на тему и рему или в другой терминологии: на основу и ядро, данное и новое.

Отметим при этом, что, исходя из многоаспектности предложения/высказывания, в современной лингвистике параллельно используются три пары соотносительных понятий: подлежащее – сказуемое, субъект – предикат и тема – рема. Термины подлежащее и сказуемое относятся к структурно-грамматическому аспекту и отражают строение структурной схемы предложения; субъект и предикат принадлежат к логико-семантическому аспекту и отражают семантическую структуру предложения; тема и рема относятся к коммуникативному аспекту и показывают актуальное членение высказывания.

Резюмируя сказанное, определяем односоставность/двусоставность предложения/высказывания, основываясь на наличии или отсутствии в нём указанных соотносительных понятий. Исходя из коммуникативного аспекта, двусоставное предложение/высказывание представлено темой и ремой, а односоставное – только ремой.

При исследовании фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* в коммуникативном аспекте мы опираемся на классификацию типов высказываний, разработанную известным чешским исследователем П. Адамцем [Адамец, 1966]. П. Адамец выделяет четыре типа высказываний на основе характера заключённой в них актуальной информации: 1) общеинформативные; 2) частноинформативные; 3) общеверификативные; 4) частноверификативные в соответствии с типами вопросов, сформулированных Ш. Балли [Балли, 1955]: 1) полный диктальный вопрос; 2) частичный диктальный вопрос; 3) полный модальный вопрос; 4) частичный модальный вопрос.

Анализ фразеологизированных предложений типа *Всем новостям новость!* в коммуникативном аспекте показал, что они являются расчленёнными высказываниями, то есть в них представлены тема и рема: *Вот это дождь! Всем дождям // до́ждь!; Вот это подарок! Всем подаркам // пода́рок!*

Высказывания типа *Всем новостям новость*! могут быть общеинформативными, они отвечают на полный диктальный вопрос: *Вот это шторм! Всем штормам // што́рм!* и общеверификативными, они отвечают на полный мо-

дальный вопрос: *Да! Всем ураганам // ураган́!* Данные высказывания закрываются именем существительным в именительном падеже, на которое падает фразовое ударение, и оно является ремой, а предыдущая часть высказывания является темой.

Высказывания типа *Всем новостям новость!* могут быть частноинформативными, они отвечают на частичный диктальный вопрос: *Вот это пляж! Всем пляжам пляж // на этом о́строве!* и частноверификативными, они отвечают на частичный модальный вопрос: *Да, это знаменитый Версаль! Всем дворцам дворец // в Евро́пе!* Такие высказывания закрываются детерминантом, на который падает фразовое ударение, и он является ремой, а предыдущая часть высказывания является темой.

Итак, фразеологизированные высказывания типа *Всем новостям новость!* в коммуникативном аспекте являются д в у с о с т а в н ы м и предложениями/высказываниями, так как они имеют актуальное членение, в них представлены тема и рема.

Исследование данных фразеологизированных предложений в трёх основных аспектах: структурно-грамматическом, логико-семантическом и коммуникативном показало, что они представляют собой д в у с о с т а в н ы е (двучленные) предложения.

В заключение укажем, что в системе простого предложения в русском языке предложения структурного типа *Всем новостям новость!* находятся в классе фразеологизированных двусоставных, в подклассе неглагольных предложений со спецификой выражения категорий модальности, времени и лица.

Примечание. 1. При этом нами учитывается то, что в современной лингвистической науке имеет место также точка зрения на формальное и содержательное сужение понятия «предикативность» [Грамматика современного русского литературного языка, 1970, с. 542].

Цитируемая литература

Адамец П. Порядок слов в современном русском языке. Praha, 1966.

Арват Н.Н. Компонентный анализ семантической структуры простого предложения (Текст лекций). Черновцы: Изд-во Черновиц. ун-та, 1976.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 2. С. 54-61.

Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 254-294.

Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.

Золотова Г.А. Об основаниях классификации предложений // Русский язык за рубежом. 1989. № 5.

Золотова Г.А. О категории модальности // Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2008. С. 16-20.

Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1995. 384 с.

Ксенофонтова Л.В. Статус синтаксической фразеологии в языке // Русский язык: исторические судьбы и современность: тр. и материалы IV Междунар. конгр. исслед. рус. яз. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 428.

Русская грамматика: В 2 т. Т. II. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 710 с.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 3-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 624 с.

Шведова Н.Ю. О соотношении грамматической и семантической структуры простого предложения // Славянское языкознание. М.: Наука, 1973. С. 478-483.

Канд. филол. наук О.А. Касаткина (Орехово-Зуево)
olga_kasatkina49@mail.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУПЛАНОВОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА).

В большинстве нормативных грамматик зафиксирован языковой феномен, при котором грамматическое значение какого-либо времени, в особенности *présent*, легко изменяется под воздействием окружающих элементов, ситуации, контекста. Переносное употребление настоящего времени представляет большой интерес для исследования, поскольку говорящий мысленно переносится в другой временной план, как бы заново «проигрывая» прошлые события или предвосхищая будущие. К факторам междуплановой транспозиции времен обычно относят: ситуацию, обстоятельства времени, семантику глагола, временные формы в контексте, союзы и типы предложений.

1. Ситуация сама по себе может указывать, что действие относится к иному временному плану. Во фразе *Quand est-ce que je te vois?* ситуация демонстрирует, что действие относится к будущему. Идентификация того или иного семантического оттенка внутри значения времени осуществляется также в процессе функционирования. Так, рассматривая предложения, имеющие глагол в настоящем времени, но характеризующиеся различным лексико-семантическим составом, Л.И. Илия выделяет значение всевременного, мгновенного или неопределенно-длительного действия [Илия, 1979].

2. Роль обстоятельства в реализации значений временных форм глагола исключительно велика. В основе ее лежит семантическое согласование между глагольной формой и обстоятельством. Обстоятельство, более определенное в своем значении, «передает» сему времени глагольной форме, семантически более подвижной. Можно сравнить: *Hier, je rentre, et qu'est-ce que je vois? Demain, je rentre tard.*

В приведенных выше примерах под воздействием наречий *hier* и *demain* глагол «*rentre»* теряет значение настоящего времени, являющееся для него первичным, и получает вторичное значение прошедшего времени (*passé composé*) и будущего времени (*resen simple*). Во фразах: *Tu viens souvent. Tu viens ce soir?*

– обстоятельства времени *souvent* и *ce soir* свидетельствуют о том, что resent обозначает соответственно настоящее итеративное и будущее.

3. Существенное значение имеет различие предельных и непредельных глаголов. Так, resent непредельных глаголов обозначает обычно настоящее время (*je mange*), тогда как у предельных часто обозначает будущее действие (*il rentre, j'arrive*).

4. Значение временных форм в соседнем предложении (морфологический контекст). Сравним: *Donc mon père et ma belle-soeur étaient ici. Au moment de se mettre à table, ma belle soeur s' aperçoit qu'elle a oublié ses pilules. Je me propose pour aller les chercher…* Если первое предложение дано в прошедшем времени, то нередко в последующих предложениях *resent* обозначает действия в прошлом.

5. Союзы и типы предложений. Так, в обеих частях условного предложения *resent* может обозначать действие, относящееся к будущему: *Si tu bouges, je te jette par la fenêtre.*

Семантическая структура глагольной формы содержит основные (дифференциальные) и потенциальные семы. При переносе грамматической формы в план другого времени актуализируются потенциальные семы, поэтому могут реализоваться дополнительные модальные или видовые оттенки значения. Настоящее время содержит дифференциальную сему настоящего времени и потенциальную сему определенности действия, и при переносе в план будущего, *resent* приобретает значение определенного будущего (*je viens demain*) или неизбежного будущего (*tais-toi, ou je t'assomme*). Известно, что существует определенный инвентарь межплановой транспозиции временных форм. Так, например, *resent* может как и *passé compose* выражать прошедшие действия, подчеркивая динамичность высказывания. Среди транспозиций временного характера обычно различают:

1. Общую транспозицию временного плана. Точка отсчета может передвигаться по временной оси, вследствие чего одни и те же действия обозначаются различными временами.

2. Модальные транспозиции связаны с переносом форм прошедшего или настоящего времени в план будущего, форм будущего в иной временной план.

Таким образом, настоящее время довольно часто заменяет другие времена, особенно, если нет необходимости выражать видовые или модальные значения. Нередко, когда временной план уже отмечен обстоятельством времени или глагольной формой прошедшего (будущего), в повествовании используется настоящее время.

Литература

Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. Морфология. – М., 2007.

Илия Л.И. Пособие по теоретической грамматике французского языка. – М.: Высшая школа, 1979.

Канд. филол. наук Е.С.Никитина (Москва)
m1253076@yandex.ru

СЕМИОТИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Многие взаимосвязи остаются необъяснимыми до тех пор, пока поле исследований не расширится настолько, чтобы включить в себя контекст, в котором эти взаимосвязи наблюдаются. На наш взгляд, одним из контекстов проблемы языка и мышления выступает семиотика.

Чарльз Сандерс Пирс разработал классификацию знаков по способу связи между формой и содержанием знака. Пирс выделил три типа знаков, каждый из которых отличается от другого особым отношением означающего и означаемого. Иконические знаки основаны на подобии означающего и означаемого, индексальные знаки – на смежности означающего и означаемого и знаки-символы, основанные на соглашении и не имеющие выраженной связи между означающим и означаемым. Иконические и индексальные знаки обладают одним общим свойством: по их форме можно догадаться о содержании, даже не будучи знакомым с самими этими знаками. Форма подсказывает человеку содержание, либо потому, что похожа на него (иконы), либо потому, что общеизвестна причинно-следственная связь между ними (индексы). Связь эта неизменна и не зависит от желаний и воли человека. Большинство же знаков устроено иначе. Их форма сама по себе не дает никакого представления о содержании, она устанавливается произвольно – по соглашению, касающемуся именно данного знака. Большинство слов естественного языка относятся к символическим знакам. И это позволяет языку, между прочим, обеспечивать субститут опыта, который без конца может передаваться во времени и пространстве, независимо от конкретной ситуации; это и есть особенность нашей символической деятельности и основа языковой традиции.

Такое в прагматическом отношении доминирующее положение языка есть следствие его «устройства» как системы обозначения. Язык обладает свойством двойного означивания: один из которых назван *семиотическим*, а другой – *семантическим* способом. Семиотическим называется такой способ означивания, который придает знаку статус целостной единицы. Чтобы опознать знак здесь достаточно решить вопрос о его существовании, ответом на который будет либо «да», либо «нет»: *дом, читать, красный, нет* – существуют, *одм, татичь, сныйкра, тен* – не существуют. Взятый сам по себе, знак представляет чистое тождество с самим собой и чистое отличие от любого другого, выступая необходимым материалом выражения [Бенвенист, 1974, с. 68-69]. Под семантическим означиванием разумеется такой способ означивания, который порождается речью. Возникающие здесь проблемы связаны с ролью языка как устройства, порождающего сообщения. Сообщение не сводится к простой последовательности единиц, которые допускали бы идентификацию каждая в отдельности. Смысл не появляется в результате сложения знаков, а как раз наоборот, смысл реализуется как целое, как речевое намерение. Кроме того, семантическое означивание основано на всех референтных связях, в то время как означивание

семиотическое в принципе свободно и независимо от всякой референции. Семантический аспект принадлежит сфере высказывания и миру речи.

Оба способа означивания предъявляют к своим единицам различные критерии идентификации. Семиотическое (знак) должно быть узнано, семантическое (речь) должно быть понято. Язык – единственная система, где означивание протекает в двух разных измерениях. В других системах означивание одномерно: оно имеет либо семиотический характер (жесты вежливости; этикет), без семантики; либо семантический (художественные способы выражения), без семиотики. Привилегированное положение языка заключается в его свойстве осуществлять одновременно и означивание знаков и означивание высказывания. Отсюда и проистекает его главная способность, способность создавать второй уровень высказывания, когда становится возможным высказывать нечто осмысленное о самом означивании. В этой метаязыковой способности лежит источник отношения интерпретирования, благодаря которому язык включает в себя другие системы.

Связь между мышлением и языком не рассматривается как естественная. Логика, как известно, выстраивает для своих нужд собственные языки.

Механизм двойного означивания позволяет сознанию сохранять дистанцию между собственным содержанием и той действительностью, к которой это содержание относится. Ведь все что человек узнает, он узнает как содержимое сознания, а потому, как нечто вне сознания существующее. Механизм этого феномена находится в устройстве знака.

Литература

Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М.: Прогресс, 1974. – 448 с.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, студ. М.С.Чистов (Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru

СОЦИОТИП ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО

Соционические исследования восходят к учению К.Г.Юнга о психологических типах, предлагавшего в психике человека различать четыре оппозиции: рациональность – иррациональность, экстраверсию – интроверсию, чувства – интуицию, логику – этику [К.Г.Юнг 1997: 189-283; А.Л.Митрохина 2010 и мн.др.].

Спецификой данной работы является то, что для обоснования соционического типа используются главным образом официальные документы, а также воспоминания современников, лично знавших Льва Николаевича Толстого. Только такой подход позволит избежать следования бытующим соционическим мифам и обеспечить научную объективность исследования.

Рационал или **иррационал**? О том, что Толстой является **рационалом**, ни у кого из соционików сомнений не вызывает. Рациональные типы – как ориентированные на разум, традиции – стремятся жить с принятым решением, иметь твердое мнение (собственное или принятое). Они не склонны его менять, обычно имеют устойчивую твердую позицию в любой ситуации. Если обстоятельства меняются, рационалам необходимо время, чтобы к ним привыкнуть, осво-

иться, перестроить планы, принять новое решение. Жизнь с принятым решением – логическим или этическим – вот главная черта рациональных типов. Удачное или неудачное это решение – зависит от интеллекта, воспитания и т.п., но оно должно быть принято [Т.Н.Прокофьева, 1999, с. 37].

Ярчайшим свидетельством принадлежности Л.Н.Толстого к рационалам является жёсткий режим каждого дня. Как указывают многие современники, день Толстого был жёстко расписан по неизменному режиму дня и графику, и от этого сценария он практически никогда не отклонялся, даже когда к нему приезжали важные гости. Порой им приходилось ждать подолгу выхода к ним Толстого, поскольку тот, в соответствии с утверждённым им же режимом, в это время как раз отправлялся часик после обеда поспать или, тем более, работать (а работал он подолгу).

«...Вся жизнь Льва Николаевича в полном смысле слова трудовая. Почти во всех письмах, написанных мне зимою, сестра упоминает: «Мы все очень заняты. Зима наша рабочая пора». Лев Николаевич писал преимущественно зимою, в течение целого дня, а иногда и до поздней ночи. Он, по-видимому, не ждал вдохновения и не признавал его. <…> Он садился ежедневно утром за стол и работал. Никто не должен был входить к нему во время занятий. Даже жена никогда не делала этого» [С.А.Берс, 1960, с. 156]. Об этом свидетельствует и В.И.Алексеев: «Затем, часов в одиннадцать, напившись кофе, Лев Николаевич уходил со стаканом чая вниз, в свой кабинет, и садился заниматься. В это время к нему никто не входил, опасаясь помешать его работе» [В.И.Алексеев, 1960, с. 224].

Способность Толстого к длительной сосредоточенности и эмоциональной стабильности тоже свидетельствует о его рациональности.

Экстраверт или **интроверт**? Тот общеизвестный факт, что Лев Толстой практически не выезжал из Ясной поляны, наилучшим образом говорит об интравертности писателя. Открыто он общался только с узким кругом людей. Главный предмет его интереса – внутренний мир человека. С этим связана его некоторая нелюбовь к физическим проявлениям нежности. Вспоминает сын: «За всю мою жизнь меня отец ни разу не приласкал. Это не значит, чтобы он меня не любил. Напротив, я знаю, что он любил меня, бывали периоды, когда мы были очень близки друг к другу, но он никогда не выражал своей любви открытой прямой лаской и всегда как бы стыдился ее проявления. В нашем детстве всякие проявления нежности назывались «телячьими ласками» [И.Л.Толстой, 1960, С. 178]. Именно с интравертностью Толстого связано ежедневное, многолетнее ведение им дневника, внимательное отношение к внутреннему миру тех, кто его посещал в имении. А.А.Толстая пишет: «Прозвище *тонкокожего*, данное ему его женой, как раз подходило к нему… Он угадывал людей своим артистическим чутьём и его оценка часто оказывалась верною до изумления…» (цит. по: [И.И.Гарин, 1993, с. 32-33]). Постоянная обращённость внимания Толстого к отношениям субъективного характера тоже выдаёт в нём интроверта. Постоянная внутренняя работа мысли хорошо была подмечена М.Горьким: «Здесь вокруг него ютится, шмыгает какая-то плотва; то, что он говорит, не интересно, не нужно ей, и

молчание его не пугает её, не трогает. А молчит он внушительно и умело, как настоящий отшельник мира сего. Хотя и много он говорит на свои обязательные темы, но чуется, что молчит ещё больше… У него, наверное, есть мысли, которых он боится» [М.Горький, 1923, с. 12].

Сенсорик или **интуит**? Судя по тому, что одевался Лев Толстой просто, без особых претензий, он ближе к интуитам. На интуитивность Толстого указывает следующее воспоминание: «Он как будто не любит аккуратности в вещах, обстановке и вообще во внешней жизни. Хотя в большинстве случаев он признавал необходимость быть аккуратным, но часто высказывал, что черта эта свойственна преимущественно неглубоким натурам. Сам Лев Николаевич просто не умел, а потому и никогда не пытался приводить свои вещи в порядок. Раздеваясь, он оставлял платье и обувь на том месте, где снимал их, и если он в то время переходил с места на место, платье его оставалось раскиданным по всей комнате, а иногда и на полу. Мне казалось, что уложить вещи в дороге для него стоило больших усилий» [С.А.Берс, 1960, с. 160].

Толстой как никто умеет угадывать истину без всяких доказательств и оснований, путём её прямого усмотрения – а это безусловная примета интуита. Вот, например, его пронзительное «угадывание» мыслей Катюши Масловой, использовавшей мощную психологическую защиту против предосудительных занятий проституцией: «Обыкновенно думают, что вор, убийца, шпион, проститутка, признавая свою профессию дурною, должны стыдиться ее. Происходит же совершенно обратное. Люди, судьбою и своими грехами-ошибками поставленные в известное положение, как бы оно ни было неправильно, составляют себе такой взгляд на жизнь вообще, при котором их положение представляется им хорошим и уважительным. Для поддержания же такого взгляда люди инстинктивно держатся того круга людей, в котором признается составленное ими о жизни и о своем в ней месте понятие. Нас это удивляет, когда дело касается воров, хвастающихся своею ловкостью, проституток – своим развратом, убийц – своей жестокостью. Но удивляет это нас только потому, что кружок-атмосфера этих людей ограничена и, главное, что мы находимся вне её. Но разве не то же явление происходит среди богачей, хвастающихся своим богатством, то есть грабительством, военноначальников, хвастающихся своими победами, то есть убийством, властителей, хвастающихся своим могуществом, то есть насильничеством? Мы не видим в этих людях извращения понятия о жизни, о добре и зле для оправдания своего положения только потому, что круг людей с такими извращенными понятиями больше и мы сами принадлежим к нему.

И такой взгляд на свою жизнь и свое место в мире составился у Масловой. Она была проститутка, приговоренная к каторге, и, несмотря на это, она составила себе такое мировоззрение, при котором могла одобрить себя и даже гордиться перед людьми своим положением.

Мировоззрение это состояло в том, что главное благо всех мужчин, всех без исключения – старых, молодых, гимназистов, генералов, образованных, необразованных, – состоит в половом общении с привлекательными женщинами,

и потому все мужчины, хотя и притворяются, что заняты другими делами, в сущности желают только одного этого. Она же – привлекательная женщина – может удовлетворять или же не удовлетворять это их желание, и потому она – важный и нужный человек. Вся ее прежняя и теперешняя жизнь была подтверждением справедливости этого взгляда.

В продолжение десяти лет она везде, где бы она ни была, начиная с Нехлюдова и старика станового и кончая острожными надзирателями, видела, что все мужчины нуждаются в ней; она не видела и не замечала тех мужчин, которые не нуждались в ней. И потому весь мир представлялся ей собранием обуреваемых похотью людей, со всех сторон сторожи вших ее и всеми возможными средствами – обманом, насилием, куплей, хитростью – старающихся овладеть ею.

Так понимала жизнь Маслова, и при таком понимании жизни она была не только не последний, а очень важный человек. И Маслова дорожила таким пониманием жизни больше всего на свете, не могла не дорожить им, потому что, изменив такое понимание жизни, она теряла то значение, которое такое понимание давало ей среди людей. И для того, чтобы не терять своего значения в жизни, она инстинктивно держалась такого круга людей, которые смотрели на жизнь так же, как и она. Чуя же, что Нехлюдов хочет вывести ее в другой мир, она противилась ему, предвидя, что в том мире, в который он привлекал ее, она должна будет потерять это свое место в жизни, дававшее ей уверенность и самоуважение. По этой же причине она отгоняла от себя и воспоминания первой юности и первых отношений с Нехлюдовым. Воспоминания эти не сходились с ее теперешним миросозерцанием и потому были совершенно вычеркнуты из ее памяти или скорее где-то хранились в ее памяти нетронутыми, но были так заперты, замазаны, как пчелы замазывают гнезда клочней (червей), которые могут погубить всю пчелиную работу, чтобы к ним не было никакого доступа. И потому теперешний Нехлюдов был для нее не тот человек, которого она когда-то любила чистой любовью, а только богатый господин, которым можно и должно воспользоваться и с которым могли быть только такие отношения, как и со всеми мужчинами» (Воскресение, Ч. I, гл. XLIV).

Поэтому в вопросе: кем был Лев Толстой – интуитом или сенсориком – у нас больше оснований считать его интуитом.

Логик или **этик?** Никем из соционików не оспаривается, что Толстой был этиком. Это и дар перевоплощения (например, многие современники описывают, как на протяжении пятнадцати минут менялся взгляд, голос, манеры и сам внешний облик писателя), и лёгкость, с которой он осваивал иностранные языки, и обидчивость, восприимчивость к намекам, и резкость суждений, и непримиримая позиция к идейным противникам, и даже стремление к «мученичеству» – всё это говорит о Толстом как об этике.

И.И.Гарин так пишет о непостоянстве суждений Л.Толстого: «То будущая жизнь – бессмыслица, то жизнь – вневременна. Нередко то и другое разом. <…> То ставит безвестного и бездарного Семёнова выше Шекспира, то обвиняет его в фальши, то одновременно хвалит и обвиняет» [И.И.Гарин, 1993, с. 39].

Для логика такие логические скачкй, такие логические ска́чки были бы немыслимы.

Анализ имеющихся документов и воспоминаний, таким образом, заставляет прийти к выводу, что Толстой был рационалом, интровертом, интуитом и этиком, т.е. относился к социотипу ЭИИ к психотипу **«Достоевский»**.

Цитируемая литература

Алексеев В.И. Воспоминания // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. / Под общ. ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана; вступит. ст. К.Н.Ломунова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. I. С. 223-230.

Берс С.А. Воспоминания о графе Толстом // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. / Под общ. ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана; вступит. ст. К.Н.Ломунова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. I. С. 156-166.

Гарин И.И. Неизвестный Толстой. – Харьков : СП «Фолио», 1993. – 238 с.

Горький М. О писателях. – М. : Федерация, [1923]. – 317 с.

Митрохина А.Л. Общая соционика : Информационный метаболизм психики : учебно-методическое пособие. – М. : Чёрная белка, 2010. – 544 с. – (Библиотека SOCIONICA. Прикладная соционика).

Прокофьева Т.Н. Алгебра и геометрия человеческих взаимоотношений. – М. : Гном-Пресс, 1999.

Толстой И.Л. Мои воспоминания // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. / Под общ. ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана; вступит. ст. К.Н.Ломунова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. I. С. 177-204.

Юнг К.Г. Сознание и бессознательное : сборник / Пер. с англ. – СПб. : Университетская книга, 1997. – 544 с.

Докт. филол. наук Л.А. Сергеева (Уфа)
sergeevala@list.ru

ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА

Имплицитность – сложное, многоаспектное явление, природа которого в современной науке еще не изучена, о чем свидетельствует неразработанность терминологического аппарата и отсутствие данного понятия в словарях-справочниках. Между тем она является постоянным объектом исследования в психологии, логике, когнитологии, лингвистике и других науках, что само по себе не случайно, поскольку в наше время – время все увеличивающегося объема информации – назрела настоятельная необходимость смыслового «уплотнения» текстов разных типов.

Имплицитность парадоксальна: нарушая основные качества речи (логичность, точность, однозначность), она тем не менее улучшает ее, делает интересной для коммуникантов. Ее используют в противоположных целях: она дает возможность многое утаить, но может выразить то, чего нельзя выразить экс-

плицитно, она одинаково позволяет говорящему скрыть свое мнение или заявить о своей позиции. Эти удивительные свойства имплицитности требуют изучения и вызывают значительный исследовательский интерес.

В науке существует много различных подходов к пониманию природы имплицитности. Она понимается как тип информации [Демьянков, 2006; Баранов, 2007 и др.], как форма знания [Reber, 1967; Годфруа, 1992; Dienes, Perner, 1999 и др.] и, наконец, как содержание (смысл) текста [Милль, 2011; Арутюнова, 1973; Долинин, 1983 и др.]. Перечисленные формы имплицитности взаимосвязаны: имплицитность – это способность человеческой памяти хранить знания в неявном виде и по мере необходимости выводить их в зону осознаваемого. Неявное знание, в свою очередь, есть продукт интериоризации имплицитного смысла, извлекаемого адресатом из полученной ранее информации. Рассмотрим взаимосвязь этих понятий более подробно.

Информация – это «данные, которые поступают к человеку извне, <..> и те данные, которые уже переработаны центральной нервной системой и представлены в голове человека в виде ментальных репрезентаций» [КСКТ, 1997: 35]. В современной науке (психологии, логике, лингвистике и психолингвистике) принято разграничивать следующие три вида информации: 1) информацию, возникающую непосредственно под воздействием языковых средств (эксплицитную информацию); 2) уже известную, «старую» информацию, которую нужно привлекать для правильного понимания смысла текста или сообщения (пресуппозиции); 3) «новую» информацию, выводимую из содержания текста на основе внутритекстовых связей и отношений между единицами и частями текста (импликации) [Арутюнова, 1973; Пешкова, 2007 и др.]. Имплицитной является информация второго и третьего типа.

Сложнее обстоит дело с трактовкой знания. При логическом подходе знание связывают с обязательным обоснованным, общезначимым интерсубъективным суждением или их системой [Милль, 2011; Никифоров, 2011]. Такой подход условно можно охарактеризовать как объективистский, так как знание признается независимым от исследователя.

Психологическая наука, напротив, признает наличие в любом знании личностного начала [Величковский, 2006; Никифоров, 2011: 26-32 и др.]. При таком подходе имплицитность трактуется как свойство долговременной памяти, которая отвечает за те знания, которыми мы оперируем в нашем речемыслительном процессе (коммуникации) [Годфруа, 1992, с. 350-352; Dienes, Perner, 1999] без выведения их в сознательную форму. Знания входят в когнитивную базу личности, но они также имеют общечеловеческий и социальный аспекты, наличием которых и объясняется возможность взаимопонимания.

На основе различий в механизмах экспликации имплицитного знания группа американских психологов выделяет три типа имплицитности: структурную, функциональную и процедурную [Dienes, Perner, 1999, с. 735-755]. Структурную имплицитность ученые связывают с импликативным потенциалом языковых единиц и категорий (так называемый импликационал языковых значений, скрытые категории и др.). Функциональная имплицитность создается контекстом и имеющимися в сознании коммуникантов фоновыми знаниями [Указ.

соч., с. 736]. Наконец, к процедурной имплицитности относится «информация, которая имплицитно содержится в любой процедуре» [Указ. соч., с. 744]. Идея процедурной имплицитности находит отражение в когнитивной семантике: семантические компоненты, образующие значения, рассматриваются как перцептивные и когнитивные операции (процедуры), позволяющие соотносить данное понятие с референтными ситуациями и использовать его в некотором контексте. В этом плане также интересны сценарные трактовки значений А. Вежбицкой и выведение смыслов производных значений полисемантичного слова Е.В. Рахилиной.

Важную роль для понимания сущности имплицитности сыграли психологические концепции мышления по аналогии: в когнитивной лингвистике они нашли отражение в теории совмещения ментальных пространств, в которой постулируется способность человека осмыслять и моделировать какую-либо ситуацию по аналогии с более простой, способность, проясняющая, в частности, суть процесса метафоризации, механизм интертекстуальности и др., а также сложившиеся в когнитивной психологии теории ментальных репрезентаций (концептов, фреймов и др.).

В лингвистике термин *имплицитность* также относят к *содержанию* и (или) *смыслу*, которые трактуются неоднозначно. Так, содержание понимается либо как информация, заключенная в тексте в целом, в то время как смысл связывают с мыслью, содержащейся в предложении или в сверхфразовом единстве [Гальперин, 1981, с. 20-21], либо оба термина связывают с семантической структурой текста, противопоставляя их при этом по различным признакам [Лукин 2005; Новиков 2007]. Мы разделяем вторую точку зрения, согласно которой содержание текста организуется в соответствии с линейной организацией текста, в то время как смысл не структурируется и создается целостным речевым произведением, автором которого является интерпретатор [Гадамер, 1991, с. 72; Новиков 2007 др.]. Содержание текста понимается, и понимание обеспечивается знанием языкового кода. Смысл интерпретируется, и интерпретация обусловливается знанием не только механизмов употребления языка, но и фоновыми знаниями, а также знанием различных «переменных», составляющих прагматический контекст. Кроме того, он мотивирован ценностными установками личности (как автора текста, так и его получателя), ее интересами, вкусами и предпочтениями. Таким образом, интерпретация – это одновременно и толкование содержательной информации, и раскрытие глубинного смысла текста, и принятие или отторжение интерпретатором (читателем) авторской системы ценностей.

Имплицитность имеет свои механизмы введения и выведения. В частности, автор художественного или публицистического текста оставляет читателю некоторые «сигналы текстовой адресованности» которыми являются случаи асимметрии формы и содержания языковых единиц, сильные позиции текста, текстовые реминисценции, ключевые слова, интертекстуальность и другие маркеры имплицитности, которые направляют читателя в его интерпретативной деятельности, способствуя пониманию замысла автора.

Основным когнитивным механизмом выведения имплицитных смыслов является деавтоматизация восприятия текста, которая наступает в местах названных выше «точек контакта» автора и читателя. Однако возможность выведения имплицитных смыслов обусловливается качеством имеющейся в сознании читателя этнокультурной интерпретативной матрицы и его способностью к инференции, т.е. умению делать логические выводы из предоставленных данных. В случаях отсутствия у читателя необходимых фоновых знаний или пресуппозиций, а также вследствие его неспособности к инференции наблюдается коммуникативный сбой, который приводит к непониманию.

Литература

Арутюнова Н.Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. Серия лит. и яз. – 1973. – Т. 32. – № 1. – С. 84-89.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. – М.: Флинта, 2007. – 592 с.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2-х т. Т. 2. – М.: Академия, 2006. – 432 с.

Гадамер Х.-Г. О круге понимания // Гадамер Х.-Г. Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – С. 60-71.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: Наука, 1981. – 324 с.

Годфруа Ж. Что такое психология. – Т.1. – М.: Мир, 1992. – 496 с.

Демьянков В.З. О техниках понимания имплицитности речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов: Матер. междунар. научн. конф. 15 – 17 сент. 2005 г. Калининград-Светлогорск / Под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2006. – С. 34–52.

Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37-47.

КСКТ 1997: Краткий словарь когнитивных терминов / Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. – 245 с.

Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – 2-е изд. – М.: Изд-во «Ось-89», 2005. – 560 с.

Милль Дж.Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. – М., 2011. – 832 с.

Никифоров А.Л. Знание и реальность // Язык. Знание. Реальность. К 70-летию А.Л. Никифорова / Отв. ред. И.Т. Касавин, П.С. Куслий. – М.: Альфа-М, 2011. – С. 23-65.

Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. – М.: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с.

Пешкова Н.П. Имплицитность как онтологическое свойство текста // Семантические, грамматические и когнитивные категории языка: сб. науч. тр. – Уфа: Гилем, 2007. – С. 32-37.

Dienes Z., Perner J. A theory of implicit and explicit knowledge // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – № 22 (5). – P. 735-755.

Reber A.S. Implicit Learning of Artificial Grammars // Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior. – 1967. – № 6. – P. 855-863.

Д. филол. наук И.В.Чекулай, д. филол. наук О.Н.Прохорова (Белгород)
chekulai@bsu.edu.ru, prokhorova@bsu.edu.ru

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЦЕННОСТЬ» И «ЗНАЧЕНИЕ» С ПОЗИЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ЦЕННОСТИ И ОЦЕНКЕ В ЯЗЫКЕ

Как известно, одной из основных составляющих общей проблематики лингвистической семантики является изучение языковой оценки как порождения мысли человека, отражающего свои представления об окружающем мире с помощью средств языка. В какой-то мере традиционное структурное изучение языковой оценки из достаточно интенсивного в 70-90х годах прошлого века приобрело экстенсивный характер, при котором упор был сделан на описание фактов экспликации языковой оценки средствами различных уровней системы языка, нежели на выяснении собственно сущности оценки как основного экспликативного феномена квалификации явлений реальности и сознания. Своего рода прорыв в этом направлении в XXI веке наступил в связи с творческим синтезом лингвистической семантики и такой отрасли философии, как аксиология, т.е. теория ценности. Именно постановка в фокус семантических исследований ценностного компонента в сочетании с анализом его оценочного использования позволило ряду лингвистов, из которых несомненно ведущее место принадлежит В.И.Карасику и его лингвоаксиологической школе, позволило существенно расширить знания не только о языковой оценке, но и особо выделить социально-культурный компонент в изучении явлений языка.

В связи с интеграцией философской категории ценности в контекст лингвосемантических исследований возникает существенная онтологическая проблема разграничения таких базовых понятий лингвоаксиологии, как «ценность» и «значение». Примечательно, что в области философской аксиологии такая проблема решается относительно односторонне. Так, известный отечественный аксиолог С.Ф.Анисимов в этой связи заявляет следующее: «Оценка как мысль о значении может быть положительной или отрицательной, ценность же – только положительной. Следовательно, значение и ценность – не одно и то же. Значение шире, оно включает и качественно отрицательное» [Анисимов, 2001, с. 67].

На наш взгляд, в этом утверждении содержится некоторая неточность соотношения значения, ценности и оценки, обусловленная отсутствием учёта двойственного характера ценности. Говоря о том, что ценность может быть только положительной, он не учитывает факт нейтральной с аксиологической точки зрения ценности предмета как такового. Понимание предмета как ценности *со стороны* субъекта (но не для субъекта!) является лишь приложением когнитивных действий субъекта по познанию сущности данного предмета как объекта идентификации, данности внешнего мира или мира человеческой мыс-

ли. В то же время понимание предмета как ценности *для* субъекта уже переводит данные ментальные действия на качественно иной уровень – уровень ценностных отношений.

Сам по себе объект в отрыве от человеческого мышления ценности не представляет. Так, бытовая и оргтехника, недвижимость, одежда, авто- и мототранспортные средства сами по себе, в отрыве от человека и, следовательно, осознания их как нужных, важных, *значимых* вещей, не представляют ценности. О многих предметах люди не имеют представления до тех пор, пока в процессе познания мира не сталкиваются с ними непосредственно или же с их языковой экспликацией. Именно тогда субъект познания узнаёт или же сам изобретает знаковую форму для данного феномена.

Следует обратить внимание и на следующий факт. Предмет в отрыве от человека не может иметь оценочного знака, он не может быть квалифицированным ни положительно, ни отрицательно. Но, будучи переведённым на уровень ценностного субъектно-объектного отношения, он ещё не получает знака положительного значения. Так, одни и те же предметы в разных ситуациях, в разных количественных измерениях и т.п. могут квалифицироваться и положительно, и отрицательно. Например, белладонна, белена, дурман в малых дозах являются необходимыми для многих нездоровых людей лекарствами, в то время как в больших дозах они представляют собой смертельные яды. Когда нас на автомобиле подрежет другой водитель, мы возмущаемся, но, подрезав другого автомобилиста, мы часто возмущаемся тем фактом, что он нас не пропускает, когда мы спешим. Иными словами, знак «+» или «–» приемлем для оценки, но не для ценности.

Поэтому вещи получают значимость, или значение, когда они вступают в ценностные отношения с людьми. Тем самым значение не шире ценности, а является её важным атрибутом, её важным с онтологической точки зрения категориально-онтологическим элементом [Чекулай, 2006]. В предлагаемой нами концепции значение как аксиологическая данность является аксиологической сущностью средства как звена деятельностной цепи «интерес – значение – порядок – результат».

Цитируемая литература

Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. – М.: Соврем. тетради, 2001. – 128 с.

Чекулай И.В. Ценность и оценка в категориальной структуре современного английского языка : дис. … д-ра филол. наук (10.02.04 – германские языки). – Белгород, 2006. – 473 с.

Докт. филол. наук Л.М.Шатилова, асп. В.В.Борисова (Орехово-Зуево)
shatilova-79@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

К концу XX столетия лингвистика, наряду с другими науками обратившаяся к изучению инфраструктуры человеческого разума, уподобляемого информационной системе, приобретает новый образ, обусловленный ее когни-

тивной направленностью. Информация поступает к человеку по разным каналам; знания аккумулируются в голове человека в виде определенных структур. Хотя каждая когнитивная дисциплина имеет свой собственный объект исследования, но именно через язык можно получить доступ к наиболее объективному анализу этих структур.

Проблема осмысления языковых единиц как структур представления знаний является актуальной, так как по совокупности концептов (концептосфер) можно судить о ментальной модели действительности, отражаемой в языке вообще и в языковом сознании конкретных носителей языка, в частности.

Когнитивный подход доказал, что оперирование понятиями в их «классическом варианте» не отвечает нуждам современных исследований. Именно термин «концепт» получил сегодня широкое распространение.

Понятие «концепт», с одной стороны, используется как инструмент для описания других концептов, с другой стороны, как объект исследования.

В современной лингвистике изучено много различных концептов. Особое место среди работ занимают исследования, посвященные категориальным концептам.

Так, Н.В. Деева и А.А. Беликова, рассматривая категории добра и зла в русской языковой картине мира, приходят к выводам, что данные концепты выступают как этические ценностные, так как являются полюсами шкалы, по которой оцениваются не только человек, но и различные явления, предметы. По их мнению, «добро» – категория двойственная (может расцениваться не только как положительное, но и как отрицательное), а «зло» всегда оценивается негативно. «Добро» и «зло» – понятия антонимичные, однако соположенные, предполагающие друг друга и не исключающие [3, с. 352].

Печагина Т.В. исследует категориальные концепты «Добро» и «Зло» в русской, британской и немецкой детской фэнтези. По ее мнению, содержание рассматриваемых концептов может обладать схожими чертами в различных лингвокультурах во многом из-за общего происхождения их слов-имен. Значения русских слов-имен отличаются большей антропоцентрической направленностью. В немецком и английском языках акцентуализируется моральная сторона лексем. «Добро» и «Зло» сопряжены с большим количеством концептов, в состав которых входит положительная и/или отрицательная оценочная составляющая [5].

Бухарова Г.Х, изучая концепты «Жизнь» и «Смерть» в концептуальном пространстве эпоса «Урал-Батыр», считает, что данные понятия относятся к глубинным слоям культурного пространства, связанными с архетипическими представлениями башкир. Они репрезентируются в семантическом пространстве текста различными кодами культуры [2, с. 332-340].

Апекова Ж.Ш., исследуя пословицы и поговорки, репрезентирующие понятия «правда» и «ложь» в русском и кабардинском языках, выявляет лингвокультурные особенности русских кабардинских пословичных фрагментов картин мира, содержащих оппозицию *правда – ложь*. Автор определяет место оппозиции *правда – ложь* в языковом сознании жителей полиэтнического региона [1].

Можно встретить ряд работ в современной лингвистике, посвященных изучению одному из категориальных концептов. Например, Тихонова С.А. рассматривает концепт «Зло» в российском политическом дискурсе. Она считает, что данный концепт является культурно и политически обусловленным, сложным по структуре и содержанию образованием, которое со временем обрастает все новыми смыслами [6].

Мещерякова Ю.В. изучает этнокультурные характеристики концепта «красота» в английском и русском языковом сознании. Автор определяет лингвокультурную сущность и языковые способы фиксации эстетической оценки в концепте «красота», а также выявляет дискурсивную специфику и этнокультурную специфику эстетической оценки в английском и русском языках [4].

Таким образом, концепт отражает когнитивную связь между человеком и познаваемым им миром. Изучение и осмысление концептов как когнитивных категорий многоаспектны и представляют собой интерес для языковедов как на материале одного языка (при анализе литературно-художественных произведений, при исследовании современных текстов и текстов далекого прошлого, в лексикографической практике), так и на материале разных языков (при переводах и интерпретациях иноязычных словарей, при сравнительно-сопоставительном анализе литературно-художественных произведений).

Литература:

1. Апекова Ж. Ш. Лингвокультурная специфика концептов «правда» и «ложь» в русской и кабардинской паремиологических картинах мира: дис. … канд. филол. н. – Нальчик, 2009. – 187с.

2. Бухарова Г.Х. Жизнь и смерть в концептуальном пространстве эпоса «Урал-Батыр» // Новое в когнитивной лингвистике: мат. I Междунар. науч. конфер. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ. С. 332-340.

3. Деева Н.В., Беликова А.А. Категории Добро и Зло в русской языковой картине мира // Новое в когнитивной лингвистике: мат. I Междунар. науч. конфер. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ. С.347-352.

4. Мещерякова Ю.В. Концепт «красота» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. … канд. филол. н. – Волгоград, 2004. – 22 с.

5. Печагина Т.В. Категориальные концепты «Добро» и «Зло» в детской фэнтези: дис. … канд. филол. н.– Челябинск, 2011. – 222 с.

6. Тихонова С.А. Концепт «зло» в российском политическом дискурсе (понятийный компонент) // Новое в когнитивной лингвистике: мат. I Междунар. науч. конфер. «Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике» / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ. С. 446-452.

7. Шатилова Л.М. Лексико-семантическая репрезентация концепта «добро» в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. н. – Тамбов, 2006. – 179 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ*

Докт. психол. наук М.К.Акимова (Москва)
m.k.akimova@rambler.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ СПЕЦИФИКИ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ С УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ

Наши исследования посвящены выявлению прогностической роли интеллектуальных факторов и анализу интеллектуальной дифференциации личности в установлении специфики формирования гражданской идентичности в конкретных образовательно-возрастных группах. Уровень интеллекта описывается или в той или иной степени сочетается с особенностями мышления, мыслительной деятельности. Поэтому согласно современным представлениям диагностика интеллекта – это диагностика разных аспектов мышления (его содержания, типов, мыслительных действий и операций).

Интеллект является системообразующим качеством человеческой индивидуальности, важнейшим личностным ресурсом человека. Интеллект играет ведущую роль в разрешении комплекса социальных и индивидуально-психологических проблем человека, опосредует успешность деятельности, выполняемой человеком, от него зависит разумность его поведения и взаимоотношений с окружающими. Интеллект является ведущим, стержневым качеством не только когнитивного, но и целостного личностного развития.

Правомерно полагать, что специфика формирования внутреннего мира личности и причины её поведения, а также её взаимодействия с окружающими следует искать в социально и культурно обусловленных интерпретациях окружающего мира, новых проблем и требований, обусловленных переменами в жизни людей. Интерпретационная же деятельность человека, направленная на анализ и оценку средовых факторов (в том числе и требований социальной среды), причинно-следственных отношений, характеризующих влияние личности на процессы, происходящие в обществе, основных проблем и перспектив развития общества и целей деятельности человека, умения выработать свою точку зрения, формулировать и давать оценки явлениям и событиям, на наш взгляд, зависит от интеллектуальных характеристик, среди которых ведущее место занимает мыслительная деятельность.

Оценить влияние мыслительной деятельности на индивидуальную выраженность (уровень) гражданской идентичности и проявление этой характеристики в повседневном поведении крайне важно. Необходимо при этом учитывать наличие интеллектуальных усилий и когнитивной активности, мыслительную самостоятельность, умения думать за рамками специальности, за пределами профессии, наличие познавательной потребности.

Вместе с тем, исторически детерминированные перемены в жизни людей с необходимостью изменяют их мышление: в него вторгаются новые понятия, а в уже освоенных открываются новые признаки. Обновление содержания мышления чаще всего вызывает цепную реакцию – пересматриваются и переоценива-

ются ранее господствовавшие понятия, как мировоззренческие, так и оперативные. Новые проблемы стимулируют развитие мышления. Приходится строить новые алгоритмы умственных действий, не совпадающих ни по тому содержанию, которое в них выражено, ни по их структуре с когда-то сложившимся алгоритмом «устаревшего» мышления.

Учёт специфики, степени выраженности мыслительных характеристик в конкретных социальных общностях может быть прогностичным для психологической оценки уровня развития и качества гражданской идентичности, возможности её формирования в разных образовательно-возрастных группах.

В наших исследованиях 2012-2015 гг. получены данные о взаимосвязи между уровнем и спецификой принятия позитивных ценностей, характеризующих современную цивилизацию, и уровнем интеллекта индивидов /Акимова М.К., 2013, 2014; Акимова М.К., Персиянцева С.В., 2014, 2015/. Исследования проводились на выборочной совокупности студентов московских и калужских вузов, обучающихся по разным образовательным программам и получающих первое и второе высшее образование.

Нами установлен характер влияния интеллектуальных особенностей на специфику и уровни принятия личностью ценностных нормативов гражданского общества у индивидов, принадлежащих к разным образовательно-возрастным группам. Высокий уровень интеллектуального развития способствует более адекватному и глубокому анализу проблем, стоящих перед страной, современных требований к каждому гражданину, пониманию собственной роли, а также способов реализации своего потенциала в связи с глобальными государственными задачами, подлежащими решению. Низкий уровень интеллектуального развития приводит к неадекватности оценок вышеперечисленного и, как следствие, к недостаточной степени принятия гражданских ценностей и их выраженности в поведении.

Практическая актуальность исследования связана с возможным применением его результатов в проектировании программ психологического сопровождения когнитивного и личностного развития учащейся молодёжи, в проведении социокультурной экспертизы образовательных сред.

Канд. филол. наук L.I.Batourina (Recife, Brazil)

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Существует выражение «расставание – это маленькая смерть». Психологи говорят, что миграция по шкале стресса приравнивается к наивысшим 100 баллам. Столько же по этой шкале имеет смерть близких. Конечно, в наше время возможностей перемещения по миру этот стресс несколько ниже, но, находясь в Латинской Америке я частенько думаю об отважных переселенцах прошлых веков – переезд европейца в ту же Бразилию тогда означал расставание навсегда, своего рода «маленькую смерть». Но это не только шок расставаний. Устройство жизни на чужбине несёт в себе не меньший стресс. Даже сейчас, в наш информационный век, испытываемый шок от адаптации к новой культуре перевернул не одну жизнь.

У автора более 20 лет опыта, так или иначе связанного с проблемами адаптации в чужой стране, – начиная от работы с иностранными студентами и иностранными специалистами в России, включая более 17 лет миграции по миру, самоанализ, наблюдения за мигрантами, коучинг и непосредственный рабочий опыт в государственных европейский структурах, обеспечивающих тренинги мигрантов в Европе по их интерации в общество.

Проблема адаптации к чужой культуре появилась не вчера и даже не позавчера, а существует со времен переселения народов. Ученые начали ею интересоваться со времен заселения Америки. Особенно остро она встала в XX-м веке в связи с развитием активного перемещения людей по планете.

Надо сказать, что долгое время серьезные исследования проводились только этнологами при изучении длительного контакта групп с разными культурами, в конечном итоге приводящего к изменениям паттернов культуры одной или обеих групп. И только с середины 20 века ученые из смежных дисциплин (психологи, социологи, лингвисты и другие) присоединились к этой проблеме и начали рассматривать процессы изменений уже в психологии индивида.

В последние 100 лет было 3 волны русской миграции. Первая, «Революционная», относится к началу 20 столетия. Вторая, «Еврейско-немецкая», происходила в 70-80-е годы, в годы перестройки. И, наконец, третья волна, 1998-2003 годов, принесшая в Европу массы русскоговорящих людей из республик бывшего Советсткого Союза, национальная идентичность которых вытеснила их из своих домов, а законодательство России не было готово принять массовую миграцию бывших соотечественников. Говоря об этой миграции, мы можем смело говорить о всеобщих социо-психолингвистических характеристиках. Изучение этого аспекта в рамках данной проблематики бесценно.

В середине XX века появляется термин «культурный шок», введённый антропологом К. Обергом для отражения дискомфорта при соприкосновении с чужой культурой. ***Типичная структура*** культурного шока:

– Сначала мы думаем, что новая страна очаровательная.

– Потом мы думаем, что новая страна – отвратительная.

– В конце периода адаптации мы осознаем, что новая страна – другая.

Типичные реакции на культурный шок:

– Мы думаем, что что-то не так с ними, а не с нами.

– Мы переоцениваем свою культуру.

– Мы оцениваем свою культуру как естественную, рациональную, цивилизованную, вежливую.

– Мы оцениваем культуру новой страны как не нерациональную, нецивилизованную и т.д.

Позже, в конце XX века, американец Г. Триандис развил идею культурного шока, описав W-образную кривую процесса адаптации и выделив пять этапов данного процесса: *хорошо, хуже, плохо, лучше, хорошо* (см. рис. 1).

Эти этапы принято называть фазами:

1. «Фаза эйфории», этот период еще называют «медовым месяцем» – от пары дней до нескольких месяцев.

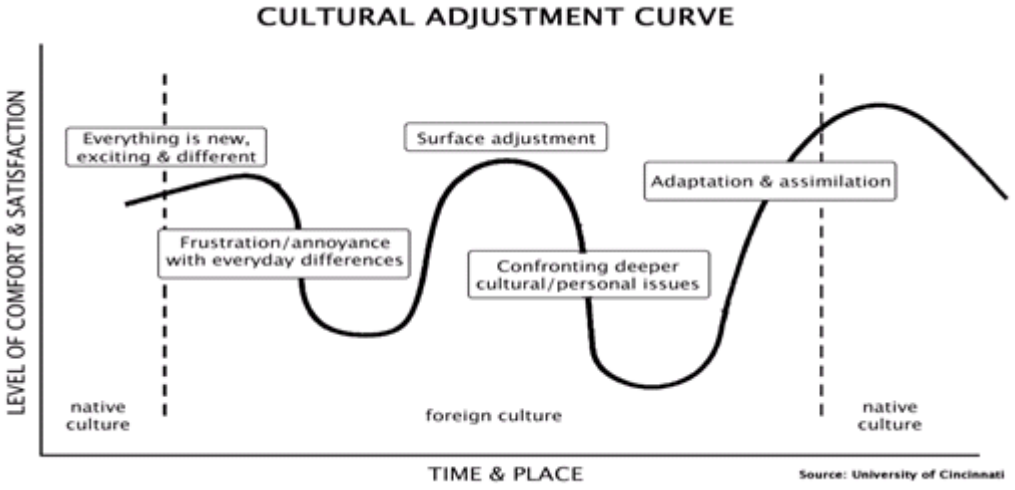

Рис. 1 – Кривая процесса адаптации

2. «Фаза начинающегося разочарования» – осмысление себя в новой социальной ситуации, начинающееся отрезвление.

3. «Ориентационная фаза» – период детального разбирательства в социальном, политическом, экономическом, бюрократическом устройстве общества – почти перманентное состояние стресса.

4. «Депрессивная фаза». Количественное накопление негативного опыта. Вне зависимости от психотипа человека, его подготовленности и умения преодолевать трудности, через депрессивную фазу проходит каждый иммигрант.

5. «Деятельная фаза, или Фаза комфортного обоснования между культурами», – этап успешного взаимоотношений с новым обществом. Две культуры обогащают жизнь мигранта и открывают новые возможности.

6. Факультативная фаза «Возвращение на Родину» – многие особенности родной культуры раздражают. Ощущение себя чужеродным элементом. Обнаружение, что друзья и знакомые уже не такие близкие, а вы и они изменились. Далее фазы адаптации к родной стране идут в том же порядке, хотя и значительно быстрее.

Надо отметить, что знания этих процессов активно используются в «программировании» разделения на разные культуры бывшего когда-то единого социума, свидетелями чего мы сейчас являемся на Украине или совсем недавно в Югославии.

Даже при самых благоприятных условиях миграции (например – успешный брак) прохождение этих стадий неизбежно, хотя оно и разнится по времени.

Факторы, влияющие на процесс адаптации к новой культурной среде

1. Индивидуальные различия – демографические и личностные.

* Успешная адаптация по убывающей: дети младщего возраста – подростки – женщины – мужчины – пенсионеры

Психологи утверждают, что время, необходимое для адаптации к новой стране равно биологическому возрасту, деленному на 4. Чем

быстрее будет достигнут ожидаемый уровень в новой жизни (социальный, экономический, профессиональный), тем быстрее пройдет адаптация. Однако, не все так плохо – в случае успешной адаптации уровень жизни в новой стране сопоставим или даже выше уровня жизни человека на родине.

* Успешная адаптация по убывающей: высшее образование и язык – только язык – только высшее образование – среднее образование

* Скорее всего адаптируются общительные и любознательные люди, интересующиеся окружающим, мыслящие крупными категориями («в общем и целом», «по большому счету», «Богу угодно»), неавторитарные, готовые к компромиссу при урегулировании конфликтов, разделяющие общечеловеческие ценности

2. Обстоятельства жизненного опыта индивида. Мотивация

* Успешная адаптация по убывающей: семья с зарубежным партнером – учеба – контракт на работу высокой квалификации – гастарбайтеры – беженцы

3. Степень сходства или различия между культурами.

4. Имперские замашки культур.

*Часто плохо адаптируются представители так называемых «великих держав» из-за присущего им высокомерия и убеждения, что учиться должны не они, а другие. Например, многие французы, американцы и русские полагают, что им не нужно знать никакого другого языка, кроме собственного. Студенты-бразильцы могут легко попенять профессору, если тот недостаточно хорошо говорит на португальском, сами не владея ни одним иностранным. А вот жители небольших богатых государств, таких, как Малта, Бельгия, Люксембург, Швейцария вынуждены изучать иностранные языки, что облегчает их взаимодействие с другими культурами. При проведении опроса в странах Европейского Союза выяснилось, что чем меньше государство, тем больше языков знают его жители, а значит, имеют больше возможностей для успешной межкультурной адаптации. Так, 42% граждан Люксембурга и только 1% французов, англичан и немцев указали, что могли бы объясниться на четырёх языках.

5. Отношение к чужакам в принимающей стране («котел все переплавит» - Бельгия).

Факторы благоприятствования и недоброжелательства не ограничиваются только перечисленными. Но последствия межкультурных контактов могут быть самыми разными – от геноцида, как крайней формы неприятия, до интеграции и ассимиляции (до растворения в чужой культуре). Интеграцию принято считать самой успешной формой адаптации к чужой культуре, когда индивид сохраняет свою культурную идентичность при объединении в единое сообщество новой культуры.

До сих пор нет однозначного ответа, почему даже при схожих отношениях между группами – на индивидуальном уровне одни люди становятся «маргина-

лами», а другие – «посредниками», одни становятся «шовинистами», а другие полностью ассимилируются?

Понимая всю важность работы с мигрантами, развитые страны Европы и Соединённые Штаты проводят работу по подготовке индивидумов к межкультурному взаимодействию на государственном уровне. Распространённая американская модель подготовки – «ДО» – дидактический материал лекционного характера, часто включающий исторические сведения, оторванные от места будущего местожительства.

Европейская модель – «Сразу по приезду» – пропускает фазу «Начинающегося разочарования» и смягчает фазу депрессии. Такая работа лежит в ведении городской администрации и привязана к местности.

Используются психоаналитические консультации – «После» – обучение тому, как справляться с культурным шоком.

Для постоянных мигрантов, меняющих страны с определённой долей частотности, фазы могут быть слегка видоизменены. Существенную долю стресса в них занимает проблема не личной адаптации, а труднейшей задачи воспитания детей, достойно занимающих место между двумя-тремя и т.д. культурами, определения культуры, которую, в конечном итоге, воспримут их дети, как родную, где совпадения родной культуры родителей и родной культуры детей, в большинстве случаев, не произойдёт, поскольку культура вмещает в себя общие с социумом точки соприкосновения: язык, шутки, жаргон, невербальные средства, ощущения родного дома, родных с детства стен, общие книги и паттерны социального поведения, наличие языковых и не только языковых лакун, общие воспоминания и многое другое, что вмещает в себя глубинное понятие родной культуры.

В адаптации тех, кто много мигрирует по миру, наблюдаются некоторые особенности. Так, понятия «они – мы» постоянно смещаются в зависимости от точки нахождения. То, что до этого могло быть «они», при новом переезде трансформируется в «мы». На начальных фазах адаптации самое лучшее коллективное из всех предыдущих накопленных стран неосознанно стравнивается с самым худшим в новой отдельной культуре. Требования к себе, как бывалому мигранту, завышаются, что неизбежно ведет к скорейшему и более глубокому стрессу, появляется чувство опасности внезапной смерти «не там». Почти полностью утрачивается привязанность к вещам. Наряду с этим укрепляется семья, человек выглядит значительно моложе своих сверстников из-за постоянной необходимости учиться, психологический возраст значительно замедляется.

Что можно предпринять, чтобы быстрее и безболезненнее пройти неизбежный процесс адаптации?

Несколько простых советов:

– осознавать нормальность негативных рекаций,

– понимать, что адаптация к стране займет какое-то время,

– загружать себя делами,

– отдавать по максимуму своей семье и детям,

– жить в настоящем.

Литература

Батурина Л.И. Потеря навыков родного языка в условиях иноязычной среды : Лексический анализ. – Ульяновск : УлГУ, 2010. С. 75-80.

Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект-Пресс, 2004. – 368 с.

Триандис Г. К. Культура и социальное поведение. – М. : Форум, 2007. – 384 с.

Форум на сайте Русскоязычных в Великобритании. – htpp://britainrus.co.uk

Oberg K. Culture shock // Paper presented to the Women's Club of Rio de Janeiro, Brazil. August 3, 1954.

Докт. психол. наук М.Ю. Бурыкина (Брянск)
mabur03@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТА «ЗАМЕЩАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ МАТЕРИ»

Становление материнского поведения, чувств и установок начинает складываться задолго до рождения ребенка. Эти структуры образуются в детстве потенциального родителя на основе раннего опыта его взаимоотношений в собственной семье. Д. Винникотт (1998) пишет, что способность женщины «быть достаточно хорошей матерью» формируется на основе ее опыта взаимодействия с собственной матерью, в игре, во взаимодействии с маленькими детьми, а также в процессе собственной беременности и материнства. Он считает, что наука материнства – это «собственный опыт младенчества» [Д.В.Винникотт, 2013].

Содержательная интерпретация конструкта «замещающее поведение матери» тесным образом связана с понятием «личностные потребности». Нарушение соответствия содержания личностных потребностей способам их удовлетворения способствует формированию замещения конгруэнтных действий, которые мать не может выполнить в сложившихся ситуациях взаимодействия с собственным ребенком. В основе замещающих действий лежит компенсаторно-адаптационный механизм.

Замещающее поведение матери – комплекс фиксированных адаптивных и неадаптивных действий, направленных на снятие напряжения, возникшего вследствие неудовлетворения личностных потребностей в отношениях с ребенком. Замещающие действий матери нами рассматриваются в контексте искажения образа реальных отношений, «использования» ребенка как предмета доминантной личностной потребности матери, ее адаптации или дезадаптации к меняющимся потребностям ребенка в разные периоды детства, уменьшения психологического дискомфорта в трудноразрешимых ситуациях, снятия преграды для удовлетворения собственных личностных потребности.

В эмоционально отвергающих, игнорирующих, агрессивных, угождающих действиях матери с собственным ребенком ощущение внутреннего дискомфорта гасится на некоторое время, но разрядка потребностного напряжения за счет замещающих действий не позволяет матери удовлетворить личностные потреб-

ности в принятии, поддержке, доброжелательном внимании, компетентности. «Ненасыщаемость» (Л.И. Божович, 1968) истинной личностной потребности приводит к их дисгармонии, которая маскируется в замещающем поведении и вызывает зависимость от этого способа реагирования.

Компенсация личностной дезинтегарции матери проявляется во внутренней конфликтности, низкой степени самопринятия, невротической структуре личности, проявляющейся в сфере самовосприятия, чувстве вины, стыда, повышенной тревожности. В качестве источника отреагирования нервного напряжения для матери выступает ребенок (агрессивность, негативизм, протестные реакции). Эмоциональное отвержение ребенка – признак наличия у матери отвергаемых качеств.

Замещающее поведение матери, являющееся результатом компенсации неудовлетворенных личностных потребностей родителя, характеризуется его низким уровнем самоконтроля в аффективной сфере, негибкостью мышления, ригидностью поведения, низким уровнем родительской рефлексии, эгоцентричностью. Замещающее поведение матери имеет двойственный характер: с одной стороны мать демонстрирует эмоциональное отвержение ребенка, его игнорирование (выражается в молчании в ответ на непослушание ребенка), с другой стороны усиливает гиперопеку и контроль за поведением.

Если и мать, и отец обладают сходной структурой неудовлетворенных личностных потребностей в эмоциональной близости, автономности, доброжелательном внимании друг к другу сочетающихся со страхом «за жизнь ребенка», «заболеет», «обидят», то у них формируются чувства внутреннего дискомфорта. На отношение к ребенку проецируются личностные и супружеские конфликты родителей, их эмоциональное отвержение, недовольство ребенком.

У матери, демонстрирующей замещающее поведение, устанавливаются с ребенком симбиотические отношения, что часто происходит при нарушении эмоциональных связей с отцом ребенка. Поведение матери приобретает не только компенсаторный характер, но сопровождается амбивалентными реактивными действиями: наказывания (из чувства стыда за «плохое поведение ребенка») или «заласкивания» (в тот момент, когда ребенок не испытывает в этом необходимость). Ребенок становится объектом удовлетворения эмоциональных потребностей матери, которые не удовлетворены в супружеских отношениях.

Первопричиной формирования замещающего поведения матери являются отношения с собственной матерью и семейная модель материнства. Проблемные родительские установки могут быть связаны с неадекватной мотивацией рождения ребенка: связывание с его рождением надежды на решение каких-либо внутрисемейных проблем (удержание мужчины, скрепление семьи, возрождение супружеских чувств и т.п.) либо восполнение эмоционального дефицита, образовавшегося у женщины.

Описание случая. Мать обратилась с жалобой на резкое изменение поведения сына 10 лет: отказ ходить в школу, спортивную секцию, дерзость в отношениях с бабушками и матерью (обижается на грубые обращения сына, часто от них плачет, а в ответ слышит: «что ты ноешь?). Пару месяцев назад, как отмечает мать, ребенок был «послушный», «интеллектуально развитый», «учился

в школе на пятерки, а теперь стал получать тройки», «общительный», «любил ходить к ее подругам в гости или в развлекательные центры». Мать называет сына уменьшительно-ласкательным именем.

Мальчик живет в двухкомнатной квартире с бабушкой (мать матери), прабабушкой (мать бабушки), мамой (с отцом разведена, когда мальчику было 1 год, с тех пор он с ним не общается). Когда мальчику исполнился год, мать уехала работать в другой город, а ребенок остался с бабушкой, которая и обслуживает его до сих пор. Сын дома не выполняет никаких домашних дел.

В свою очередь мальчик жалуется на «подзатыльники» матери, если во время выполнения домашних заданий он «что-то делает не так». Или: «Я утром одевал рубашку и хотел, чтобы мама застегнула пуговицу на рукаве, а она накричала: я сам не могу, что ли?» (и заплакал).

Из рассказа мальчика и рисунка «Несуществующее животное» очевидным стало: полоролевая идентификации имеет женскую направленность («жар птица» кормит птенцов, добывает им пищу, в гнезде живет без самца высоко в горах, к птицам никто не приходит в гости, потому что это очень редкие птицы). Исключительность мальчика, одиночество и несамостоятельность являются результатом сиблинговых конкурентных отношений матери с мальчиком. Бабушка, выполняющая функции матери, перестала удовлетворять потребности мальчика, входящего в подростковый возраст. Необходимость в сотрудничестве с настоящей матерью, в ее поддержке, принятии, сталкиваются с инфантилизацией со стороны близких, властных взрослых, воспринимающих мальчика как «любимую игрушку», которая почему-то «сломалась». Семейная модель «навсегда оставить маленьким» реализуется от матери (бабушки) к дочери, от дочери к ее сыну.

Формирование представлений о личностных потребностях матери и сына, их осознание матерью – первостепенная задача в коррекции детско-материнских отношений. Эмоциональный разрыв между матерью и сыном сформировался в результате неготовности матери к материнству. В психотерапевтической работе предстоит стимуляция личностного роста матери, расширение ее внутренних ресурсов и потенциалов. Осмысление собственных переживаний позволит матери преодолеть ряд психологических проблем, среди которых – искаженное восприятие собственного "Я-мама, я-дочь", неадекватная оценка перспективы и чувства собственной малоценности, ощущение униженности, многочисленные фобии. Особое место в работе отводится изменению вектора осознания своих состояний и эмоций, ориентации на достижение желаемых изменений в психологическом самоощущении матери.

Литература

Бурыкина М.Ю. Замещающее поведение детей и подростков в контексте материнского отношения : монография. – Брянск : Курсив, 2009. – 160 с.

Винникот Д.В. Маленькие дети и их матери. – М. : Класс, 2013. – 80с.

Канд. филол. наук Р.А.Даминова (Уфа)
daminowa@mail.ru

ДИНАМИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРАМЕТРА ОЦЕНКИ В АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ

Ассоциативный подход к значению слова в свое время получил высокую оценку со стороны А.А. Леонтьева, отметившего, что выделенные методом Дж. Диза факторы легко интерпретируются содержательно как семантические компоненты слов, а это может служить одним из доказательств «принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов» [Леонтьев, 1969, С. 268].

Параметр оценки в психологической структуре значения слова давно волновал исследователей, впервые став предметом психолингвистического исследования в экспериментах Ч.Осгуда и его коллег. Основная идея ученого – значение можно оценить, помещая его в любую точку шкалы между двумя антонимичными прилагательными (стимулами). Размерность пространства, образованного векторами, соответствующими предъявленным стимулам, выяснялась факторизацией матрицы корреляций между шкалами. В ходе многочисленных экспериментов было обнаружено, что размерность эта равна трем, а базисными векторами пространства являются такие комбинации шкал семантического дифференциала, которые могут быть обозначены как сила, активность, оценка (шкала типа хороший/плохой).

Анализ литературы по обсуждаемому вопросу позволяет убедиться в том, что исследователи пытались, так или иначе зафиксировать или эксплицировать такие сложные и труднодоступные явления как, «оценка» и «эмоция», найти их языковое выражение, зафиксировать их психологическую реальность и подтвердить её числовыми коэффициентами, рассмотрев взаимодействие эмоции и оценки через языковые материалы ассоциативных экспериментов.

В рамках программы исследования особенностей функционирования слова в индивидуальном лексиконе А.А. Залевской и её учениками Е.М. Ковалевской и М.Н. Шориной были получены количественные показатели коэффициента «эмоциональности» психологической структуры значения 51 существительного [Ковалевская, Шорина, 1984, С.136-140]. Затем эксперимент нашел продолжение в исследовании Е.Н. Колодкиной, которая увеличила количество исследуемых существительных до 215 с целью выявления специфики взаимодействия в индивидуальном сознании параметров конкретности, образности, эмоциональности значения слова [Колодкина, 1985, С.40-50]. Была установлена, с одной стороны, высокая корреляция между показателями коэффициентов конкретности и образности, с другой, – отсутствие корреляции между эмоциональностью и другими рассматриваемыми параметрами. Это вывело на необходимость углубленного изучения параметра эмоциональности с привлечением других частей речи. Предположив, что эмоциональность психологической структуры значения слова взаимодействует с оценкой, в исследовании акцент перевели на параметр «оценки». Для этой цели Е.Н. Колодкина предприняла эксперимент с 50 испытуемыми – студентами, в задачу которых входило определить интенсивность оценки 215

русских существительных по 7-балльной шкале от «плохого» (1 балл) к «среднему» (нейтральному – 4 балла) и «хорошему» (7 баллов) [Колодкина, 1990, С.67-73]. Результаты эксперимента доказали психологическую реальность параметра оценки в лексиконе индивида. Для третьего этапа эксперимента были отобраны 120 слов – по 40 глаголов, прилагательных, существительных. Показатели среднего отклонения свидетельствовали о единодушии испытуемых в оценке тех или иных слов по изучаемому параметру: для 83 слов из 120 среднее отклонение ниже 1,00(69,1%), для остальных слов он не превышал 1,50 (показатель зафиксирован для одного слова). Итоги анализа показали, что все исследуемые 120 слов были опознаны как несущие некоторую меру положительной или близкой к нейтральной оценки. В последующем Е.Н. Колодкиной было предложено исследование взаимодействия оценки и эмоциональности в психологической структуре значения слова в русле внутриязыкового и межъязыкового сопоставления. Рассмотрев результаты сопоставления коэффициентов оценки и эмоциональности в значении 75 русских существительных и их английских эквивалентов, Е.Н. Колодкина сделала вывод об универсальности механизмов внутреннего лексикона, регулирующих присвоение значению идентифицируемого слова русского или английского языков тех или иных показателей оценки и эмоциональности. Второй вывод касается внутриязыкового сопоставления производной оценки и эмоциональности. Во-первых, исследование подтвердило наличие взаимодействия двух исследуемых параметров; во-вторых, с учётом величины коэффициентов ранговой корреляции (0,64 для русского и 0,75 для английского языков), результаты исследования показали, что оценка и эмоция – это не две стороны одного и того же параметра в семантической структуре слова, а два равнозначных и полноправных компонента, обладающие своей спецификой [Колодкина,1991, с. 40-51]

Объектом научных исследований Е.Ю. Мягковой стала эмоциональная нагрузка слова, под которой автор понимает проявление отношения субъекта к тому, что называет воспринимаемое или используемое слово [Мягкова, 2000, с.110]. Важным является положение Е.Ю. Мягковой о комплексном характере эмоциональной нагрузки слова, состоящей из ряда взаимосвязанных составляющих, причем в их семантике прослеживается влияние оценочного момента, что доказывает неразрывность эмоции и оценки: таким образом, не только эмоция всегда оценочна, но и любая оценка сопровождается эмоциональным отношением.

Методом субъективного шкалирования Н.О. Золотова проанализировала единицы ядра лексикона носителя английского языка по параметру эмоциональности. Испытуемым предлагалось оценить предъявленные вербальные стимулы по параметру PLS – «pleasantness» (приятное): интерес экспериментаторов был направлен на выявление степени выраженности положительных эмоций. Полученные числовые величины позволили говорить о достаточной выраженности параметра PLS в значении слов, относимых к ядру лексикона носителей английского языка. При этом, по замечанию Н.О. Золотовой, слова последнего слоя ядра воспринимаются носителем языка как «наименее приятные» из всего количества составляющих ядро единиц. Выделились две группы слов, наиболее опреде-

ленно тяготеющие к двум противоположным полюсам шкал – приятные (положительные) и наименее приятные (отрицательные) [Золотова, 1991, С.83-88]. Внутриязыковое и межъязыковое сопоставления материалов экспериментов на шкалирование русских и английских слов позволило установить наличие сложных взаимоотношений между параметрами «эмоциональности» и «оценки» психологической структуры значения слова и в то же время близость характеристик последней, «измеряемых» при шкалировании слов по параметрам «оценки» и «приятности». Высказанные соображения носят предварительный характер и требуют проверки на более обширном корпусе слов с применением машинных методов обработки полученных показателей и выявления взаимоотношений между различными характеристиками психологической структуры значения слова [Залевская, 1991, С.73-82]

Ассоциативный процесс требует со стороны индивида определенных осознанных/неосознанных усилий по изменению или установлению вектора состояния ассоциативной системы [Рогожникова, 2005, С.106-128]. Усилие в значительной степени осуществляется на неосознаваемом уровне, ибо у человека слабо выражена способность управлять своими ассоциациями. Кроме того, когнитивная скупость обыденного повседневного мышления опирается на эмоционально-оценочные категории, среди которых базой является дихотомия «хороший-плохой». В условиях естественной речевой коммуникации человек не осознает процессов идентификации слова. Опоры, которые человек использует для опознания и понимания слова, выбираются им неосознанно. Именно этим объясняются трудности экспликации идентификационных стратегий, которые он использует в речи. Поиск путей исследования проблемы привел к анализу литературы, связанной с исследованием фонетического аспекта семантики слова.

Отличие фонетического значения от других (лексического и морфологического) заключается в том, что оно не осознается носителем языка [Журавлев, 1974, с.160], и, как, оказалось, обладает значительным потенциалом для экспликации характеристик глубинных процессов функционирования идиолексикона, так как фонетическое значение слова входит составной частью в индивидуальную психологическую структуру значения. Анализируя результаты исследования А.П.Журавлева, наиболее важными оказались следующие положения: 1) из 25 шкал, использованных в направленном ассоциативном эксперименте, шкала «хороший – плохой» коррелирует со всеми шкалами, т.е. оценка зависит от всех признаков понемногу.. Если измерения силы и подвижности звуков скорее физические, то измерение оценки скорее интеллектуальное; 2) признаки «хороший», «плохой», «гладкий» и т.п. в применении к звукам речи и словам нельзя понимать буквально. Признак указывает на то, что впечатление от данного звука или слова вызывает реакцию в той области подсознания, которая реагирует и на другие стимулы, реально допускающие применение данного признака; 3) учитывая, что фонетическое значение слова не осознается, мы получили инструмент, который дал возможность эксплицировать неосознаваемую деятельность испытуемых в исследовании при обработке единиц ядра ментального лексикона носителей русского языка и их ассоциативных полей; 4) шкала

«хороший-плохой» является представителем психологического фактора в процедуре эксперимента, и этот фактор наиболее силен, так как с ним взаимодействуют все шкалы набора признаков. Шкала является инструментом, при помощи которого можно формализовать взаимоотношения фонетического значения слова и его ассоциативного окружения.

Получив инструмент измерения оценки были проанализированы 75слов ядра языкового сознания (73% единиц оказались положительными) и их ассоциативные поля, зафиксированные в РАС (72% полей оказались отрицательными) [Даминова, 2010, с.200]. Затем был проведен ассоциативный эксперимент со 100 испытуемыми, которые должны были отреагировать на слово-стимул не первым и единственным пришедшим в голову словом, а цепочкой реакций, т.е. записать все слова, возникающие в связи со словом-стимулом, до «пустоты в голове». Словами – стимулами явились 19 единиц ядра с высоким коэффициентом «положительной» фоносемантической оценки: **я, он, лес, любовь, идти, далеко, боль, дом, море, мальчик, долго, дорога, вода, работа, ночь, очень, много, мой, дурак**. В итоге был получен словарь индивидуальных ассоциативных полей [Даминова, 2009, С. 200-265.]. Далее методом фоносемантического анализа текста были проанализированы 1900 индивидуальных ассоциативных поля. Результат показал, что половина индивидуальных ассоциативных полей, структурированных как коллективные и индивидуальные, получили интенсивное отрицательное окружение. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что фонетическое значение слова входит составной частью в индивидуальную психологическую структуру значения; слово и его ассоциативное окружение, сосуществуя в единстве, функционируют в определенных взаимоотношениях, оказывая влияние на сознание и подсознание индивида; обнаруженная фонетическая оппозиция стимула его ассоциативному окружению позволила сделать вывод о фоносемантической специфике единиц ядра лексикона, которая заключается в том, что они, если учитывать частоту их употребления в речи или активность, приводят каждый раз ассоциативный процесс к статическому равновесию, т.е. осуществляют временную нервную связь, или момент, названный в психофизиологии торможением, которое происходит благодаря механизму оценивания поступающей в мозг информации.

Литература

Даминова Р.А Ассоциативная структура значения и фонетическая значимость слова: дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2010. – 200с.

Даминова Р.А. Исследование фоносемантических особенностей индивидуальных ассоциативных полей единиц ядра ментального лексикона // Галерея ассоциативных портретов: монография / Т.М.Рогожникова и др.; под общей редакцией Т.М.Рогожниковой. – Уфа: 2009. – С. 200-265.

Журавлев А.П. Фонетическое значение. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 160 с.

Залевская А.А. Экспериментальное исследование параметра оценки в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. –С.73-82.

Золотова Н.О. Эмоциональная значимость единиц ядра лексикона носителя английского языка // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991.– С.83-88.

Ковалевская Е.М., Шорина М.Н. Коэффициенты конкретности, образности и эмоциональности для 51 русского существительного // Психологические и лингвистические аспекты проблемы языковых контактов. – Калинин: Калинск. гос. ун-т, 1984. – С. 136-140.

Колодкина Е.Н. Конкретность, образность и эмоциональность 215 русских существительных // История русского литературного языка и стилистика. – Калинин: Калинск. гос. ун-т, 1985. – С. 40-50.

Колодкина Е.Н. Параметр оценки в психологической структуре значения 215 существительных // Психолингвистические проблемы семантики. – Калинин: Калинск. гос. ун-т, 1990. – С. 67-73.

Колодкина Е.Н. Оценка и эмоциональность в психологической структуре значения слова // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1991. – С. 40-51.

Леонтьев А.А Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Просвещение, 1969. – 268 с.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2000. – 110 с.

Рогожникова Т.М. Психолингвистическое моделирование семантики // Слово и текст: психолингвистический подход: Сб. науч. тр. / Под общ. ред. А.А.Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 4. – С. 106-128.

Канд. психол. наук Т.В. Зеленкова (Орехово-Зуево)
tzelenk@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ ЛЕКСИКИ В УСТНОМ ИМПРОВИЗАЦИОННО-СЛОВЕСНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ

Новые федеральные государственные стандарты, реализуемые в России в настоящее время, обозначили целевые и ценностные ориентиры дошкольного и начального образования, где в качестве основных задач выступают развитие умения учиться и формирование коммуникативной компетентности ребенка. Решение этих задач невозможно без уверенного овладения детьми лексикой родного языка и учета педагогами индивидуально-типологических особенностей ее формирования.

Официальные документы, образовательные программы и программы психолого-педагогического сопровождения процесса обучения опираются, как правило, на некий обобщенный образ «среднего» ребенка или учащегося, задача же педагога и психолога образования – индивидуализировать их в практике работы с конкретными типами детей. Это предполагает знание психологических особенностей личности ребенка, связанных с формированием в онтогенезе

языковой модели мира и выраженных в языке и речи эмоционально-ценностных предпочтений. Как показали наши исследования, в этом вопросе является важным выделение лексических и структурных маркеров устной речи, формирующих представление о картине мира ребенка [Зеленкова, 2012; 2015].

Особое место занимает дифференциация детской лексики по гендерному типу, что дает возможность более гибко и результативно выстраивать образовательный процесс. О гендерной неоднородности устной речи и языковой модели мира детей и взрослых подчеркивается и в современных социолингвистических исследованиях [Даниэль, Зеленков, 2012], [Wodak, Benke, 1998], что указывает на существовании особенностей опосредования процесса развития высших психических функций у мальчиков и девочек. Различия их речевого поведения и познавательных процессов выходят на проблему гендерных различий в вопросах готовности к школе и успешности в учебной деятельности, порождая, соответственно, и различия в проблемах обучения [Цветков, 2013].

В данной работе мы рассмотрим гендерную специфичность лексики детей при выполнении ими творческого задания по устному импровизационному сочинению волшебной сказки. Почему для исследования была выбрана именно эта форма детской деятельности? Прежде всего, она похожа на игру и не вызывает защитных реакций у ребенка. В этой игре-импровизации ребенок может использовать слова, характерные для свободного самовыражения, что приводит к активизации его словарного запаса, «вытаскивая» содержимое не только активного, но и пассивного словаря. Через язык сказки выявляются результаты познавательной деятельности ребенка, отражаются его переживания, представления, субъективное отношение к окружающему миру. Кроме того, по тексту данного творческого продукта мы сможем проанализировать и особенности связной речи ребенка, и его способность к смысловой завершенности во внутреннем плане действий.

Исследование гендерной специфичности детской лексики проводилось на достаточно большой базе текстов, которая была сформирована по результатам эксперимента по устному импровизационному сочинению волшебных сказок детьми от 5,5 до 10 лет. Всего было проанализировано 358 текстов.

Для анализа детской лексики по материалам текстовой базы составлялись дифференциальные словари, которые на первом этапе разделяли частоту встречаемости употребляемых детьми слов на два полюса по гендерному признаку, а на втором этапе отражали разность ранговых позиций слов двух оппозиционных классов. Таким образом, мы получали возможность выявить особенности лексики мальчиков и девочек: чем больше разность рангов, тем более специфичным для данного класса являлось слово (таблица 1).

Как видно из таблицы, для девочек самыми популярными являлись, в основном, существительные (*фея, принцесса, кошечка, цветочек и проч*.). Для мальчиков – разные части речи: и существительные, и глаголы, и прилагательные (*зайчонок, украсть, кругосветный, война и проч*.).

Сопоставление с позиций гендерных различий среднего объема активного словаря и уровня лексической специфичности в каждом возрастном периоде позволило выявить, что дошкольники-мальчики более многословны, но менее

специфичны (самобытны) по языку, чем девочки, у которых наблюдается обратная картина: они менее многословны, но более самобытны. У первоклассников – наоборот: девочки многословны, но не самобытны, мальчики – самобытны, но немногословны. Во втором и третьем классах объемы словарей практически одинаковы при разном уровне лексической специфичности. У учащихся четвертого класса при разных объемах словарей лексическая специфичность мальчиков и девочек сглаживается – они используют, в основном, общую лексику.

Таблица 1.

Фрагмент дифференциального словаря по гендерному признаку

Девочки			Мальчики	
Слово	Разность рангов		Слово	Разность рангов
фея	1624		зайчонок	1514
принцесса	1585		гав	1484
кошечка	1573		дятел	1468
орел	1572		блоха	1458
цветочек	1561		корова	1451
галка	1557		украсть	1448
лягушка	1543		путешествие	1442
сестра	1511		шапка	1434
лисица	1493		лягушонок	1419
олень	1492		убивать	1408
желание	1486		котенок	1404
хозяйка	1470		кругосветный	1401
высоко	1465		пещера	1339
единорог	1462		старушка	1396
кукла	1460		война	1389

Литература

Даниэль М.А., Зеленков Ю.Г. НКРЯ как инструмент социолингвистических исследований. Эпизод IV. Пол говорящего и длина реплики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 11 (18). М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 112-121.

Зеленкова Т.В. Лексические и структурные маркеры детской креативности // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции. Москва-Орехово-Зуево, 2015. С.42-43.

Зеленкова Т.В. Психолингвистические особенности продуктов словесного творчества у детей дошкольного и младшего школьного возраста // Московский международный конгресс, посвященный 110-летию со дня рождения А.Р. Лурия. Тезисы сообщений. Москва, 2012. С. 57.

Зеленкова Т.В. Гендерные различия в использовании активного словаря при выполнении творческого задания детьми дошкольного и младшего школьного возраста // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: Сборник материалов юбилейной конференции: в 5 томах: Том 5. М.: Когито-Центр, 2015. С. 76-78

Wodak, Ruth & Gertraud Benke. Gender as a sociolinguistic variable: New perspectives on variation studies. In: Florian Coulmas (ed.), The handbook of sociolinguistics. Oxford: Blackwell Publishers, 1998. P. 127–150.

Докт. филол. н. А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево),
асп. Ю.В.Капрянцева (Ульяновск)

ОПТИМИСТИЧНОСТЬ/ПЕССИМИСТИЧНОСТЬ КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

В первую очередь определимся с основными понятиями, среди которых одним из базовых является «языковое сознание». Под «языковым сознанием» обычно понимают «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей. Образы языкового сознания интегрируют в себе умственные знания, формируемые самим субъектом преимущественно в ходе речевого общения, и чувственные знания, возникающие в сознании в результате переработки перцептивных данных, полученных от органов чувств в предметной деятельности» [Е.Ф.Тарасов, 2000, с. 3].

На наш взгляд, более перспективно опираться на те психологические представления, согласно которым под сознанием понимается «открывающаяся субъекту картина мира, в которую включён и он сам, его действия и состояния» [А.А.Леонтьев, 2000, с. 166], «особый психический процесс, в результате которого в психике человека (то есть в множестве субъективных образов) образуется особый образ – образ "Я"» [А.Ф.Корниенко, 2010, с. 252 и др.].

Таким образом, под языковым сознанием нами понимается выраженное в языке-речи знание субъекта об окружающем мире, совмещённое с его знанием о существовании в этом мире его самого, его «Я».

Какие известные (психо-)лингвистические проблемы в таком случае должны быть отнесены к проблематике языкового сознания?

В первую очередь, к проблематике языкового сознания относятся проблемы, связаны с употреблением *я-* и *мы-высказываний*, поскольку именно такие высказывания напрямую связаны с «со-знанием», знанием субъекта об окружающим мире, совмещённым со знанием существования себя самого в этом мире.

Во вторую очередь, к проблематике языкового сознания должны быть отнесены перформативы, т.е. такие слова или высказывания, которые равноценны какому-либо поведенческому акту, действию или поступку [подробнее см. И.П.Сусов, 2006; Л.Е.Тумина, 2015 и др.]. Например, *Well **I beg you** on my bend-*

ed knees (J.Lennon "Tell me why") – ***Я умоляю тебя*** *на согнутых коленях (Дж.Леннон).*

В третью очередь, к проблематике языкового сознания относится не менее интересная проблема языково-речевого выражения оптимистичности/пессимистичности языковой личности [см.: С.А.Байшева, 2005; Ю.В.Котова, 2012, 2013 и др.].

К случаям манифестации языкового сознания также следует относить многочисленные способы вербализации говорящим своей субъективной оценки той ситуации, той реальности, в которой он оказался в конкретный момент времени. В речи это выражается с помощью модальных глаголов со значением уверенности и неуверенности. Например, ***We can work it out*** *(P.McCartney "We can work it out") –* ***Мы можем это решить*** *(П.Маккартни).*

Языковое сознание также находит своё отражение в речи с помощью личных и притяжательных местоимений, ср. *я, мы, мой, твой, наш, ваш* и т.д.

Несомненно, каждый из представленных вариантов выраженности языкового сознания заслуживает особого внимания и более подробного изучения. В рамках представленной статьи рассматривается степень присутствия в языковом сознании оптимистического и пессимистического начал.

Проблема оптимистичности и пессимистичности высказываний была обоснована американским психологом М.Зелигманом. Он изучал склонность своих пациентов к оптимизму/пессимизму, в результате чего пришёл к весьма любопытному выводу о том, что самые обычные слова, которые использует каждый человек в повседневной жизни при описании той или иной ситуации, могут дать немаловажную информацию о его предрасположенности к оптимистичному/пессимистичному мироощущению. Учёный ввёл понятие «стиль объяснения» (explanatory style), который коренится в представлениях человека о его месте в этом мире, в его оценке происходящих с ним событий. Таким образом, стиль объяснения являет собой критерий оптимизма и пессимизма конкретной языковой личности, под которой мы понимаем человека, способного создавать и воспринимать речевые произведения (тексты), различающиеся «а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности, в) определённой целевой направленностью» [Ю.Н.Караулов, 1989, с. 3; А.В.Пузырёв, 2014, с. 456].

М.Зелигман выделяет три параметра стиля объяснения, а именно: параметры постоянства, широты и персонализации [Зелигман 1997].

В связи с тем, что проблема оптимистичности/пессимистичности высказываний может представлять немалый интерес не только для психологов, но также и для (психо-)лингвистов, нами была предложена и проверена на практике методика определения степени выраженности оптимизма/пессимизма в речи говорящего [см.: С.А.Байшева, 2005; Ю.В.Котова, 2012, 2013 и др.]. В процессе изучения данной проблемы у каждого из ранее упомянутых параметров стиля объяснения были выявлены свои языковые показатели, совокупное рассмотрение которых позволяет определить оптимистичную/пессимистичную направленность *я/мы-высказываний*. Наибольшее количество информации относи-

тельно языкового сознания личности, на наш взгляд, содержится именно в оценочных высказываниях о самом себе.

Для проверки данной методики на практике рассмотрим в качестве примеров высказывания, взятые из текстов песен лидеров группы «Битлз» Дж.Леннона и П.Маккартни.

Рассмотрим высказывание из песни Джона Леннона “You’ve got to hide your love away” – «Ты должен скрывать свои чувства» [Кознов 1997: 81].

“Hey, you’ve got to hide your love away!”	«Эй, ты должен скрывать свои чувства!»
“Hey, you’ve got to hide your love away!”	«Эй, ты должен скрывать свои чувства!»
How can I even try?	Но как я могу даже пытаться это сделать?
I can never win.	Я никогда ничего не добьюсь.
Hearing them, seeing them	Слыша их, видя их
In the state I’m in.	И находясь в том положении, в котором я оказался.

Высказывание “I can never win” дословно переводится как «Я никогда не могу выиграть». Определим его характер.

1) Высказывание содержит явно негативную оценку действительности (со знаком «минус»).

2) Негативная оценка в высказывании является постоянной характеристикой, о чём свидетельствует наличие наречия *never* 'никогда', следовательно, по параметру постоянства данное высказывание пессимистично (-1).

3) Общий смысл высказывания не ограничен пространством. Повсеместный характер высказывания при переводе на русский язык выражен отрицательным местоимением «ничего», в языке оригинала данная семантика выражена контекстом высказывания. Таким образом, по данному параметру высказывание также пессимистично («-1» по параметру широты высказывания).

4) Активная конструкция высказывания, сохранённая в переводе: *I can never win* 'Я никогда ничего не добьюсь' – говорит о том, что говорящий берёт ответственность за происходящее на себя, следовательно, по параметру персонализации высказывание тоже пессимистично («-1»).

Сложив результаты всех трёх показателей, квалифицируем данное высказывание как абсолютно пессимистичное (-1-1-1=-3).

Рассмотрим высказывание, взятое из текста песни Пола Маккартни “Every little thing” – «Каждый пустяк».

When I’m walking beside her,	Когда я иду рядом с ней,
People tell me I’m lucky.	Люди говорят мне, что я счастливчик.
Yes, I know I’m a lucky guy.	Да, я знаю, я счастливчик.

[Кознов 1997: 72]

Рассмотрим высказывание “Yes, I know I’m a lucky guy” (дословно – «Да, я знаю, я – везунчик»).

1) Во-первых, оно явно имеет позитивную оценку со знаком «плюс». Герой считает себя счастливчиком, везунчиком, и это не может не радовать его.

2) Высказывание стоит в Present Indefinite Tense (настоящем неопределённом времени). Временные рамки, ограничивающие действие, отсутствуют. Таким образом, по параметру постоянства высказывание оптимистично (+1).

3) Герой считает себя счастливчиком во всём, о чём свидетельствует общий смысл высказывания, следовательно, по параметру широты (+1).

4) Несмотря на присутствие активной конструкции, по параметру персонализации высказывание пессимистично (-1), о чём свидетельствует тот факт, что говорящий не несёт ответственность за ситуацию, это просто везение. Об отсутствии ответственности свидетельствует наличие в высказывании таких глаголов состояния, как *to know* (*знать*) и *to be* (*быть*) [о необходимости различения глаголов состояния и действия см. Ю.В.Котова, 2013].

Таким образом, оказывается, что позитивное высказывание носит умеренно оптимистичный характер, о чём и свидетельствует суммарный показатель (+1+1-1=+1).

По результатам анализа 73 высказываний у Дж.Леннона и 75 высказываний у П.Маккартни был вычислен средний показатель оптимистичности/пессимистичности языкового сознания каждого автора. Выяснилось, что в высказываниях П.Маккартни в большей степени проявляется оптимистичность языкового сознания (средний уровень оптимизма равен +0,0676). В высказываниях Дж.Леннона, наоборот, чаще выражается пессимистичность языкового сознания (средний уровень пессимизма равен -0,4246).

Таким образом, проблема оптимистичности/пессимистичности высказываний имеет прямое отношение к проблематике языкового сознания. По нашему убеждению, разработка этой проблемы может оказаться весьма плодотворной для психологов, лингвистов и психолингвистов, а рассмотрение факторов, обусловивших различия языкового сознания лидеров группы «Битлз», может составить ближайшие перспективы настоящего исследования.

Цитируемая литература

Байшева С.А. Речевое выражение оптимизма и пессимизма в дневниках Л.Н.Толстого (1853, 1910 годы) // Язык и мышление: Психологический и лингвистический аспекты. Материалы 5-ой Всероссийской научной конференции (Пенза, 11-14 мая 2005 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.; Пенза: Институт языкознания РАН; ПГПУ имени В.Г.Белинского; Администрация г. Пензы, 2005. – С. 146-151.

Зелигман М.Э.П. Как научиться оптимизму: Советы на каждый день. – М.: Вече, 1997. – 432 с. (Self-Help)

Караулов Ю.Н. Предисловие. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С.3-8.

Кознов С. В. Все песни BEATLES. – М.: ТЕРРА; Саратов: Издательство С. В. Кознова, 1997. – 224 с.

Корниенко А.Ф. Психика и сознание: возникновение и развитие. – Казань: Изд-во "Печать-Сервис-XXI век", 2010. – 374 с.: ил.

Котова Ю.В. Языковые аспекты классификации оптимистичных/пессимистичных высказываний // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2012. – № 28 (282). – С. 91-94.

Котова Ю.В. Языковое выражение оптимизма/пессимизма в свете «локуса контроля» // Известия Волгоградского государственного педагогического университет. Серия «Филологические науки». – 2013. – № 6 (81). – С. 4-7.

Котова Ю.В. Актуальность изучения языкового выражения оптимизма/пессимизма для теории языка // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С.Пушкина. Филология. – СПб: Изд-во ЛГУ, 2013. – № 4. – Том 1. – С. 114-120.

Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. – М.: Смысл, 2000.

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике. – М.: ВНИИгеосистем, 2014. – 520 с.

Сусов И.П. Лингвистическая прагматика : Учебник для студентов, магистрантов и аспирантов (докторантов). – М.: Восток-Запад, 2006. – 200 с.

Тарасов Е.Ф. Языковое сознание – перспективы исследования: (предисловие) // Языковое сознание: содержание и функционирование. XIII Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов. Москва, 1-3 июня 2000 г. – М., 2000. – С. 3-4.

Тумина Л.Е. Перформатив [Электронный ресурс] // http://ped_recheved.academic.ru/152/%D0%9F%D0%B5%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2 (дата обращения: 16.03.2015).

Д. филол. наук Т.С. Кириллова, к. филол. наук Т.В. Соколова (Астрахань)
Kirillova-ASMA@yandex.ru

ЯЗЫК В АСПЕКТЕ НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ

Язык является одним из ключевых компонентов, с помощью которых мы строим наши внутренние модели мира. Он способен оказывать огромное влияние на то, как мы воспринимаем реальность и реагируем на нее. Дар речи – уникальное достояние человека. Принято считать, что это один из основных факторов, способствовавших выделению людей из других живых существ.

Одно из современных направлений в языке – нейро-лингвистическое программирование – проводит исследования того, каким образом умелое использование языка позволяет нам оказывать влияние на других людей. Роберт Дилтс в своей книге «Фокусы языка» приводит следующие примеры:

1. Женщина-полицейский получает срочный вызов в один из домов своего участка по поводу семейной ссоры с элементами насилия. Подъезжая к дому, офицер полиции слышит громкий крик, испуганные вопли женщины; неожиданно из дома вылетает телевизор и разбивается вдребезги. На стук в дверь

офицер слышит голос разъяренного мужчины: «Кого там еще черт принес?» Взгляд женщины падает на останки разбитого телевизора, и она выпаливает: «Мастер из телеателье». В доме устанавливается тишина, а затем мужчина начинает смеяться. Впоследствии женщина говорит, что эти несколько слов помогли ей не меньше, чем месяцы тренировок по рукопашному бою.

2. Девушка собирается поступать в колледж. Однако конкурс в один из самых престижных университетов в округе кажется ей слишком большим, и она решает подать документы в одну из школ «попроще». Заполняя анкету для поступления, девушка объясняет свой выбор матери: «Я уверена, что университет будет просто завален заявлениями». На это мать отвечает: «Для хорошего человека всегда найдется место». Незамысловатая истина этих слов вдохновляет девушку на то, чтобы подать заявление в престижный университет и, к ее изумлению и восторгу, она оказывается принятой [Р.Дилтс, 2001, с. 35].

На этих примерах видно, как нужные слова, сказанные в нужный момент, могут дать значительные позитивные результаты.

Сутью нейро-лингвистического программирования является то, что функционирование нервной системы тесно связано с языковыми способностями, (нейролингвистика - > «нейро» от Gr. «neuron» + Lat. «lingua»; программирование - > от gr. «programma»).

Теория нейро-лингвистического программирования, разработанная в 70-х годах двадцатого века Д. Гриндером и М Бэндлером, признается в США как теория об успешной коммуникации. В последние годы нейро-лингвистическое программирование получило широкое признание в кругах лиц, занимающихся рекламой, маркетингом и паблик-рилэйшенз, и в России как более или менее доступный набор техник речевого и неречевого взаимодействия.

Нейро-лингвистическое программирование – это искусство и наука о личном мастерстве. Искусство, потому что каждый вносит свою уникальную индивидуальность и стиль в то, что он делает, и это невозможно отразить в словах и технологиях. Наука, потому что существует метод и процесс обнаружения паттернов = patterns (систематически повторяющихся, устойчивых элементов поведения), используемых выдающимися личностями в любой области для достижения выдающихся результатов. Этот процесс называется моделированием, и обнаруженные с его помощью паттерны, умения и техники находят все более широкое применение в консультировании, образовании и бизнесе, для повышения эффективности коммуникации и индивидуального развития.

В своей первой книге «Структура магии» (1975) основатели нейролингвистического программирования Ричард Бэндлер и Джон Гриндер попытались дать определение некоторым принципам, на которых основывается упомянутая Фрейдом «магия языка». Будучи людьми, мы используем язык двумя способами. Во-вторых, с его помощью мы отражаем свой опыт, этот вид деятельности мы называем рассуждением, мышлением, фантазированием, т. е. мы создаем язык для того, чтобы передать нашу модель мира друг другу. Мы называем это беседой, обсуждением, написанием чего-либо [Р.Бэйли, 2000, с. 43-44].Таким образом, по Бэндлеру и Гриндеру, язык служит средством репрезен-

тации, или создания моделей, нашего опыта, равно как и средством их передачи.

Как известно, древние греки пользовались разными словами для обозначения этих двух функций языка. Термин «рема» обозначал слова, используемые как средство общения, а термин «логос» – слова, связанные с мышлением и пониманием. Гераклит (540-480 гг. до н.э.) определял «логос» как универсальный принцип, с помощью которого все вещи связаны друг с другом и происходят все события в природе. Стоики называли «логосом» управляющий или созидающий космический принцип, присущий любой реальности и пронизывающий ее. Аристотель говорил, что *«слова отражают наш умственный опыт»* [С.Андреас, Т.Халбон, 2000, с. 10].

Утверждение Аристотеля, в свою очередь, созвучно положению нейролингвистического программирования о том, что написанные и сказанные слова являются поверхностными структурами, которые, в свою очередь, представляют собой преобразованные психические и лингвистические структуры.

Литература:

Андреас С., Халбон Т. НЛП:современные психотехнологии. М., 2000. – *С.10.*

2. Бэйли Р. Теория и практика НЛП. – С-Пб., 2000. – С.43-44.

3. Дилтс Р. Фокусы языка. – С-Пб., 2001. – С.35.

Канд. филол. наук С.Б. Кураш, канд. филол. нак В.Н. Сергей,
Е.В. Струков (Мозырь, Беларусь)
text2005@mail.ru; sergej_conf@mail.ru; manffan@mail.ru

ИНТЕРНЕТ КАК РЕФЛЕКСИРУЕМЫЙ АМБИВАЛЕНТНЫЙ КОНЦЕПТ В СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ (ПО ДАННЫМ РУНЕТА)

Современного человека невозможно представить себе без доступа к сети Интернет, без использования средств мобильной телефонии, которая в своём техническом развитии также всё больше «завязывается» на интернет-технологиях, на компьютерно-опосредованном интерфейсе. В рамках предложенных заметок нас будет интересовать восприятие феномена Интернета и интернет-коммуникации в их различных проявлениях, вербализуемое в различных неофициальных, непринуждённых, повседневных дискурсивных практиках носителя русского языка и так называемой сетевой поэзии.

В обычных повседневных диалогах, переписке на форумах и т.п. люди так или иначе касаются вопросов общения в интернете, его плюсов и минусов, возникающих при этом проблем, делятся опытом работы в глобальной сети и т.п.

Так, в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка http://www.ruscorpora.ru (НКРЯ) объёмом 3525 документов содержится 250 документов (733 вхождения), фиксирующих вхождение лексемы *Интернет*, т.е. 7% от всех документов, что говорит о вхождении данной лексемы в число наиболее употребительных, высокочастотных в современных речевых практиках обыденно-бытового содержания.

То же подтверждается и обращением к иным подкорпусам НКРЯ: в основном подкрпусе объёмом 85996 документов зафиксировано 2259 документов, имеющих вхождение лексемы *Интернет* (6181 вхождение); в газетном корпусе объёмом 332 720 документов – 18531 документ с 34 874 вхождениями данной лексемы (количественные данные приведены на начало февраля 2015 г.). Ср.:

*[Н.Д. Светозарова, жен] В своё время я это выделила / **вытащила из Интернета** / распечатала и дала Мирре Вениаминовне. [М.В. Гордина. Беседа с сотрудниками отдела фонетики ИРЯ РАН // Фонотека ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2008]*

*[Комарова С.Л., жен, 32] Для этого я стала **искать в Интернете** контактные координаты офиса Григория Грабового. [Допрос свидетеля защиты Комаровой на открытом судебном заседании по делу Г.П. Грабового // Интернет, 2008]*

*[Дочь, жен, 1967] На работе быстро открыла и этот… // Кстати / **отвратительно Интернет работает** щас // [Кроссворд // Дальневосточный ГУ, База данных «Живая речь дальневосточников», 2008]*

*[Дима, муж, 21] У меня девушка есть / **в Интернете познакомились** / но / правда / я ее еще не видел. [Разговор бывших одноклассников при встрече // Из коллекции НКРЯ, 2007]*

*[Валентина Николаевна, жен] Да? **Посмотреть в Интернете** / не в Интернете… В Интернете / может быть / меньше. Может быть / в библиотеках посидеть. [Лекция по семиотике (2007)];*

*[№ 3, жен] В любовь не верить нельзя. Иначе зачем тогда жить на этом свете! Другое дело / что надо просто немножечко себя обезопашивать. Вот правильно вы сделали / что вы **полезли в Интернет**. Но надо было чуть раньше. С другой стороны / ваше счастье / вы не успели влюбиться в него. Это ваше счастье. [Ток-шоу «Частная жизнь» (2005)]* и т.п.

Большое количество и разнообразие подобного рода микродискурсов сложно свести к некоему общему знаменателю, равно как и классифицировать по каким-либо более или менее строгим критериям. Но некоторые обобщения всё же сделать можно: об *Интернете* мы говорим, во-первых, вполне обыденно, как о чём-то самом собой разумеющемся, повседневном; во-вторых, очень часто ссылаемся на него как на источник информации и способ приобретения новых знакомых вплоть до установления с ними близких отношений; в-третьих, об очевидном неудобстве в тех случаях, когда с Интернетом возникают проблемы или когда доступа к нему вовсе нет; наконец, при всём этом призываем друг друга быть более бдительными при обращении к глобальной сети, в которой вполне можно нарваться на обман, мошенничество, завести знакомства с нежелательными последствиями т.п.

Вторая сфера – это сетевая литература, главным образом поэзия (в подавляющем своём большинстве – любительская), посвящённая электронной (компьютерно опосредованной) коммуникации в целом и её основным средствам и особенностям в частности (мы в данном случае обратились к интернет-порталу «Стихи.ру» http://www.stihi.ru – крупнейшему русскоязычному литературному порталу, посвященному современной поэзии). Эта сфера является специфиче-

ской как по содержанию, так и по форме вербализации рефлексий рассматриваемого рода. Как правило, уже заголовки подобных текстов эксплицитно отражают их основную мысль. Тематически эти тексты можно условно разделить на следующие группы (приводим также имена или никнеймы авторов данных текстов):

Нейтральные посвящения, ср.: *«Интернет»* (Любовь Малкова); *«Электронная почта»* (Ирина Цап); *«Онлайн»* (Алёна Жипа) и пр.

Посвящение, реализующее положительную оценку, например: *«Интернет – такая штука классная!»* (Ольга Зарецкая); *«Ода интернету»* (Галина Панова) и т.п.

Посвящение, реализующее отрицательную оценку, ср.: *«Интернет, интернет, что ты творишь?»* (Циля Вайнер); *«Интернет-зависимости посвящается»* (Белая-Ворона); *«Интернет-слежка уже достала!»* (Азиатка Монавера); *«Когда завис компьютер»* (Наталья Сурмина); *«Наркотик цифровой»* (Ла Лэйла); *«Отправляюсь лечиться от интернет зависимости!»* (Хулиганка Обыкновенная); *«Ох уж этот, Интернет!»* (Раиса Пацук); *«Твой образ продиктован интернетом»* (Елена Громцева) и мн. др.

Особо следует отметить и такие тексты, в которых отражена рефлексия по поводу компьютерных неологизмов в сфере лексики и фразеологии, ср.: «*Интернет-друзьям*» (Галина Левесс), «*Добавь меня в друзья*» (Мария Спевина), «*Любовь online*» (Оксана Стомина), «*Любовь системного администратора*» (Кубик Круглый) и т.п. Последний из названных текстов представляет собой развёрнутую метафору, основанную на осмыслении человеческих отношений в компьютерных терминах и понятиях, что весьма характерно для дискурсивных практик, рефлексирующих по поводу интернет-опосредованных коммуникаций, ср.: *Ты мне WINDOWSa дороже, / Дороже "флешек" и дискет. / Когда в онлайне мы, похоже, / Что забываю про "RESET". / Твой интерфейс глазам приятен, / Дизайн продуман глубоко…. / Интуитивно мне понятен, / И разобраться в нём легко. / Как коврик, грудь твоя упруга / Как "мышь", она округлена. / Хочу сказать тебе, подруга, / Что часто снится мне она. / Животик сразу мне напомнил, / SAMSUNGa плоский монитор. / А тыл всю MEMORY заполнил / И сжёг на кулере мотор! / Читаю образ, словно сканер, / Перевожу в двоичный код. / Чтоб не подсунула мне баннер, / Я отключил системный слот. / С тобой желаю пообщаться / Без протокола TCP. / На HARDe прочно прописаться / И ставить только мой XP!*

Таким образом, Интернет как рефлексируемый в современном рунете феномен представляет собой ценностный амбивалентный (от лат. ambo — «оба» и лат. valentia — «сила», т.е. вызывающий одновременно два противоположных чувства) концепт, принадлежащий к числу ключевых, о чём свидетельствует высокая и к тому же возрастающая частотность фиксации данной лексемы в различных дискурсивных практиках. В аксиологическом отношении наблюдается некоторое преобладание вербализации отрицательных сторон и последствий внедрения интернет-коммуникации в нашу жизнь в сравнении с положительными. Однако в то же время этот момент в значительной степени нивелируется обращением к языковому юмору, языковой игре, к жаргонной языковой

стихии, к эксплуатации креативных потенций, заложенных в языке [Кураш, 2013].

Литература

Кураш, С.Б. Современная электронная коммуникация как объект языковой рефлексии / С.Б. Кураш // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. – 2013. – № 4 (41). – С. 135-141.

Докт. филол. наук Е.Ф.Тарасов (Москва)
eft35@mail.ru

МУЛЬТИПЛИКАТИВНОСТЬ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ

Мультипликативность речевых процессов является частным случаем мультипликативности психических процессов, суть которой состоит в том, что в любой момент жизнедеятельности человека его психика выступает как единый процесс, в котором только в специальных процедурах выделяются сознание, мышление, эмоции и т.п. [Аткинсон 1980; Ломов 1984; Барабанщиков 2006]. Результаты одного психического процесса, например, образы восприятия, возникнув в ходе сознания, используются далее в мышлении как его инструменты.

Мультипликативность в речи обнаруживается в том, что в ходе восприятия реципиент конструирует образ тела знака звучащего или графического слова, и вызывает из памяти образ предмета, обозначенного словом (предметное значение), а также знания, ассоциированные со словом (вербальное значение), интраспективно представленное набором слов-ассоциатов воспринимаемого слова. Вербальное высказывание содержащее воспринимаемое слово, исчезнув из кратковременной памяти через 20 сек., остается в эпизодической и долговременной памяти в форме симультанного образа (образов).

При производстве речи содержание высказывания формируется субъектом речи при помощи набора психических образов разной модальности, затем овнешняется при помощи лексических единиц, значения которых отображают сконструированное ранее содержание, затем эти лексические единицы оформляются грамматически и выводятся во внешнюю речь.

Мультипликативность в речи проявляется также в том, что одно и то же содержание овнешняется многократно (политекстово) и результаты одного восприятия накладываются на все последующие акты восприятия.

Учет мультипликативности речевых процессов, обнаруживающейся как при восприятии, так и при производстве речи, имеет большое методологическое значение при анализе речевых высказываний.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ *ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ*

Канд. филол. наук М.И. Агиенко (Кемерово)
marinaivanovnaag@mail.ru

ЭМОЦИОГЕННОСТЬ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ (К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА)

Новое направление лингвистики – лингвоэкология (эколингвистика) – позволяет в рамках лингвистический исследований анализировать языковые предпосылки сохранения психоэмоционального здоровья человека и ставить вопрос о влиянии эмоционального слова на здоровье человека (Шаховский В.И.), где здоровьеразрушающими считаются негативные эмоции страха, ненависти, отчаяния и т.д. Медиадискурс – наиболее «активный» тип дискурса, ориентированный на «запуск» эмоций у адресата [Клушина, 2013, с. 212].

Новостной медиадискурс, а именно один из его жанров – освещение террористических актов, является, пожалуй, самым эмоциогенным новостным жанром, слабо поддающимся экологизации. Будучи регламентированной большим количеством правовых документов (проектом, одобренным Федеративным Советом Союза журналистов России 30 октября 2002 года «Этические принципы профессионального поведения журналистов, освещающих акты терроризма и контртеррористические операции», антитеррористической конвенцией одобренной Индустриальным комитетом СМИ 8 апреля 2003года, декларацией «О свободе выражения мнений и информации в СМИ в контексте борьбы с терроризмом», принятой Советом Европы в марте 2005года, резолюцией Конференции ЮНЕСКО «Терроризм и средства массовой информации» от 2002 года), работа журналиста, освещающего террористические акты, осложняется рядом противоречивых моментов. С одной стороны, СМИ, обеспечивая право общества на информацию, обязаны освещать террористический акт. С другой стороны, это ставит журналиста в положение своеобразного «пособника» террористам, так как их цель – запугать живых, а любой, даже тщательно отфильтрованный репортаж с места трагедии, способствует распространению страха и паники среди населения.

Кроме того, правило «воздерживаться от неподобающей сенсационности и натурализма при показе жестокости и насилия со стороны террористов» не способно ввести 100% «экологическую цензуру» на новостные тексты, так как журналист, находящийся в эпицентре событий и ведущий репортаж о психотравмирующей ситуации, склонен создавать стрессогенные для адресата тексты. Так, на 399 слов статьи «Второй день... погибаем мы» о взрыве троллейбуса в г. Волгограде в декабре 2013 года на сайте NEWSru.com, состоящей из фрагментов репортажей пяти информационных агентств, приходится 40 слов с отрицательной коннотацией. Если учесть, что 74 слова текста являются нейтральной информацией об имени и должности репортера или очевидца, то

негативную, нездоровьесберегающую информацию, несет каждое восьмое слово документа.

Наиболее стрессогенными являются видеоматериалы о террористических актах. Результаты психолингвистического эксперимента, проведенного среди российских и польских студентов, показали, что ядерная группа реакций на стимулы **терроризм** и **terroryzm** (польск. '*терроризм*') меняется не только количественно, но и качественно после просмотра фильма «September 11th 2001-Attack on the World-Trade Center». Так, элемент *смерть* ядерной группы стимула **терроризм** составляет 34% всех реакций до просмотра фильма и 75% – после просмотра. Предметные реакции визуального ряда *оружие, взрыв, бомбы, заложники,* составляющие ядерную группу до просмотра фильма, после просмотра сменились на эмотивные – *страх* (45%), *ужас* (30%), *слёзы* (45%), *боль* (31%), что свидетельствует о том, что зрители испытывали яркие негативные эмоции при просмотре фильма.

В этой ситуации ответственность за собственный эмоциональный баланс ложится на адресата новостного медиадискурса, что предполагает необходимость развития у читателя/зрителя/слушателя экологического интеллекта (ecological intelligence) – способности человека распознавать эмоции и управлять ими в целях решения практических задач (Coleman, Smith, Шаховский).

Литература:

Казаков Ю.В. Профессиональная этика журналиста: Документы и справочные материалы. – М.: Медея, 2004. – 480 с.

Клушина Н.И. Эмоциогенность как критерий дифференциации современного медийного пространства // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: монография / науч. ред. В. И. Шаховский. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 212.

Шаховский В. Спасение – в культурном коде языка. URL: http://sr.fondedin.ru (дата обращения 25.02.2016).

Coleman, Andrew. A Dictionary of Psychology (3 ed.). Oxford University Press, 2008. – 881c.

Smith, Mark K. Howard Gardner and multiple intelligences, the encyclopedia of informal education. URL: http://www.infed.org/mobi/howard-gardner-multiple-intelligences-and-education (дата обращения: 28.02.2016).

Д. филол. наук О.Л.Арискина, асп. Е.В.Пулов, магистр Ю.А.Неськин (Саранск)
ariskina@list.ru

КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «НАРОД» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г.А.ЗЮГАНОВА

Исследование политического дискурса, языковой личности политиков, коммуникативных стратегий и тактик в политической речи – актуальное направление антропоцентрической лингвистики.

Изучая языковую личности современных политиков, мы обратили внимание на общие для большинства из них ценности, отраженные в их языковой и

культурной картинах мира, – на концепты. Рассмотрим основные концепты в картине мира политика Г.А. Зюганова.

Концепты «власть» и «народ» являются доминирующими на лингвокогнитивном уровне языковой личности Г.А.Зюганова. Это вполне объяснимо: цель всякой политической партии – стремление к власти, этим обусловлено большое количество речей на данную тему. Путь к этой цели всегда сопровождается лозунгом «За народ!». Проиллюстрируем это: «*Местные власти просто взрывают республику, растаптывая волеизъявление граждан и вытирая об них ноги*» [Зюганов, 2007]. Метафора ***взрывают республику*** находится в высказывании рядом с устойчивым выражением ***вытирать ноги***. По нашему мнению, это не отсылка к риторике советских времён, это специфическое пространство общения Г.А.Зюганова, выражающееся в субъективности воспринимаемых мировых процессов и явлений. Высказывание адресовано людям с определенным жизненным опытом, экспрессия данных выражений делает политическую речь активно воспринимающейся. Слова ***взрывать, растаптывать, вытирать ноги*** располагаются в виде нисходящей градации, которая, в свою очередь, показывает образ униженного и оскорблённого народа и служит реминисценцией к известному произведению Ф.М.Достоевского. Все это создает фрейм: КПРФ – защитница униженных и оскорбленных в стране, противовес произволу и буквально «терроризму» местных властей.

Масса высказываний посвящены критике федеральной власти: «*Я считаю, что Путину повезло, за 8 лет правления не было ни одной холодной зимы, ни одной большой засухи, и сыпался дождь золотовалютных резервов, но тем не менее мы оцениваем это время как время упущенных возможностей*» [Речь..., 2009]. Или: «*Все это чепуха, нефтегазовые рудники все продали, в результате цена на нефть, сейчас в лесном кодексе можно продать все леса, это 65% территории страны. Сейчас решили всю социалку раздеть, снять и перевалить на плечи вас, граждан. Автогражданка – раз, медицинская страховка – два, страховка жилья – три. Пенсионная страховка теперь, оказывается, все, кто платил накопительную часть, засчитают только тем, кто моложе 37 лет, остальных снова надули. Были ваши денежки, лежали на сберкнижке, не хотят выплачивать вклады, все остальное. Все это из одной и той же оперы, все свалить на этого частника, а он это все разворует, растащит и перебросит куда-то за кордон. Наведите элементарный порядок. Что касается дворцов, дворцы должны обслуживать, тем более архитектурные дворцы, исторические, они должны обслуживать нацию и страну. Я в галерею картинную в Лондоне ходил, с меня ни копейки не взяли. А у нас сейчас куда ни идешь, куда ни ткнешься, начиная от детского спортивного клуба, везде надо платить деньги. Теперь надо платить в музей, дворец передадут частнику, он будет задирать цены каждый день. Это не выход из положения. Это бездарная абсолютно политика, она преступна, против нации и против в том числе этих сооружений*» [Зюганов, 2004]. Употребление в данном выступлении просторечных слов и оборотов (***чепуха, надули, ткнёшься, задирать***), разговорных слов (***социалка, автогражданка, частник, денежки***) обусловлено, на наш взгляд, желанием политика критически охарактеризовать деятельность современных

властей и показать результаты этой непродуманной политики – проблемы, страдания обманутого народа.

Таким образом, концепты «власть» и «народ» – доминирующие концепты в политическом дискурсе Г.А. Зюганова.

Источники:

Зюганов Г.А. Праздник весны и труда. Интервью на радио «Эхо Москвы» от 30.04.2004 / Г.А. Зюганов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/programs/beseda/25539/

Зюганов Г.А. Региональные выборы в России. Интервью на радио «Эхо Москвы» от 12.03.2007 / Г.А. Зюганов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://echo.msk.ru/programs/razvorot/50232/.

Речь Зюганова против кандидатуры Путина на пост премьера от 11.01.2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kprf-zelenograd.ru/agitation/video/zuganov_speach.html

Докт. филол. наук Г.В. Векшин (Москва)

КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпузы вместо жёны? Высокий слог, господа, вот почему.

Ф.М. Достоевский. Зимние заметки о летних впечатлениях.

Речь идет о компоненте стилистической окраски языковых единиц, который актуализируется в противопоставлениях типа: *Это не обновление, а модернизация; не нововведения, а инновации; не языкознание, а лингвистика.* Т.е. о случаях, когда полные синонимы в русском языке успешно уживаются за счет существенных различий в их стилистической окраске – в ее ксенологическом компоненте («свое – чужое»). В случае заимствований из европейских языков ксенологический компонент входит в устойчивый семантический комплекс с модально-оценочным: свое / неважное, непрестижное vs. чужое / важное, престижное – тенденция, которая в русской культуре разных времен отличается большим постоянством. Почему почти комично прозвучит *русские инновации* или *модернизация отечества*.

Предмет статьи – чужое как компонент значения языковых единиц – того значения, которое присутствует в сознании говорящего еще до конкретного речевого действия.

Вещи, о которых пойдет речь, актуальны по нескольким причинам:

Во-первых, свое и чужое – фундаментальные категории любой культуры, естественно отражающиеся в речевом поведении, можно сказать – семантическая оппозиция, с которой начинается личность и культура вообще. Тем более они значимы – как категории социокультуры. Здесь уже, с одной стороны: *Мы его не любим – он тоже купил* (М.Жванецкий. Дефицит) и *Понаехали тут*

(мысль народная). А с другой – *Дверь отперта для званыхъ и незваныхъ, / Особенно изъ иностранныхъ* (Грибоедов. Горе отъ ума. 2, 5)

Во-вторых, это наша вечная и болезненная культурная неопределенность, а соответственно – и поиск культурной тенденции, в пространстве Востока и Запада, которые делают это измерение речи и самую тему и всегда актуальными, и вечно «модными».

В третьих, обращение к этому измерению, как кажется, позволяет наблюдать некоторые особенности семантической структуры русских языковых единиц, в частности – лексических.

Меня будет интересовать не проблема отношения к заимствованиям среди носителей языка, не поводы к их приятию или отторжению, а скорее следы отношения к заимствованному, которые отпечатываются в самом языке.

Мы хорошо знаем, как работает на отчуждение дейксис: *Убери **свои** руки; В **этой** стране…*

В самом ядре семантики языковой единицы (понятийно-логическом, денотативном) мы тоже находим яркие следы дифференциации, разветвленную систему наименований своего и чужого, в том числе инокультурного (*заграница*, *немчура*, *макаронники*).

В этом же круге – несомненна роль внутренней формы как особого, закрепленного в форме мотивирующего компонента семантики: заимствованное (*ваучер*, *гламур* и т.п.) мы ощущаем уже по его необычному для родного языка звучанию и строению, требующим осмысления. В этой связи, происхождение единицы – уже источник ее специфического значения.

Наконец, существенно само **восприятие** слова как **иностранного**, пришлого. Пусть оно даже и русское по происхождению, но, главное, звучит на иностранный манер – такие слова, например преимущественно односложные, напоминающие английские, стремится подбирать сочинитель текстовок попмузыки; или же ищет способа «обынокультурить» их звучание: *Нам это поффигу, поффигу* («Братья Грим». Кустурица). Именно восприятие и употребление слова как иностранного обеспечивает ему особый коммуникативный статус, становится фактором формирования его семантики. Т.е. возникает необходимость рассматривать эти явления именно в области функций, а это не совсем то же, что проблемы происхождения и мотивации.

Между тем, особенно в учебной литературе (хотя нам в русле стилистики неустанно толкуют о функциях историзмов, жаргонизмов, заимствований и т.д.), когда речь заходит о стилистической окраске единиц (которая и сама-то не всегда трактуется как область смысла, а больше – как некая сопроводительная инструкция к употреблению единицы) – так вот, когда говорят о стилистической окраске, этот **генетический** момент к ней не приобщается. Т.е., попросту говоря, книжная и разговорная, – это стилистическая окраска, одобрительная-неодобрительная (эмоциаонально-оценочная) – тоже, а восприятие единицы в диапазоне «свое, родное – заимствованное, чужое» – традиционно не связывается с ее семантикой. И это неправильно.

Впрочем, есть и другой опыт. В первую очередь упомяну работу А.Б. Пеньковского «О семантической категории чуждости в русском языке» (в сб. «Проблемы структурной лингвистики 1985-1987. – М., 1989.– С. 54-82).

К признанию «родного-чужеродного» как компонента структуры стилистической окраски языковой единицы подводит известная модель структуры значения К.А.Долинина (Долинин К.А. Стилистика французского языка. – М., 1987): здесь, помимо «предметно-логического ядра» языковых единиц, выделяются и две больших области стилистического значения единиц языка – эмоционально-оценочная и социально-жанровая, куда включается и функционально-стилевой компонент. Долинин опирается на Пьера Гиро (Guiraud P. La stylistique. – Paris, 1957), который насчитывает всего шесть основных компонентов или разновидностей социальной окраски (valeur évocatoire), которые в относительно традиционных для нас терминах могут быть обозначены, как **жанрово-стилевой; исторический (хронологический); территориальный; социально-сословный; функционально-стилевой; гендерный; возрастной.**

Долинин в чем-то дробит, а в чем-то упрощает эту классификацию, не внося в нее ничего сверх того. За ее рамками остается прежде всего элемент *генетический*, или *ксенологический*. Шаг этот напрашивается, но он не сделан.

Почему?

Понятно, что значение – это употребление. Стилистическая окраска как область значения – это результат устойчивого употребления языковых единиц в типических социокультурных контекстах – универсальных и неуниверсальных, а также воплощения соответствующих социокультурных ролей: «я ученый», «я аристократ», «я молодой», «я женщина» («я-же-девочка»); «я человек былых времен» и т.д.

Но какой контекст образует генетическую, или ксенологическую окраску (если она есть)? Какую типическую роль она позволяет реализовать говорящему?

Т.В.Цивьян в работе о структуре и функциях иностранной речи у Достоевского (Цивьян, Т.В. К структуре иностранной речи у Достоевского : (Французский язык в "Подростке") // Semiotics and the History of Culture: In Honor of Jurij Lotman. – Columbus (Ohio), 1988) замечает, что универсальная для любой модели мира оппозиция «свой – чужой» в русской модели мира выражена наиболее остро». С этим можно спорить, наверное, – имея в виду консервативные типы культур, например японскую, или культуры диаспоры, где оппозиция свой-чужой наверняка окажется не менее важна. И значения, обеспечивающие дифференциацию своего и чужого здесь, видимо, будут располагаться прежде всего в области ядерной, денотативной семантики и оценочных коннотаций. Похожим образом, очевидно, будет вести себя и русский – там, где он хочет защитить культуру и общество от чужого, он будет или прямо указывать на чужое, или давать вещам коннотативную оценку как чужим-чуждым-ненужным-плохим (*разведчик – шпион*).

Однако в русской речевой практике есть сферы (социокультурные среды с присущими им речевыми жанрами), где измерение своего-чужого действительно оказывается едва ли не основным, сверхважным в процессе речевого взаи-

модействия. Замечательно то, что аксиология, типичная для базового противопоставления свой-чужой в мировой культуре (резко отрицательная оценка всего того, что принадлежит чужому миру) в области языковых предпочтений здесь не работает или работает в прямо противоположном ключе.

Речь идет, с одной стороны, о среде русской интеллигенции, а с другой – среде аристократии (в том числе среде современных корпоративных элит).

Русская интеллигенция была исторически поставлена в положение основного проводника чужого в область своего, причем для русской культуры как культуры концентрического типа, основанной на сильном и стабильном религиозно-мировоззренческом ядре и принципиально слабой, открытой внешним влияниям, абсорбирующей периферии, это посредничество обеспечивало ее фундаментальную потребность, гарантию жизнеспособности. Как культура герменевтичная, в некотором смысле переводная, она всегда держалась, пользуясь словами Гадамера, на «способности превращать чужое в свое собственное, не просто критически преодолевая чужое или некритически его воспроизводя, а истолковывая чужое в своих понятиях и в своем горизонте и тем самым по-новому демонстрируя его значимость» (Гадамер Г. Семантика и герменевтика // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. – С. 71)

Интеллигенция в ее теперешнем состоянии – это среда, которая уже довольно неохотно берет на себя прежнюю роль, – либо устремившись на защиту слабнущего ядра (и оголяя периферию, которая становится вялой, рыхлой, безразличной), либо проникшись равнодушием к ядру и желанием подменить организацию культуры в целом – что в итоге превращает периферию в независимую от ядра арену чужого. Современная интеллигенция (насколько вообще можно говорить о ее самостоятельном существовании), может быть уже невольно, – еще отвечает за национально-культурное и социокультурное самоопределение всего языкового коллектива, но в основном в своей аксиологии склонна к релятивизму, лишь вследствие инерции жанрового поведения беря на себя прежнее «священное» право определять, что нужно, а что не нужно «остальному» народу. Традиционно же это среда с ярко выраженной установкой на оценочность в языковом поведении, где радикализм суждений и ориентаций – норма: здесь всегда кого-то шельмовали и кого-то превозносили (причем безоговорочно), кухня здесь (в советскую эпоху) претендовала на салон, где вопросы местной значимости решались как вопросы weltpolitik, и наоборот. Пушкин напоминал (с горечью ли, с лукавством?): *Нам просвещенье не пристало, / И нам осталось от него / Жеманство – больше ничего.* Но если европейски просвещенным в рамках этой культуры (где просвещенность либо растворяется в ядре, либо наталкивается на него, «зависая» в области периферии) не удается быть (т.е не удается превратить Россию в Европу – а в пределе именно так ставится задача), то можно попытаться создать **иллюзию** просвещенности и причастности к европейскому. Потому что чем меньше удается *быть*, тем больше необходимость *казаться*.

Легче же всего это сделать в области языка, путем утверждения речевой роли («имиджа») **европейски просвещенного**, которая типизируется культурой именно как стандартная **речевая роль**, актуализирующая **контекст своего-**

чужого с инвертированной по отношению к традиционной аксиологией. Это потребует – в лучшем случае – заменить *языкознание* на *лингвистику*: как невозможное мыслится сочетание *современное* или *зарубежное* + *языкознание* – здесь явный конфликт стилистических окрасок! – так же, как стилистически конфликтно *Новое в языкознании* (кто-то замечал, что название сборника «Новое в лингвистике» уже делало слово *зарубежной* избыточным, поскольку новое может быть только «там», где *лингвистика*, а «здесь», простите, *языкознание*…, – и лишь по указанию свыше было уточнено название знаменитого сборника, который стал называться «Новое в зарубежной лингвистике»).

В более пошлом случае, когда денотативная семантика уже вовсе не обязательна, – *обновление* поменяется на *модернизацию* и *инновацию*, *ускорение* – на *интенсификацию*, *перестройка*, допустим, на *диверсификацию*, а *развал* на *демонтаж* (ср. *оптимизация*). Желание ввести в языковой обиход *тренды* и *бренды* – прежде всего желание провести этакий косметический «евроремонт», с одной главной целью – продемонстрировать, что ты не отстал от «всего цивилизованного мира» (авось поверят).

В результате литературный язык все больше будет пополняться варваризмами под предлогом их современности и/или научности, особенно в ситуации, когда писатель перестал быть законодателем стилистических тенденций, а научный стиль, взявший на себя эту миссию, стал достоянием в большой мере людей малограмотных, предполагающих, что говорить литературно – значит говорить наукообразно. (Попутно замечу, что у социолекта современной охлоаристократии («олухократии») есть и другой источник – воровская речь, которая ценится как знак умения жить «по понятиям» и способ демонстрировать свою причастность и даже принадлежность к миру *реальных* людей. И характерно, что она вполне мирно уживается с наукообразными варваризмами).

Итак, иноязычные заимствования в русском речевом обиходе – это прежде всего чужое, призванное оставаться чужим, подчеркнуто чужое, противопоставленное своему как прогрессивное отсталому, научное (концептуальное и точное) – обиходно-бытовому (стихийному и неточному), а в привязке к эмоционально-оценочным коннотациям – как важное, значительное – неважному, презренному. По своим функциям иноязычные заимствования (как таковые и воспринимаемые как таковые) – это 1) **прогрессизмы** (знаки новизны, с элементом идеологизма): *Институт базовых* ***компетенций*** *образован…с целью обеспечения* ***модернизации*** *образования* (из досье московского вуза) и 2) **ксенотерминологизмы** (заимствованные знаки как симулянты научности и точности). *Урок 1.* ***Брэйнстром*** *на морскую тему. Составление* ***мудборда*** (из программы платного массового курса развития фантазии в создании одежды «Уроки креативности: перформанс “More Amore”»).

При этом все, ощущаемое как «иноязычно-европейское», достаточно крепко привязано оценочным коннотациям важности, престижности. Это слова модные, потому что престижные – «понтовые» (и наоборот).

Для русского языка и русской культуры это вовсе не новое веяние – заимствования (именно европеизмы и позже американизмы) неизменно были знаками престижного, модного. Возможно, что в культуре это вечно благоговейное и

подобострастное отношение к западным замствованиям – оборотная сторона её существенных потребностей и даже продуктивных механизмов. Но это отношение однозначно свидетельствует, что для семантики русского языка в разных слоях ее фактуры «свое-чужое» (причем специфически реализуемое: как оппозиция «русское – европейское») – актуальный контекст, постоянно действующее смыслообразующее измерение (мы готовы скорее тюркизм посчитать своим, но англицизм – будем трепетно держать именно за престижное, модное *чужое*).

Таким образом – любая языковая единица в русском языке, воспринимаемая как излеченная из инокультурного (причем именно европейского) контекста, должна рассматриваться как имеющая особую стилистическую окраску, в составе ее социально-жанрового сегмента. Этот семантический компонент мог бы быть назван генетическим, но дело не в собственно происхождении языковой единицы (у церковнославянизма или тюркизма его не будет или окраска будет иной: контекст своего-чужого и речевую роль «просвещенного» и передового, «не лыком шитого», они не будут актуализировать). Те же единицы, которые актуализируют этот контекст и позволяют воплощать соответствующую типическую речевую роль, могут считаться носителями **ксенологического компонента** в составе социально-жанрового сегмента стилистической окраски, или просто **ксенологически окрашенными**. Ксенологический компонент, как видим, находится в тесном взаимодействии с книжными функционально-стилевыми окрасками (прежде всего научной), а в сегменте эмоционально-оценочных окрасок – с модальностью важности. Ср.: *21-22 июня в Пушкине и Павловске пройдет четвертый **ландшафтный** поэтический фестиваль "Пушкинские **лаборатории**". Что руководит "лабораториями" – необходимость переосмыслять фестивальный **формат**, тяга к кустарному **акционизму**, или мечта о создании **эко-институций**, временно учреждаемых в пространстве **полиса**?* (из объявления о поэтическом фестивале).

Крупные толковые словари (БАС, МАС и др.) используют помету *заимств.*, иногда и с конкретным указанием на язык-источник (в отличие от указаний на гендерную или социально-сословную окраски). Между тем в словарях ее можно было бы использовать именно как стилистическую помету, отражающую специфическую для русского языка ксенологическую стилистическую окраску, а не только как указание на происхождение. Для новейших же заимствований-варваризмов, своего рода приобретений языкового *шоппинга*, в скобочках можно было бы смело использовать не только помету *ксен.*, но и, если позволите, что-то вроде «*понт.*».

Канд. филол. наук Н.В.Гаврилова (Орехово-Зуево)
gavrilova-oz@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Известно, что целью обучения на уроке иностранного языка является не просто диалог на уровне индивидуума, а готовность и способность к ведению диалога культур. В материалах Рекомендаций Комитета министров Совета Ев-

ропы говорится о том, что богатое наследие разнообразных языков и культур Европы необходимо сохранять и развивать, а усилия в области образования необходимо направить на то, чтобы предотвратить взаимное непонимание, обусловленное различиями языков, превратив языковой барьер в источник взаимного обогащения культур и широкого диалога сотрудничества. Диалог культур подразумевает знание собственной культуры и культуры страны / стран изучаемого языка. Под культурой понимается все то, что определяет сложившийся веками стиль жизни и характер мышления, национальный менталитет, а не только искусство, которое является частью культуры, отражает и формирует ее.

Географическое положение, климат страны определяют ее быт, экономику и традиционные связи, знание основных вех развития истории, выдающихся событий и людей, религиозных верований и обрядов облегчает задачу межкультурного общения, помогает найти общее и отличное в традициях и стилях жизни, вести диалог культур.

Так, например, во Франции в магазинчике под названием Tabac продают не только сигареты, но также марки, открытки, конверты, телефонные карты и т.д.

Французы говорят bonjour в первой половине дня, а после полудня – bonsoir. Незамужнюю женщину, как правило, не называют mademoiselle, если она преклонного возраста. Сыр за обедом или ужином не подают нарезанным, а кусочками, и не один вид, а несколько. Для его сервировки имеется специальное блюдо.

Входя в небольшой магазинчик, следует поздороваться, а уходя попрощаться. Купив билет на поезд, его следует прокомпостировать на платформе, иначе он будет недействительным. Нельзя занимать купе, на котором написано «Зарезервировано», даже если в нем никого нет. Нельзя писать обратный адрес на лицевой стороне конверта, иначе письмо не дойдет до адресата. Обратный адрес пишется на оборотной стороне конверта.

Франция – это страна, в которой история материальной и духовной культуры тесно переплетены. Даже знаменитый французский хлеб в виде длинного батона имеет свою историю, связанную с французской революцией. 15 ноября 1793 года Конвент издал указ, который предписывал всем булочникам выпекать одинаковый белый хлеб равенства, поскольку все граждане должны быть равны и разница между бедными и богатыми должна исчезнуть. Однако еще в течение длительного времени бедные питались круглым черным хлебом, наполовину состоящим из отрубей. Только, начиная с 50-х годов XX века, этот хлеб становится повседневным для всех французов. С хлебов связаны и некоторые предрассудки французов. Один из них появился еще в XV веке. В Париже в это время ни один булочник не хотел продавать хлеб палачу. Карлу VII пришлось издать специальный указ, обязывающий булочников обслуживать и палача. Подчинившись этому указу, булочники тем не менее, выразили свое неудовольствие тем, что стали переворачивать хлеб, предназначенный палачу, чтобы он отличался от остального хлеба. С тех пор французы считают, что перевернутый хлеб приносит несчастье.

Поистине у каждого народа свои нравы, обычаи, слова. Изучая иностранные языки, учащиеся не только приобретают практические навыки и приемы, но и пополняют культурный багаж.

Асп. Н.И.Думнова, канд. психол. наук Д.В. Солдатов (Орехово-Зуево)
ndumnova@hotmail.com; soldatovdv@list.ru

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ

В последние десятилетия, в том числе благодаря социальным сетям, процесс глобализации обретает новые более широкие границы. С каждым годом феномен унификации культурной, религиозной, языковой сфер человеческой жизни наращивает свой темп. Возрастание интеркультурных контактов приводит к психологическим изменениям личности субъектов в процессе аккультурации, вследствие чего теоретическое описание и эмпирические исследования феноменов билингвизма и бикультурализма нашли свое отражение в научной психологической литературе [Benet-Martı´nez, Haritatos, 2005; Hermans, Kempen, 1998; Hong, Morris, Chiu, Benet-Martı´nez, 2000; Ramirez-Esparza, Gosling, Benet-Martı´nez, Potter, Pennebaker, 2006].

Многие исследователи уже долгое время озадачены проблемой взаимосвязи личности и обучения, а также вопросом корреляции личности с учебной успеваемостью.

А. Шарп задался целью установить, каким образом связаны личностные различия, стратегии обучения и языковая компетентность студентов. При анализе результатов исследования, проведенного А. Шарпом в университете Гонконга, были установлены следующие связи:

– отрицательная корреляция интроверсии с использованием социальной категории стратегии изучения языка.

– положительная корреляция интроверсии с метакогнитивной стратегией изучения языка.

В эксперименте, проведенном в Гонконге, не удалось зафиксировать четкую связь между типами личности, стратегией обучения и уровнем владения языком. Можно заключить, что испытуемые студенты-интроверты избегают задавать вопросы, сотрудничать с преподавателями и коллегами, предпочитая концентрироваться на планировании и организации процесса обучения и оценки успеваемости [Chang, Liu, Lee, 2007, с. 235-262].

Целью эксперимента, поставленного в университете Билкент (г. Анкара, Турция), было изучение связи черт личности студентов (интроверсия-экстраверсия) и используемых ими стилей изучения иностранного языка. Исследование, проведенное в университете Билкент, утверждает, что стили обучения интровертов и экстравертов (амбивертов) не оказывают большого значения в достижении успеха при изучении иностранных языков. Можно предположить, что анализ, проведенный по факультетам, личностным свойствам, стилям обучения и уровню владения языком студентов предоставит более детальную информацию о том, каковы стили учебной деятельности студентов на каж-

дом факультете, каким образом они предпочитают учиться и как их предпочтения влияют на успех в овладении иностранным языком [Erton, 2010, с. 115-126].

Т. Чаморро-Премюзик и А. Фурнам провели в британском университете три лонгитюдных исследования, целью которых было изучить, каким образом взаимосвязаны черты личности студентов с успеваемостью [Chamorro-Premuzic, Furnham, 2003]. Результаты эксперимента показали, что личностные черты учащихся связаны с учебной успеваемостью в значительной степени [Erton, 2010, с. 115-126].

Нами было проведено экспериментальное исследование, целью которого было выявление различий в личностных свойствах студентов, углубленно изучающих английский язык на факультете иностранных языков и переводоведения (экспериментальная группа) и студентов, осваивающих программу-минимум по английскому языку в институте (контрольная группа). Таким образом, мы пытались экспериментально изучить, насколько уровень владения языком оказывает влияние на личность субъекта его изучающего.

Проанализировав результаты исследования, проведенного в МГОГИ, мы не можем однозначно утверждать, что изучение иностранного языка повлияло на уровень настойчивости и выбор определенных ценностей студентов. Вполне вероятно, что субъекты исследования обладали данными личностными свойствами до того, как начали углубленно изучать иностранный язык. Возможно, что высокий уровень настойчивости позволил испытуемым экспериментальной группы добиться определенных успехов в овладении иностранным языком. Также есть вероятность, что субъекты экспериментальной группы выделяли ценность «эффективность в делах» еще до того, как начали изучать иностранный язык, и их продуктивность и трудолюбие повлияли на результаты в изучении языка.

Экспериментальные данные, которые не показывают существенных различий между результатами в контрольной и экспериментальной группах, позволяют говорить о том, что изменения в личности протекают довольно медленно. На более ранних этапах изучения иностранного языка изменения в личности лишь «пунктирные», еле заметные, проявляют себя в очень ограниченном круге симптомов. Несмотря на то, что нам удалось обнаружить лишь немногие статистически значимые личностные различия испытуемых в контрольной и экспериментальной группах, все же мы можем утверждать, что субъекты в представленных группах отличны. Подводя итог, можно сказать, что личность и иностранный язык связаны не случайно.

По нашему мнению, дальнейшие исследования в этой области могут быть направлены на выявление личностных различий субъектов, свободно владеющих двумя (несколькими) языками, испытуемых, углубленно изучающих иностранный язык, в сравнении с субъектами, не изучающими языки.

Литература

Chang C. Y., Liu S. C., Lee Y. N. A study of language learning strategies used by college EFL learners in Taiwan //Language Learning. – 2007. – Т. 3. – С. 235-262.

Erton I. Relations between personality traits, language learning styles and success in foreign language achievement // Journal of Education. – 2010. – Т. 38. – С. 115-126.

Аспирант А.В. Игнатьева (Орехово-Зуево)
ignatieva.aleks@ya.ru

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ. ИХ ОСОБЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Взаимосвязь языка и мышления относится к самым сложным и самым актуальным проблемам не только языкознания, но и логики, психологии, педагогики, лингвистики, психолингвистики, философии и мн. др. Сложность данной проблемы обусловлена, в первую очередь, противоречивостью и сложностью природы как языка, так и мышления.

Будучи необходимым атрибутом человека, оба явления сочетают в себе социальное и биологическое, что соответствует двойственной природе человека. С одной стороны, и язык, и мышление представляют собой порождение мозга человека как homo sapiens, с другой стороны, и язык, и мышление являются социальными продукциями, поскольку сам человек – явление социальное. Именно в единстве социального и индивидуально-биологического проявляется наиболее общая специфика и языка, и мышления.

Каким же образом взаимосвязаны язык и мышление?

Л. С. Выготский писал о том, что решение проблемы отношения между языком и мышлением (отношения слова и мысли) "колебалось всегда постоянно – от самых древних времен и до наших дней – между двумя крайними полюсами, между отождествлением и полным слиянием мысли и слова и между столь же метафизическим, столь же абсолютным, столь же полным разрывом и разъединением" [2].

Отождествление языка и мышления (нужно отметить, что оно происходит далеко не всегда в явной форме) логически приводит к снятию проблемы вообще: вопрос о связи языка и мышления объявляется псевдо проблемой и вообще устраняется из поля зрения исследования [13].

Полное же разъединение и противопоставление языка и мышления как независимых и лишь внешне связанных явлений, рассмотрение слова как внешнего выражения мысли, ее одеяния – только "разрубает узел, вместо того, чтобы развязать его", так как в этом случае связь языка и мышления рассматривается как нечто в такой степени механическое, что возможно пренебречь ею при рассмотрении обоих.

Правильным подходом к данной проблеме будет тот, который исходит из очевидного факта – наличия сложной взаимосвязи между языком и мышлением. В самом общем виде она представляется следующим образом: основу выражаемого в языке содержания образуют мысли, именно через мышление, через отражательную деятельность человеческого мозга, языковые единицы могут соотноситься с предметами и явлениями объективного мира, без чего невозможно было бы общение между людьми при помощи языка. С другой стороны, в звуковых комплексах того или иного языка, которые выступают как материальные сигналы элементов

объективного мира, отражаемых в мышлении, закрепляются результаты познания, а эти результаты служат базой дальнейшего познания.

Однако один этот постулат еще не решает всей проблемы. Отношение между языком и мыслью (сознанием) входит в более широкую проблему – проблему соотношения трех звеньев: язык – мышление – объективная действительность.

Мышление, за исключением его практически действенного вида, имеет психическую, идеальную природу, между тем как язык – это явление по своей первичной природе физическое, материальное, хотя, благодаря теснейшей взаимосвязи с мышлением, имеет и аспект идеальности. Прямого соответствия между единицами мышления и соотносительными с ними единицами языка нет: в одном и том же языке одна мысль или ее компоненты – понятия и представления – могут быть оформлены разными предложениями, словами или словосочетаниями. Одни и те же слова могут – быть использованы для оформления разных понятий и представлений. Кроме того, служебные, указательные и подобные слова вообще не могут обозначать понятий или представлений, а, например, побудительные, вопросительные предложения рассчитаны только на выражение волеизъявлений и субъективного отношения говорящих к каким-либо фактам [7].

Таким образом, различия между языком и мышлением состоят в следующем:

1. Мышление характеризуется определенной самостоятельностью: оно может создавать понятия и воплощать их в образы, которые не имеют соответствующих конкретных предметов и явлений действительности (домовой, русалка и т. п.)

2. Язык – материально-идеальное явление, мышление идеально.

3. Язык – явление национальное, мышление интернационально.

4. Строение и законы развития мышления и языка не совпадают.

Так, например, основными единицами языка являются фонемы, морфемы, лексемы, словосочетания, предложения; основными единицами мышления являются понятия, суждения и умозаключения. Не совпадают логические и лингвистические категории и т. п.

Роль языка в процессе познания сводится к следующему:

1. Язык закрепляет результаты познавательной деятельности. А. А. Потебня справедливо отмечал, что "язык относится ко всем другим средствам прогресса как первое и основное" [8].

2. Язык является основным инструментом познания. Усваивая язык, человек овладевает и основными формами и законами мышления. Вместе с тем язык дал возможность человеку выйти за пределы непосредственных чувственных восприятий, которые для животных являются основным источником ин формации об окружающей действительности. Не все, например, видели айсберг или лианы, но знают, что это такое на основании того, что читали в книгах или словарях.

С помощью языка человек не только получает обобщенные знания, а и *разделяет явления действительности на составные элементы, классифициру-*

ет их. Расчленение явлений действительности осуществляется при помощи дискретных единиц – слов, а классификация – как при помощи слов (родовидовые отношения и т. п.), так и с помощью грамматических форм (части речи, суффиксы и т. д.) [6].

Когнитивные исследования последних десятилетий вновь заставляют обратить особое внимание на соотношение «язык – мышление», в частности в процессах понимания и порождения речи на иностранном языке [6].

Одним из препятствий в овладении языком другой нации являются расхождения в языковом мышлении, ведь «картина мира», отраженная в языке, не совпадает у разных народов. Это проявляется, в частности, в принципах категоризации действительности и, следовательно, получает выражение как в лексике, так и в грамматике [9,10,11,12]. Таким образом, изучая иностранные слова, человек как бы извлекает кусочки мозаики из еще неизвестной ему картины и пытается совместить их с картиной мира, заданной ему родным языком.

Слово нельзя рассматривать как только «название» предмета или явления, определенного «пазла» окружающей человека действительности. Этот «пазл» действительности «пропускается» через сознание человека и в процессе отражения приобретает некоторые специфические черты, свойственные данному национальному общественному сознанию. Разные народы находят различные пути от внеязыковой реальности к понятию и далее – к словесному выражению. Эти различия обусловлены прежде всего различиями в условиях жизни этих народов, а также различиями в их общественном сознании [9].

С каждым новым иностранным словом в сознание обучающихся «трансплантируется» понятие из другого мира, которое чаще всего и является самым серьезным камнем преткновения. Именно недостаточное внимание к установлению важнейшего соотношения между родными и чужими «понятийными картинами мира» значительно сокращает словарь иностранцев, изучающих неродной язык. Поэтому *воссоздание понятийной картины мира, присущей изучаемой культуре,* – одна из самых важных задач преподавателей иностранного языка. Он осознанно должен ставить себе задачу «исчисления понятий», присущих изучаемой культуре.

Мы понимаем, что даже не обладая специальными философскими познаниями, мы хорошо представляем, что усвоение родного языка, в частности ребенком, идет одновременно с его познавательным развитием. Язык оказывает огромное влияние на формирование представлений ребенка о мире, является основой развития его мышления, ведь это тот код, которым человек пользуется, чтобы обозначить предметы, образы, явления или идеи, с которыми он сталкивается в окружающем его символическом универсуме культуры. Зная название какой-либо вещи, мы получаем представление о ее роли и функциях. В глобальном смысле язык является орудием и средством передачи от поколения к поколению знаний, культурно-исторических и иных традиций[6].

Таким образом, язык – это форма не только личностного познания, но и общественного. Язык и мышление неразрывно связаны и как виды общественной деятельности. Язык образует единство с мышлением, так как без мышления не может быть языка и мышление без языка невозможно. Однако, нужно заме-

тить, что мышление может быть как вербальным, так и невербальным (наглядно-образным). Говоря о взаимоотношении языка и мышления, мы прежде всего, разумеется, имеем в виду языковое мышление. Именно о языковом мышлении идет речь, когда мы говорим о близости языка и мышления. Эта связь языка с мышлением позволяет ему осуществлять коммуникативную и когнитивную функции [3].

Два выделяемых вида мышления – предметно-образное и языковое – отнюдь не отделены друг от друга, и именно поэтому те или иные лексические единицы вызывают в нашем сознании яркий образ некоего предмета (например, *zebra crossing* «пешеходный переход»). Однако, при частом или небрежном употреблении слов смысл некоторых лексических единиц стирается, и они начинают употребляться в менее точном и буквальном смысле. В качестве примера можно рассмотреть название американского безалкогольного напитка *root beer*, который является пивом только по названию, слово *пиво* употреблено в нем в фигуральном смысле, – это напиток вроде лимонада, изготавливаемый из различных «корешков». Одной из причин исторических языковых изменений (и такого рода, в частности) является стремление носителей языка к цели, к идеалу, к общему и частному соответствию мира слов миру понятий (принцип универсальности языковых средств).

Итак, в самом широком смысле, на *«макроуровне»*, язык – это средство общения, обмена мыслями, орудие познания окружающего мира, а также достояние коллектива, которое складывается и существует веками и соответственно является средством хранения нужной информации о любых явлениях духовной и материальной жизни человека. На микроуровне же оказывается, что даже в самых банальных, незамысловатых повседневных словах часто обнаруживается прозрачная *внутренняя форма,* уникальная для данного языкового сообщества. Так, слово *окно* в русском языке – это «око» дома, а в англ. *window* «отверстие, через которое входит ветер (*wind*)»; рус. *подснежник* означает «цветок, который вырос из-под снега», а англ. *snowdrop* – это «цветок, похожий на снежную каплю». Примеры такого рода лишний раз наводят нас на мысль о том, что созданию слова всегда предшествует долгий опыт осмысления действительности и классифицирующая работа человеческого ума. Они также показывают, что для осмысления лексических единиц чужого языка иностранным обучающимся полезно попытаться понять этимологию слов, которые они хотят усвоить.

Внутренняя форма слова и этимологический анализ обнаруживают заключенную во многих словах в сжатом виде ту мысль, которая «подтолкнула» людей, говорящих на данном языке, к творческому акту его создания, в результате чего это слово стало достоянием целого языкового коллектива. Слово – это результат вербализации людьми окружающей их внеязыковой действительности, отражающий заложенную в слово мысль. Соответственно, язык – это совокупность единиц различных уровней, представляющих собой кристаллизацию мысли, изначально стоявшей за ними.

Однако, не все слова имеют «прозрачную» внутреннюю форму. Так, в русском языке *подушка* – это то, что кладется «под ухо», а англ. *pillow* в отличие от

русского эквивалента не имеет «прозрачной» формы, поскольку заимствовано из латыни, в которой было существительное *pulvinus* «подушка». А вот слово *завтрак* в русском языке и его английский эквивалент *breakfast* оба имеют «прозрачную» внутреннюю форму. Однако она разная: первоначальный смысл англ. *breakfast* складывался из смысла образующих его компонентов *break* + *fast*, т. е. «нарушать (прекращать) пост; перестать поститься (в фигуральном смысле, т.е. перестать голодать)», тогда как в русском *завтрак* – это «заутрок», т.е. прием пищи утром. У исконного носителя языка в подсознании с большей или меньшей степенью отчетливости присутствует подобный смысл значительного числа лексических единиц.

Обратимся еще к одному лексическому примеру в качестве иллюстрации того, как в языке вербализуется мысль его носителей, как человек говорящий «разделяет на кусочки» окружающую его действительность. Вспомним слово для обозначения разных видов одеял. Если в русском языке для обозначения данного предмета существует одно слово (хотя мы знаем, что одеяло может быть стеганым, ватным, шерстяным, пуховым, байковым, из верблюжьей шерсти, однослойным, двуслойным и т.п.), то в английском для его обозначения есть несколько слов:

- *blanket* «шерстяное одеяло»;
- *coverlet* «покрывало (на кровати); одеяло»;
- *counterpane* «(стеганое или вязаное) одеяло (на кровати)»;
- *quilt* «стеганое одеяло; лоскутное одеяло»;
- *eiderdown* «стеганое пуховое одеяло»;
- *duvet* «пуховое одеяло».

Как видим, в данном конкретном случае можно говорить, с одной стороны, о б*о*льшей степени обобщенности в обозначении предметов такого рода средствами русского языка или, возможно, о меньшем разнообразии самих этих предметов в жизни русских, а с другой – о б*о*льшей конкретности и детализации – в английском. Каждая лексическая единица индивидуальна и по-своему уникальна.

Приведенный пример показывает: сущность одного и того же явления, понятия, предмета выражается в разных языках по-разному, через разные признаки; слово создается в результате длительного процесса вычленения (актуализации) тех или иных характеристик предмета, являющихся наиболее важными для данного языкового сообщества. Например, столь популярное в наши дни слово английского происхождения «менеджер» происходит от англ. *manage* «управлять», а исконно русское *начальник* – от *начало*, т.е. «корень, источник».

Приведенные примеры относятся к лексике, в которой непосредственно обнаруживается проявление внешних законов развития языка, ведь именно она наиболее тесно связана с общественно-политическими и культурными изменениями, происходящими в обществе, с познавательной деятельностью людей.

Любопытным образом отражено в английской фразеологии, что англичане – это нация мореходов. Так, русскому *свет клином не сошелся* соответствуют английские there are **other fish** in the sea «*в море есть и другие рыбки»*; there are **other pebbles** on the beach «*на пляже есть и другая галька».* Внутренняя форма обеих единиц прозрачна, в отличие от внутренней формы русского выражения, которое требует специального этимологического анализа. Русскому выражению *странный тип* соответствуют английские: a queer **fish**, an odd **fish**; выражениям:

- *мне не до этого* – I have other **fish** to fry;
- *напрашиваться на комплименты* – **to fish** for compliments;
- *пьет как сапожник* – drinks like **a fish** и т.п.

Изучение и анализ фразеологических единиц, устойчивых словосочетаний, пословиц и т.п., содержащих схожий смысл, но выраженных различными средствами двух разных языков, позволяет более отчетливо увидеть специфику национального самосознания.

Это стандартные и весьма ходовые устойчивые сравнения, они зарегистрированы в словарях, т.е. являются своего рода языковыми клише, автоматически приходят в голову большинству исконных носителей языка, однако говорящему на русском языке они покажутся очень необычными. В этих сравнениях присутствует юмористическое, ироническое и даже саркастичное отношение к описываемым предметам. Мы становимся свидетелями когнитивного процесса, т.е. того, как развивается мысль человека, который проводит мысленные параллели между теми или иными явлениями окружающей действительности и вербализует их. Все они любопытны как образец иноязычного мышления.

Большинство людей интуитивно чувствует, что язык и мышление взаимосвязаны, особенно когда им приходится сталкиваться с фактами, подобными вышеприведенным. Однако объяснить эту взаимосвязь не так просто, ведь и язык, и мышление – это чрезвычайно сложные, многомерные и многоуровневые явления. Более того, точнее было бы говорить о полиструктурности, разветвленности, иерархичности самой их знаковой организации, о том, что они являются своего рода мегаконструктами, причем взаимопроникающими мегаконструктами, сплетенными в единое целое.

В настоящее время большое внимание вопросу исследования когнитивных аспектов изучения иностранных языков уделяется относительно новой наукой когнитивной лингвистикой.

Когнитивная лингвистика – новая гибридная наука, возникшая на стыке когнитологии (науки о знаниях), когнитивной психологии (психологии познания), психолингвистики и лингвистики, и изучающая механизмы знания языка и механизмы представления знаний в языке.

Задачи когнитивной лингвистики следует определить, как попытку понять следующее:

1. Роль языка в процессах познания и осмысления мира.

2. Языковые знания в процессах получения, переработки и передачи информации о мире.

3. Процессы концептуализации и категоризации знаний, описание средств и способов языковой категоризации и концептуализации констант культуры.

4. Описание системы универсальных концептов, организующих концептосферу и являющихся основными рубрикаторами ее членения.

5. Проблема языковой картины мира.

В заключение мне бы хотелось еще раз выразить мысль о том, что правильным подходом к проблеме взаимосвязи между языком и мышлением будет тот, который исходит из очевидного факта – наличия сложной взаимосвязи между языком и мышлением. Исследуя процесс овладения иностранным языком, необходимо выделить то, что он состоит, в частности, из усвоения огромного количества таких мелких деталей, как внутренняя и внешняя форма языкового понятия, и ни одну из них нельзя проигнорировать, если мы хотим по-настоящему выявить закономерности постижения мира какой-нибудь нацией.

Литература:

1. Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. – М., 1999.

2. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – М., 1999. – 352 с.

3. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М., 2003.

4. Заскока С.А. Введение в языкознание. Конспект лекций. – М., 2005.

5. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: Краткий тематический словарь. – Краснодар, 2003.

6. Мельникова А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб., 2003.

7. Миллер Е.Н. Что такое язык? Гносеологический аспект. – М., 2009.

8. Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.

9. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М., 2008.

10. Тер-Минасова С. Г. Синтагматика функциональных стилей и оптимизация преподавания иностранных языков. – М., 1986.

11. Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. – М., 1980.

12. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.

13. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

14. Woolf V. The Russian Point of View // Woolf V. Mrs Dalloway and Essays. M., 1984.

Канд. психол. наук Е.Е. Копченова (Орехово-Зуево)
eek_psy@mail.ru

ЖЕЛАНИЯ ДЕТЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

Экономические и политические изменения, произошедшие за последние годы, привели к трансформациям в общественном сознании и ценностных ори-

ентациях людей. Изменившиеся социокультурные приоритеты современного российского общества находят отражение в желаниях детей.

Для изучения изменений в мотивационных предпочтений младших школьников нами было проведено сравнительное исследование, в котором участвовали 9 – 10-летние дети: в 1998 году 47 детей, в 2014 году – 51 ребенок. Для изучения мотивационных предпочтений младших школьников использовалась методика «Цветик-семицветик» как аналог Метода мотивационных индукций (ММИ) Ж. Нюттена. Детям предлагалось написать свои желания на лепестках «волшебного цветка». Высказывания детей анализировались в соответствии со схемой, применяемой в ММИ, и относились к следующим основным категориям: обладание (P), социальные контакты (C), активность (R), отдых (L), индивидуальное Я (S), саморазвитие (SR) и др. Анализировались также различные подкатегории мотивационных объектов.

Проведенное исследование желаний младших школьников показало, что структура мотивационных предпочтений детей существенно изменилась по сравнению с 80-ми годами прошлого века. Если в 80-е годы 20 века большая часть ответов детей касалась «общечеловеческих» проблем (*Хочу, чтобы не было ядерной войны)* и учения *(Я бы хотела учиться на 4 и 5),* а высказывания о желании что-либо иметь были немногочисленны, то как в конце XX века, так и сейчас больше всего дети хотят иметь что-либо, обладать чем-то. Ответы данной категории (P) наиболее многочисленны в выборках (*хочу новый телефон, хочу мотоцикл*). Однако содержание ответов этой категории оказывается различным у детей в конце XX и начале XXI века. Современные дети упоминают о желании иметь какие-либо материальные ценности чаще, чем их сверстники в конце XX века. Младшие школьники, живущие в начале XXI века, выражают меньше желаний иметь животных и игрушки, чем их сверстники в конце XX века. Их им заменили «электронные игрушки» – сотовые телефоны, планшеты, компьютерные игры (*хочу Айфон 5, хочу PSP, хочу соник плейстейшн, хочу игровой комп, хочу большой телевизор для PS 4 и др. – здесь и далее* орфография и пунктуация приводятся по оригиналу).

Изменилось содержание высказываний, относящихся к третьим лицам (C_3). Если у детей в конце XX века наиболее многочисленными оказались ответы, касающиеся всего человечества (*чтобы все были счастливы, все больные стали здоровыми, чтобы все люди хорошо жили*), то большая часть пожеланий современных детей относится к близким (*чтобы мама и папа были здоровы, чтобы все в моей семье было хорошо*). С близкими современные дети связывают и свои ожидания (*чтобы мама не ругалась на меня*), тогда как в прошлом веке ожидания младших школьников были связаны со сверстниками (*я хочу, чтобы ко мне почаще приходили друзья в гости*). Другая особенность состоит в том, что современные дети реже высказываются пожелания в адрес своих сверстников, учителей и животных.

Анализ ответов детей показывает, что высказывания, относящиеся к индивидуальному Я (S) (*хочу быть здоровой, быть сильным*), чаще встречались у младших школьников в конце 20 века, а мотивация саморазвития (SR), желание

что-либо достичь – у современных детей (*хочу стать журналистом, хочу стать счастливой*).

Другая особенность состоит в том, что сейчас у детей чаще отмечаются высказывания, связанные со спортом, особенно с таким видом, как футбол. Причем, если в прошлом веке младшие школьники писали о желании обладать спортивной экипировкой и инвентарем (*хочу мяч, хочу бутсы*), то современные дети, помимо подобных желаний *(хочу самый крутой мячик, чтобы у меня были самые крутые кроссовки найк*), пишут о желании что-либо делать или достичь в спорте (*хочу играть за ЦСКА, хочу ходить на стадион каждый день, хочу попасть в команду зенит, я хочу стать мастером спорта по плаванию)* Встречаются высказывания и на «футбольную» тематику (*хочу встретить Малафеева*).

У современных детей много высказываний, связанных с желанием не просто что-то иметь или кем-то быть, а иметь «самое-самое» и быть «самым-самым» – *чтобы у меня были самые крутые телефоны, айпады, плэстэшин*, *я хочу быть самым сильным и смелым на свете*, *я хочу все афигеные игры и вещи и все остальное*). Это касается не только желаний в отношении себя, но и в адрес других лиц, прежде всего близких (*Я хочу, чтобы у родителей была лучше всех работа, и было очень очень много денег*).

Многочисленны ответы, в которых современные дети хотят обладать или иметь что-либо в больших количествах или большого размера (*я хочу очень очень много сладостей, я хочу большую конфету, я бы хотела много подарков*). Дети в начале 21 века пишут в своих ответах о желании иметь что-то свое (*я хочу свой ноутбук, я хочу собственную комнату*), тогда как такого рода высказывания не встречались у их сверстников в конце XX века.

Проведенное сравнительное исследование мотивационных предпочтений младших школьников показало, что в высказываниях современных детей находят отражения те изменения, которые произошли за последние роды в российском обществе – большая ориентация на материальные ценности, на индивидуальность, приоритет личного успеха и благополучия над общественным.

Студ. Е.В.Михеева, канд. филол. наук О.А.Касаткина (Орехово-Зуево)
Mikheeva_kv93@mail.ru ; olga_kasatkina49@mail.ru

УНИКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Современное общество отличается стремительным развитием компьютерных информационных технологий. За последние годы в этой области произошел качественный скачок, который в максимальной степени проявился в процессе формирования и функционирования Интернета, переставшего быть просто системой хранения и передачи информации. Популярность и доступность Интернет-технологий способствуют появлению новых возможностей и способов коммуникации, формируют новую сферу информационного взаимодействия, приводят к возникновению новых видов общественных отношений. Интернет – это самое прогрессивное средство общения и коммуникации. Общение

является неотъемлемой частью нашей жизни, так как это социальная потребность человека, которая способствует взаимодействию людей друг с другом. Во время общения происходит обмен информацией, опытом и способностями, умениями и навыками. Эти необходимые условия формируют и развивают общество и личность, а с ними развивается и язык.

Одним из способов общения в Интернете является передача текстовых сообщений, так называемых SMS-сообщений. Этот способ – один из самых востребованных, он обеспечивает быстрый непрямой диалог с собеседником. Осуществляется передача текстов посредством языка SMS-сообщений.

С развитием коммуникационных технологий в Интернете язык видоизменяется. Образуются новые слова и символы. Исходя из этого, формируется новый специфический язык, используемый в Интернете, который в свою очередь влияет на развитие основного языка. Язык SMS-сообщений строится на использовании определённого сленга и изобретённых слов и отличается преобладанием неологизмов и необычных сокращений. Кроме того, постоянно происходит пополнение его лексики из писем электронной почты, из видоизменённой разговорной речи, живущей в чатах и на форумах Интернета.

Как и любой другой современный язык, французский стремится к сокращению слов для упрощения передачи информации в процессе коммуникации. Он обладает рядом особенностей, которые были выявлены в результате анализа лингвистического материала. Существуют следующие способы образования слов для SMS-сообщений:

1. Усечение. Происходит отсечение слогов разных частей лексических единиц: aprem – après-midi – (полдень);

2. Буквенные сокращения, которые графически упрощают письмо и сокращают тексты. Это значительно экономит время при наборе SMS-собщений. Их письменная форма практически никогда не совпадает с устной: slt – salut; rdv – rendez-vous; lgtps – longtemps; tjr –toujours; stp – s'il te plaît и т.д;

3. Аббревиатура. Словосочетания представлены в виде первоначальных букв слов, входящих в их состав: SDF – sans domicile fix, mdr – mort de rire и т.д;

4. Фонетический способ образования новых слов. Слово пишется не по правилам французского языка, а так, как слышится: elle aime – L M; j'ai – G; de - 2; est-ce que – eske;

5. Типографический ребус, который заключается в том, что для написания слов или фраз используются не только буквы, но и цифры: bi1 – bien, gt – j'étais, mr6 – merci, 2m1 – demain, @2m1, a2m1 – à demain, NRJ – énergie, je vi1 2 – je viens de, GHT – j'ai acheté, OQP – occupé, tu vas réu6r – tu vas réussir, b1 sur – bien sûr;

6. Употребление смайлов, то есть графических символов, используемых для выражения эмоций. Это удобны и легкий способ, он достаточно информативен и при этом не занимает много места в сообщении. Состоит смайлик из знаков препинания, что является его основной характеристикой и главным преимуществом. Примеры смайлов: :-D signifie «grand sourire» ou «très drôle»; :-) signifie «content» ou «sourire», :-7 signifie «rire jaune», ;-) signifie «clin d'oeil», :-> signifie «clin d'oeil sacrastique», :-I signifie «indifférence»;

7. Употребление англицизмов – слов или оборотов речи, заимствованных из английского языка: now – maintenant, today – aujourd'hui, 2gether – together – ensemble, 4ever – forever;

Таким образом, исследование языка SMS-сообщений показывает, что лексика данного языка – это уникальный феномен современного общения людей, который возникает при совместном использовании цифр и букв и который способствует быстрому и простому способу коммуникации.

Е.В. Никольская (Орехово-Зуево)
Len4ik0001@mail.ru

ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ. ПРОБЛЕМА РАБОТЫ С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Мышление ребенка младшего школьного возраста находится на переломном этапе развития. В этот период совершается переход от наглядно-образного к словесно-логическому, понятийному мышлению, что придает мыслительной деятельности ребенка двойственный характер: конкретное мышление, связанное с реальной действительностью и непосредственным наблюдением, уже подчиняется логическим принципам, однако отвлеченные, формально-логические рассуждения детям еще не доступны.

С развитием мышления связано возникновение таких важных новообразований, как анализ, внутренний план действий, рефлексия. Как показывают исследования, у учащихся третьего года обучения наблюдается расхождение функций интеллекта и креативности в связи с началом развития абстрактного мышления [Зеленкова, Бернацкая, Сабитова, 2012]. Одной из особенностей абстрагирования учащихся младших классов является то, что за существенные признаки они порой принимают внешние, яркие признаки. Вместо обобщения младшие школьники часто синтезируют – объединяют предметы не по их общим признакам, а по некоторым причинно-следственным связям и по взаимодействию предметов.

При проведении методик и тестов с детьми этого возраста я часто сталкивалась с проблемой непонимания до конца ребенком поставленной перед ним задачи. Поэтому я часто обращаюсь к проективным методикам. Некоторые проективные методики, в отличие от тестов и опросников, оказываются незаменимыми при работе с маленькими детьми. Невербальные средства помогают гарантированно получить устные ответы на изобразительные или другие невербальные стимулы, наладить общение с проводящим обследование специалистом.

Из своей практики работы с детьми младшего школьного возраста я приведу пример на опроснике копинг-стратегий для детей Грановской Р.М. [Никольская, Грановская, 2006]. Дети не могли понять инструкцию к опроснику, не видели разницы между первой и второй задачей. В моем исследовании особую роль имеет изучение влияния защитных механизмов в учебном процессе, поэтому я использовала наглядный материал для упрощения понимания инструкции, выбрав по картинке, обозначающей каждую из ситуаций согласно ин-

струкции. Поскольку в этом возрасте все еще преобладает наглядно-образное мышление, то в результате были получены потрясающие результаты. Дети не только поняли инструкцию опросника, выполнили все правильно, но и дополнительно, сами того не осознавая, раскрыли свои собственные страхи, переживания, особенности мышления и поведения в каждой из ситуаций. Сложности раскрытия в речи своих умозаключений были только у детей с низким уровнем интеллекта, либо если сама ситуация на картинке несла личный отрицательный характер.

В младшем школьном возрасте ребенок постепенно начинает овладевать письменной речью, которая более абстрагирована от ситуации и иначе мотивирована. Д.Б. Эльконин выделяет несколько специфических особенностей письменной речи по сравнению с устной [Эльконин, 1998]. Во-первых — это умение расчленить слово на составляющие его звуки. Затем следует умение придать мысли синтаксически развитую форму, что требует расчленения самой мысли, представляющей в момент своего возникновения нерасчлененное смысловое целое. Приучая ребенка к расчленению потока мысли, к ее оформлению и развернутому выражению, письменная речь тем самым дисциплинирует мышление. Ассоциация в письменной речи в основном ориентирована на смысл слова-раздражителя и стимулирует главным образом процессы внутреннего внимания, в то время как устная речь в целом ряде случаев осложнена ситуативными моментами, которые она не в силах преодолеть. Это убедительно свидетельствует о том, что мышление гораздо более тесно связано с письменной речью, чем с устной.

Поэтому при возникновении проблемы устного общения с ребенком можно использовать не только картинки и рисунки, но и письменные диалоги. Такое систематическое взаимодействие дает ребенку младшего школьного возраста возможность развиваться, более четко представлять и выражать свои мысли, переживая и осознавая при этом личные проблемы и трудности.

Литература

Зеленкова Т.В., Бернацкая Н.В., Сабитова М.Р. Психологические условия развития креативности младших школьников // Вестник МГОГИ. №2. 2012. С. 77-79.

Никольская И.М., Грановская Р.М. Психологическая защита у детей. – СПб.: Речь, 2006.

Эльконин Д.Б. Развитие устной и письменной речи учащихся / Под ред. В. В. Давыдова, Т. А. Нежновой. – М.: ИНТОР, 1998.

Канд. психол. наук С.А.Озерова, студентка К.Е. Сенчило (Орехово-Зуево)
s.a.ozerova@mail.ru

ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И МЫШЛЕНИЕ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Проблема активизации познавательной деятельности учащихся на всех этапах развития образования была одной из актуальных, т. к. активность явля-

ется необходимым условием формирования умственных качеств личности учащегося. Потребность саморазвития и способность удовлетворять ее посредством учения характеризует школьника, который является субъектом учения. Субъектом учения ребенка делает обладание таким качеством как познавательная активность. Проблема развития познавательной активности рассматривалась в различных трудах педагогов и психологов. Современные отечественные исследователи изучали особенности познавательной деятельности и способы ее активизации у младших школьников Маркова А.К., Лозовая В.И., Тельнова Ж.Н., Щукина Г.И. и др.

Младший школьный возраст – один из благоприятных периодов для развития психических познавательных процессов. Сложно отрицать в огромную роль данного возрастного отрезка в формировании, развитии и совершенствовании познавательных процессов – формирование высших психических функций – речи, чтения, письма, счета, что позволяет ребенку младшего школьного возраста производить уже более сложные мыслительные операции. Речь ребенка становится более свободной, произвольной, увеличивается словарный запас, становятся доступными обобщение и абстракция. Поскольку в этом возрасте происходит активное развитие всех этих функций, то со стороны взрослых ребенку требуется непосредственная помощь в становлении их.

Процесс обучения в школе включает не только усвоение сложной системы знаний, становление многих учебных и интеллектуальных навыков, но также развитие познавательных процессов. Главной причиной затруднений в овладении школьными знаниями является в первую очередь неразвитости самих познавательных процессов, неподготовленности к постановке и решению новых, более сложных проблем, пониманию нового учебного материала, обоснованию найденного решения, выражению собственной мысли. Все познавательные процессы составляют единую систему, которую в целом можно назвать познавательной сферой и которая одновременно обеспечивает и внимание к новому, и понимание, и запоминание учебного материала.

На сегодняшний день необходимо изучать и исследовать познавательные процессы, речь, мышление в младшем школьном возрасте, для создания условий, необходимых для их развития у детей.

В детских домах проживает более ста восьмидесяти тысяч детей, по той или иной причине оставшихся без попечения родителей. Данная категория детей нуждается в особом контроле и внимании со стороны общества, и со стороны педагогов и воспитателей в частности. Уровень познавательного развития играет очень важную роль в процессе общего развития ребенка, не может остаться без внимания для данной категории детей, так как условия развития детей, воспитывающихся в условиях детских домов, принципиально отличаются от тех, в которых находятся дети, воспитывающиеся в семьях.

Целью работы стало выявление уровня развития познавательной активности и мыслительных процессов детей, в процессе жизнедеятельности, воспитывающихся в условиях детского дома, и осуществление способов развития познания у данной категории детей.

В соответствии с целью работы выдвигаются следующие *задачи:*

1. Сформировать общее представление о познавательных способностях и выявить «стимуляторы» развития познавательных способностей;

2. Провести экспериментальное исследование мышления младших школьников в взаимодействии с познавательной активностью.

Предмет исследования – познавательный потенциал младшего школьника, воспитывающегося в условиях детского социального приюта; процессы мышления в деятельности.

Объект исследования – воспитанники детского дома, дети и подростки младшего школьного возраста.

Гипотезой для данной работы стало следующее предположение: у детей, воспитывающихся в условиях детского дома, уровень развития познавательной сферы будет ниже нормы. У воспитанников школы-интерната чрезвычайно слабо выражена познавательная потребность, даже в таких ее примитивных формах, как интерес к новым фактам, к ярким жизненным примерам, к необыкновенным явлениям. При нормальном уровне интеллекта он полностью не используется воспитанниками, ни в учебной деятельности, ни в общении. Недостаточное интеллектуальное развитие ребенка может выражаться в ослаблении или несформированности, неразвитости познавательных процессов: слабо развитого мышления – наглядно-образного, абстрактно-логического, вербального.

Проведенное экспериментальное исследование особенностей познавательных процессов и уровня их сформированности у детей, воспитывающихся в условиях приюта, на первоначальном этапе обучения позволило сделать следующие выводы.

1.Наиболее выражено снижение вербально-логического мышления. В уровне развития мышления наблюдаются различные показатели от очень высокого, двое детей, до среднего, восемнадцать детей и низкого уровня, десять детей, т. е. мышление детей сформировано неравномерно.

2.У детей семи лет классификация осуществляется на уровне зрительного соотношения, дети затрудняются вербально обозначить группы предметов. Для них типично отставание в области общей осведомленности. Мышление ребенка младшего школьного возраста переходит от наглядно-образного к словесно-логическому, понятийному мышлению. Это сообщает мыслительной деятельности двоякий характер: конкретное мышление, которое связанно с реальностью и непосредственным наблюдением, начинает подчиняться логическим принципам, но в тоже время абстрактные, формально-логические умозаключения ребенку этого возраста еще не доступны.

3. Явно выражено отставание в развитии метафорического мышления. В области счета не сформирован ряд представлений и действий, дети затрудняются в счете, ошибаются при оперировании понятиями «больше – меньше» на числовом материале, не представляют, какие единицы измерения используются для определения пространства и времени. Мышление как бы объединяет все познавательные процессы, обеспечивает их развитие, способствует их участию на каждом этапе мыслительного акта. Да и сами познавательные процессы в необходимых случаях приобретают структуру, похожую на интеллектуальный акт.

4. Речь является одним из важнейших психических процессов младшего школьника, и овладение речью идет на уроках русского языка по линии ее звуко-ритмической, интонационной стороны; по линии овладения грамматическим строем и лексикой, увеличения словаря и осознания собственных речевых процессов.

5. Одной из функций речи, которые выступают на первый план, становится коммуникативная. Речь младшего школьника разнообразна по степени произвольности, сложности, планирования, но его высказывания весьма непосредственны. Часто это речь-повторение, речь-называние, у ребенка может преобладать сжатая, непроизвольная, реактивная (диалогическая) речь. Речь неразрывно связана с мышлением. По мере овладения речью ребенок учится адекватно понимать речь окружающих, связно выражать свои мысли. Речь дает ребенку возможность вербализовать собственные чувства и переживания, помогает осуществлять саморегуляцию и самоконтроль деятельности.

6. В младшем школьном возрасте «весьма существенным приобретением речевого развития ребенка является овладение им письменной речью, ... которая имеет большое значение для умственного развития ребенка». На этот период приходится активное обучение чтению (т.е. пониманию письменной речи) и письму (построению собственной письменной речи). Обучаясь чтению и письму, ребенок учится по-новому – связно, систематически, продуманно, – строить и свою устную речь.

В целом отставание в гностическом развитии у воспитанников детских домов – это характерное явление. Частично оно может быть преодолено в рамках учебного процесса, в то время как собственно психологическая коррекция должна быть направлена в первую очередь на формирование познавательной и творческой активности, абстрактно-образного мышления, произвольной саморегуляции; однако эти дети обучаемы, что говорит о правомерности благоприятного прогноза. На уроке в школе учитель может использовать ряд заданий и упражнений, способствующих общему речевому развитию детей: обогащению словарного запаса, совершенствованию грамматического строя речи.

Докт. филол. наук И.В. Приорова (Москва)
irinapriorova@yandex.ru

ЯЗЫКОВОЕ ОБЫГРЫВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Социальная коммуникация актуализирует социально значимую информацию с имплицитной оценочностью, оказывая воздействие как на отдельных акторов, так и на общество в целом. Типы социальной коммуникации делятся *по характеру аудитории* на межличностную, (индивидуализированную), специализированную (групповую) и массовую. *По источнику сообщения* она бывает официальной (формальной) и неофициальной, а по *каналу передачи* – вербальной и невербальной.

В связи с этим, социальная реклама является частью массовой официальной коммуникации, заказчиком которой обычно становится государство, транслирующее ценности и привлекающее внимание общества к тем проблемам, ко-

торые лежат в основе стратегии развития страны. *Социальная реклама* – вид некоммерческой рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения и привлечение внимания к проблемам социума. Социальная реклама – разновидность социального продукта, она существенно отличается от государственной и политической рекламы. Наиболее известными примерами такой рекламы являются кампании по борьбе с наркотиками, соблюдению правил дорожного движения, пропаганда здорового образа жизни, охрана окружающей среды, профилактика семейного насилия и другие. Таким образом, социальная реклама выполняет ряд важных этических функций:

– формирует позиции гражданской ответственности;

– транслирует и укрупняет общечеловеческие ценности, «гуманизируя» общество;

– привлекает рядовых граждан к участию в социальной жизни общества.

Эффективность социальной рекламы определяется её двунаправленностью:

1) указанием на проблемы и

2) прогнозированием возможных путей решения проблем.

Языковая игра в этом случае выполняет свою основную функцию – привлечение внимание нестандартными способами к актуальным социальным проблемам. Комичность, возникающая при «столкновении» или «сращении» двух несвязанных смыслов создаёт третий смысл в результате эффекта неожиданности. *Социальные открытки* в этом плане заслуживают особого внимания, поскольку активно популяризируется в русскоязычном интернете и в перспективе могут стать общедоступным инструментом и межличностной, и групповой, и даже массовой коммуникации. «Открытка» – это неформальная коммуникация, в отличие от социальной рекламы, она позволяет вести обсуждение социальных проблем в неформальном ключе, вскрывая истинное, а не парадное отношение общества ко всему происходящему.

Особенность интернет-открытки состоит в том, что индивидуальный почерк разных представителей интернет-аудитории раскрывается через языковую игру. Интернет-пользователи придумывают всё новые и новые слоганы для открыток, азартно включаясь в языковую игру, что позволяет говорить о появлении интернет-жанра «открытки». На сером фоне в блеклом изображении содержится короткий текст (одно-пять слов) на социальную тему. Интернет-среда создает все условия для поддержания этой игровой деятельности. Одна и та же аудитория может быть и производителем, и получателем социального контента, а взаимодействие строится с помощью и вербальных, и графических средств. Открытки с социальным слоганом имеют сходство с социальной рекламой:

во-первых, оба формата сообщений посвящены одному и тому же – острым социальным проблемам, во-вторых, новое течение активно использует то, к чему социальная реклама пришла не сразу в ходе своего развития, т.е. использование языковой игры, которая является наилучшим средством для привлечения внимания к проблеме, удержания контакта с аудиторией и воздействия на нее, когда дело касается социальных проблем в обществе.

Если рассматривать эти явления с точки зрения социальных коммуникаций, то можно предположить, что в них содержится большой потенциал моло-

дого течения. Из-за особенностей интернет-среды и ментальной ориентации её пользователей тексты открыток классифицируются по нескольким темам:

– образование: *Надо упорото учиться («Стрессия», «Диплом о высшем недосыпании»);*

– здоровье: *Курящие девушки кончают раком («Буходной);*

– нравственность: *Совершенно летняя («Несовращеннолетняя»);*

– физиология: *Мюсли материальны («Голодильник», «Огни ночного голода»),*

Без труда не вытащишь жир из живота («Жир-боль»);

– любовь: *Ты мой личный сорт георгина («Лучшая подлюга», «Ты моя гадость»); Пусть сбудется все, о чем мурчим («Человеческаясучность», «Merrykissmyass»);*

– философия жизни: «*Повернуть бы время вспать*», «*Накройся идеалом*», *Бобра тебе* (*«Мое миропрезрение», «Тварищи»*)

Интересные примеры интерпретации социальной информации отражают умение пользователей интернета реагировать на информационные потоки, а это, в свою очередь, позволяет сделать инструмент социальной рекламы с языковой игрой более гибким и востребованным, а потому более популярным и эффективным.

Литература:

Приорова И.В., Дудникова М.В. Типология социологизации языковой игры в русскоязычном интернете / Tipologiasociologizationgiocolinguisticoin // Internetrusso. Italian Science Review. 2014; 3 (12). PP. 212-214.

Канд. пед. наук Г.А.Темирбекова (Казахстан, Шымкент)
Temirbekova.Galiya@mail

ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ

В настоящее время в разных странах уже накоплен определённый опыт билингвального и полилингвального образования. Это имеет место в регионах с естественной двуязычной средой (Канада, Бельгия, Швейцария и др.), а также в государствах, где происходит приток иммигрантов, вынужденных вживаться в чужую культуру (США, Германия и др.). В этих странах функционируют разного рода языковые курсы, на которых язык изучают не только как средство коммуникации, но и как способ приобщения к культуре страны изучаемого языка и ознакомления с ее историей. Имеется опыт создания двуязычных школ в ряде городов СНГ – в России, в Казахстане, в Киргизии, в основе которого лежит идея претворения в жизнь концепции непрерывного билингвального обучения, начиная с детского сада и заканчивая высшей школой.

Сегодня Казахстан в своей новой образовательной программе поставил довольно амбициозные цели: с 2016 года перейти на повсеместное трехъязычное школьное образование, начиная с начальной школы.

В поликультурном этногеографическом пространстве, каким сейчас является не только Казахстан, но и практически любое цивилизованное общество, существенная часть населения является двуязычной и даже полиязычной. В этой связи в современной лингвистике в последнее время особый интерес представляют *лингводидактические вопросы полиязычия*: рассматриваются различные виды знаний и стратегий овладения неродным языком; анализируются используемые обучаемыми опорные элементы знаний; акцентируется внимание на задачах овладения “живым знанием“, “живым словом“ и на изменении роли преподавателя в процессе обучения неродному языку. Кроме того, широко обсуждаются актуализовавшиеся в последнее время проблемы новой опасности – появления «полуязычной» и «полукультурной» личности, когда, оторвавшись от родной культуры и языка, обучаемый не осваивает в должной степени ни второй язык, ни культуру его народа. В принципе, опыт развития культурной антропологии показывает: все языки способны адекватно обслуживать свою культуру. В жизни этноса нет ничего, что не может быть выражено на языке этой культуры. Но если некая культурно-бытовая традиция почему-либо оказывается оборванной, то и личность оказывается погруженной в «полукультуру» – соответственно ее носители становятся «полуязычными» и «полукультурными». Полукультура, как мы ее понимаем в разрезе данной статьи, это не недостаток некоторой «вообще-культуры» или знаний. Эта конфликтная ситуация, в которую попадает личность в результате слома, изменения традиции, что неизбежно порождает и ценностный конфликт. В этом смысле «полукультурен» любой мигрант – и тот, кто перемещен волею обстоятельств в урбанистический мир мегаполиса и тем самым оторван от устоявшегося «деревенского / сельского / провинциального» быта, и тот, кто по собственному выбору сменил мир древних традиций и ценностей на высокоцивилизованное, но вовсе не всегда высококультурное окружение.

В контексте реализации общенационального проекта «Триединство языков» важно учитывать и этот возможный парадокс, чтобы избежать в погоне за неким общекультурным идеалом утраты своего уникального этноспецифического богатства: приращение знаний должно расширять кругозор, помогать осваивать новое информационное поле, но при этом прочно базироваться на своем культурном фундаменте. Такое гармоничное развитие предполагает естественное и длительное погружение в культурно-языковую среду и должно сопровождать студента все годы обучения в вузе. Именно такой подход к полиязычию взят на вооружение в Южно-Казахстанском государственном педагогическом институте, где студенты с первого курса слушают лекции по разным дисциплинам на казахском, русском и английском языках, где они имеют возможность выбирать язык обучения элективных курсов.

Перед всем передовым казахстанским социумом и особенно перед молодым поколением сегодня стоит ответственная задача – овладевать современными знаниями, осваивать новые инновационные методики и технологии, сделать нормой и правилом трёхъязычное обучение в течение всей жизни – это требование времени, и только такой подход обеспечит подготовку высококвалифи-

цированных конкурентоспособных специалистов, востребованных в современном обществе.

Литература

Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. – Режим доступа: http://www.kazembassy.by/ofisial_astana/message.html

Студ. Ю.Ю. Тонконогова (Орехово-Зуево)
lyulya-t1@mail.ru

К.Д. УШИНСКИЙ О СВЯЗИ РОДНОГО ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

К.Д. Ушинский (1824 — 1870) родился в Туле, в семье мелкого дворянина, и провел своё детство и отрочество в имении отца. В гимназии получил общее образование. В 1840 г. поступил на юридический факультет Московского университета.

Работал исполняющим обязанности профессора Ярославского юридического лицея, затем старшим преподавателем русского языка, а позднее инспектором классов Гатчинского сиротского института. После увольнения служил чиновником, занимался литературной работой в журналах. Постоянно говорил о том, что хочет принести большую пользу своему отечеству. Считал, что это является целью всей его жизни.

В педагогической системе К.Д. Ушинского основную позицию занимает концепция о родном языке, которая является базой при обучении и воспитании детей. Педагог придавал очень большое значение родному языку и его непосредственной роли в формировании и становлении личности. Он неоднократно отмечал, что образовательное и воспитательное значение языка очень велико, и при этом называл его «величайшим народным наставником». [А.А. Серова, 2009, с. 256]

Язык, и в эпоху Ушинского, и в наши дни является великим и могучим средством развития индивида. Данное средство играет великую роль, потому что: «Родное слово – это именно та духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание, чтобы сделаться истинной собственностью человеческого сознания». [К.Д. Ушинский, Т. 5, 1949, с. 356]

Родной язык – это одно из лучших средств развития, познания и самопознания. Педагог выделяет родной язык за основу обучения. «За изучением родного слова мы ставим изучение других предметов, которые непосредственным образом раскрывают человека и природу, а именно историю, географию, математику, естественные науки; за этим помещаем изучение новейших иностранных языков, а в изучении древних видим специальность, которая необходима только лишь для известной отрасли ученых занятий». [Н.Н. Гончаров, 1974, с. 129-130].

В педагогической теории К.Д. Ушинского мы можем найти большое количество ценных указаний, касающихся связи языка и мышления, которые и в наши дни не утратили своей значимости.

Из всех знаковых систем главным и первостепенным инструментом мышления является именно язык. Педагог утверждал, что мышление, в полном смысле слова, совершается только в словах. При отсутствии языка, мысль не только не проявляется, но и вообще не существует.

К.Д. Ушинский не мыслил разделение языка и мышления. Не представлял, что они могут существовать в разрыве друг от друга. Но, в то же время, педагог, в процессе своей деятельности, не смог растолковать, что такое единство зародилось из труда и во время труда. Родной язык «не является чем-то отрешенным от мысли», а наоборот, он непосредственно связан с процессом мышления.

Родной язык и мышление человека, в процессе единения, через свои формы позволяют нам изучить и понять сущность мира во всём его разнообразии и сложности. Он облегчает процесс познания тем, что обеспечивает преемственность в познании, при этом сокращает его ход, т.е.: «сберегает в памяти плоды рассудочного процесса в самой сжатой, концентрированной форме» [К.Д. Ушинский, Т.1, 1988, с. 161].

На равных правах с трудовой деятельностью и некоторыми другими факторами воспитания, родной язык должен способствовать развитию умственных возможностей у детей и активно формировать личность каждого ребёнка.

Особенным образом и большой важностью педагог подчеркивал роль языка, который пронизывает устное народное творчество, литературу, которая призвана воспитывать в детях чувство патриотизма, любви к родным краям. Ушинский говорил, что ребёнку нужно прививать любовь к своему народу, к его национальным традициям и обычаям, к искусству, культуре, истории и т.д. Педагог считал, что родной язык – это воспитатель доброты, правдивости, гуманности, чувства общественного долга, любви к родной природе и труду. Язык - это воспитатель широких эстетических вкусов.

Всё наследие, которое величайший патриот своей Родины К.Д. Ушинский, представил в своём учении о родном языке, которое он описывал в книгах, статьях, записках, в материалах для подготовки, даёт право считать, что русский педагог-демократ был учёным с прогрессивными взглядами. Он выразил свою позицию на происхождение и роль языка в развитии конкретной личности и жизни общества в целом, на связь языка и мышления, на сочетание слова и наглядности и пр.

Докт. психол. наук Л.В.Черемошкина (Москва)
lvch2007@yandex.ru

СТРУКТУРА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ

Закономерности взаимодействия языка и мышления являются предметом исследования не только лингвистики, психологии и психолингвистики, но и философии, культурологии, истории, культурной антропологии, информатики, семиотики и др. Междисциплинарность данной проблемы со всей очевидностью проявляется в практике преподавания иностранного языка: чему и как обучать, в каких условиях, а также, кого хотим получить «на выходе». Послед-

ний аспект является в настоящее время особо актуальным, можно сказать, вопросом государственной важности. Каким гражданином станет школьник, плохо знающий русский язык, но активно лепечущий на иностранном – это вопрос стратегии развития страны.

Основным психологическим условием успешного освоения языка являются лингвистические (или языковые) способности. Понятие языковых способностей не является синонимом лингвистических способностей, в терминологическую путаницу давно пора внести ясность, но это тема отдельной статьи.

Лингвистические способности представляют собой когнитивные орудия овладения языком, проявляющиеся в результативности понимания, говорения, чтения и письма на иностранном языке. Лингвистические способности - это качественно-количественное своеобразие познавательных процессов, разная степень стереотипизации которых проявляется в скорости, точности и надежности выработки навыков аудирования, говорения и письма.

Современные концепции лингвистических способностей можно подразделить на две большие группы: с психолингвистическим и психологическим уклоном.

Психолингвистическое направление представлено работами Ноэма Хомского и его последователей (Слобин Дэн, Грин Джудит и др. [6, 5]). Н.Хомский, как известно, предложил теорию описания языка, который он представляет как целостную, организованную по единым правилам, систему. При помощи единых правил, по его мнению, возможен анализ и синтез любых предложений. Автор назвал свою модель «порождающей», ибо рассматривал в ее основе операцию преобразования, дающую возможность создавать на основе исходного материала любые грамматические конструкции, заполнять их лексикой и грамматически оформлять [6]. Однако, данная модель, к сожалению, не разъясняет, каким образом субъект овладевает языком, что представляют собой «правило» и «языковая способность». Возможно, ценность исследований Хомского и его последователей состоит не столько в общих рассуждениях о языке и конкретном перечне психических процессов, задействованных при усвоении языка, сколько в обозначении проблемы наличия регулирующих механизмов правильного говорения. Именно в обозначении данной проблемы, ибо специфику регуляции, которая неуловимо, но присутствует в данной концепции, описать в психологических категориях крайне сложно.

К психологической трактовке проблемы лингвистических способностей тяготеют методисты и психологи. В этой связи представляют интерес работы Б.В.Беляева, где рассматривается система разноуровневых психических процессов, необходимых для «активно-творческого» использования иностранного языка. Многокомпонентная схема [1] лингвистических способностей по Б.В.Беляеву содержит описание составляющих ее элементов, которые формируются в результате речевой практики и благодаря которым человек эффективно владеет языком. Нам представляется, что эти специфические компоненты структуры лингвистических способностей нуждаются в углубленном психологическом анализе, в противном случае концепция остается неработающей. Исследования строения лингвистических способностей, указанные выше, инте-

ресны, в первую очередь. постановкой проблем, нежели необходимой конкретизацией структуры способностей к овладению иностранным языком.

В этой связи необходимо отметить, что причины сложившейся ситуации заключаются в поверхностной трактовке понятия способностей и наличии очевидного редукционизма в понимании процессов познания.

Дальнейшее изложение будет представлять попытку рассмотреть строение лингвистических способностей через призму отмеченных выше проблем.

Понимая способности как психические орудия (средства, инструменты), реализуемые стереотипизированными психическими процессами, имеющими качественно-количественное своеобразие, которые обусловливают эффективность реализации как отдельных функций, так и деятельности в целом [10], можно не только определить строение лингвистических способностей, но и рассмотреть их функционирование и развитие через призму собственно психологических когнитивных закономерностей.

Лингвистические способности проявляются в эффективности понимания иноязычной речи, говорения и письма на иностранном языке. Используя указанную выше точку зрения, лингвистические способности можно определить как стереотипизированные психические процессы, являющиеся свойствами определенных функциональных систем, которые направлены на восприятие иноязычной речи, анализ языковых явлений, запоминание, сохранение и воспроизведение их, отличающиеся качественно-количественным своеобразием, проявляющимся в успешности понимания и порождения иноязычной речи (иноязычного высказывания).

Рассматривая процесс порождения иноязычной речи как деятельность, можем определить ее составляющие, а, следовательно, показатели ее эффективности.

Деятельность говорения на иностранном языке в общем виде складывается из правильного произношения, знания слов и знания грамматики. Следовательно, лингвистические способности будут проявляться в:

– быстрой, точной, прочной, надежной выработке фонетических навыков;

– быстрой, точной, прочной, надежной выработке лексических навыков;

– быстрой, точной, прочной, надежной выработке грамматических навыков.

Таким образом, можно сказать, что лингвистические способности проявляются в успешности и качественном своеобразии фонетико-лексико-грамматических навыков.

Рассмотрим, какие же познавательные способности необходимы для каждого из этих навыков.

Успешность формирования фонетических навыков зависит от:

1) особенностей слуховой дифференциальной чувствительности (фонематического слуха) субъекта;

2) степени развитости и пластичности артикуляционного аппарата;

3) мнемических способностей субъекта. Имеются в виду мнемические способности, составляющие основу слуховой кратковременной памяти, слуховой оперативной, слуховой долговременной, непроизвольной, непосредственной и

опосредствованной, зрительной и других видов памяти, необходимых для запоминания фонетического строя языка.

Успешность выработки лексических навыков зависит от:

1) мнемических способностей субъекта;

2) способностей анализировать языковые явления;

3) способностей антиципировать результат (кроме понятия антиципации будем использовать также понятия чувства языка, языковой интуиции как явлений однофункциональных, но разноуровневых).

Успешность выработки грамматических навыков зависит от:

1) способностей анализировать языковые явления;

2) способностей антиципировать результаты;

3) мнемических способностей.

Итак, структура лингвистических способностей в общем виде может быть представлена следующим образом, см. рис.1.

Структура лингвистических способностей в таком виде выглядит достаточно схематично. Действительно, обозначен лишь перечень структурных компонентов лингвистических способностей. Для того, чтобы приблизиться к пониманию механизмов функционирования данной структуры, необходимо рассмотреть ее через призму строения интеллектуальных процессов в целом.

Интеллект – явление многоуровневое, представляющее собой систему познавательных способностей и определенным образом организованной информации.

В качестве рабочего определения интеллекта можно предложить следующее: основу интеллекта составляет единство (система) познавательных способностей личности и ее индивидуально-своеобразного информационного поля, смыслом функционирования и развития которого являются: установление причинно-следственных связей, понимание и сохранение информации, антиципация и создание нового. Данное, не претендующее на законченность, определение позволяет в перспективе охарактеризовать интеллект структурно, результативно, онтологически и процессуально. А формирование и развитие лингвистических способностей как процесс системогенеза «вложенных» друг в друга, открытых систем (интеллекта и лингвистических способностей).

Итак, системообразующей клеточкой интеллекта является познавательная способность, структуру которой можно представить в виде системы разноуровневых механизмов.

Функциональный механизм способности – генотипически обусловленное образование, имеющее природно-заданную меру выраженности, проявляющуюся в реализации конкретной функции: формировании сенсорных образов, запечатлении информации, мгновенного понимания, «вдруг» увиденного решения и т.д.

Система функциональных механизмов познавательных способностей образует первый, фундаментальный, уровень интеллекта (природный, невербальный интеллект). Эффективность функционирования природного уровня интеллекта в наибольшей степени, по сравнению с другими, обусловленная природными особенностями ВНД субъекта, складывается из двух основных показателей:

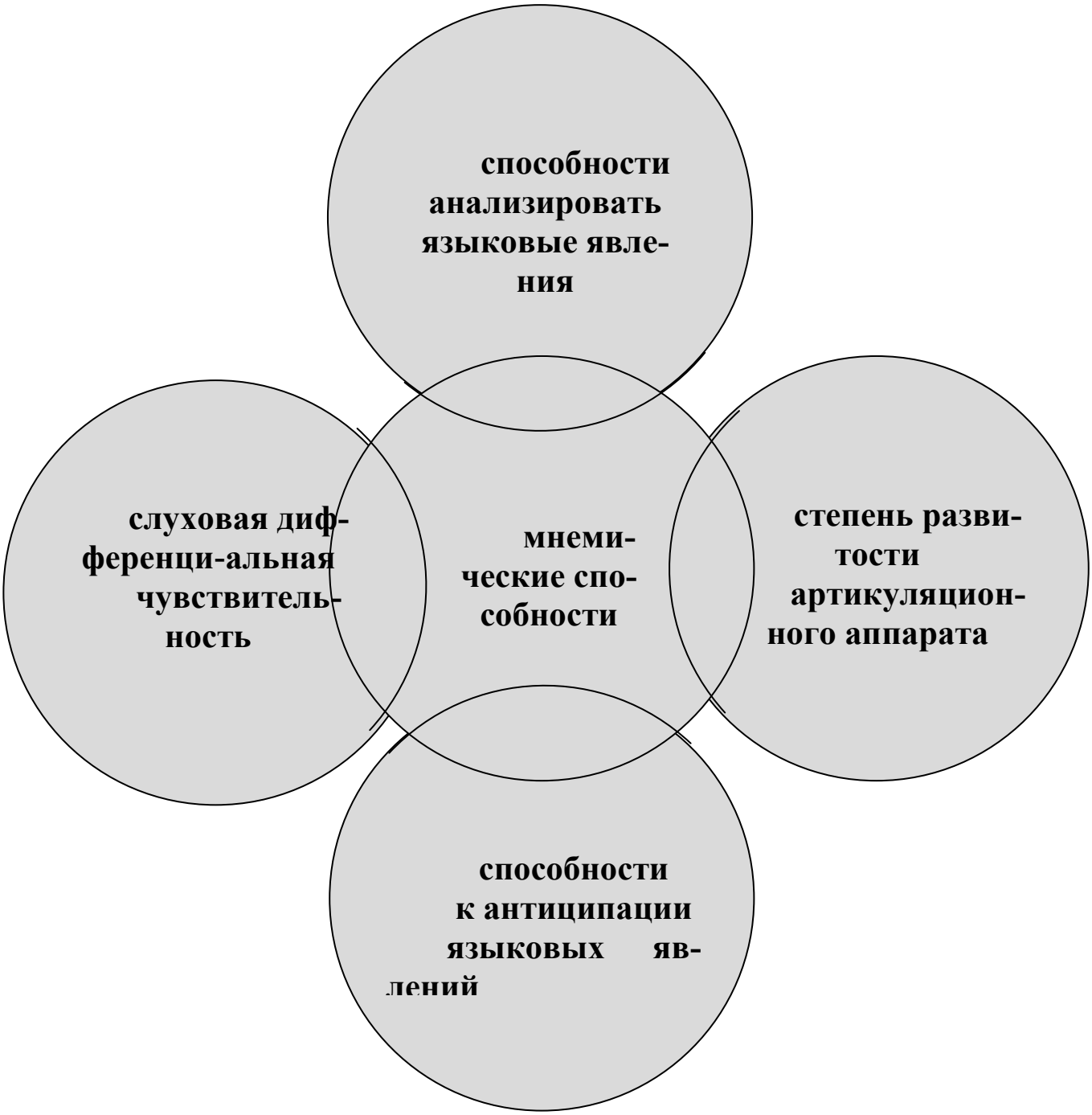

Рис. 1. Структура лингвистических способностей в общем виде

– степени выраженности каждой познавательной способности;
– степени тесноты связей между ними.

Совершенно очевидно, что в «чистом» виде сложно вычленить работу именно этого уровня; можно говорить исключительно о некотором превалировании или тенденции к доминированию в тех или иных случаях природной ос-

новы интеллекта. Во-первых, в тех случаях, когда формируется симультанный образ окружающей действительности, иначе говоря, без разглядывания, вслушивания, соизмерения, сравнения тонов, полутонов, оттенков и т.д. (В описании этапов формирования сенсорного образа – это первая и вторая стадии: обнаружение объекта и различение, выделение в объекте отдельных признаков, то есть до тех пор, пока не включились перцептивные действия). Во-вторых, когда субъект запечатлевает, непосредственно и непроизвольно запоминает и воспроизводит.

Кроме того, когда имеет место мышление «до слов», мышление, процессуальные характеристики которого скрыты от сознания субъекта: догадка, внезапное озарение, мгновенное понимание, иначе говоря, инсайт.

Далее, это непроизвольное, непреднамеренное оперирование вторичными образами: поворачивание, переворачивание, трансформация старых образов и возникновение новых при отсутствии сознательной регуляции этого процесса. В-пятых, это неосознаваемая концентрация психической активности на чем-либо. Именно на этом уровне необходимо искать истоки интуиции.

Обозначенные проявления природного уровня когнитивной активности имеют много общего. Данными видами психической активности трудно управлять. Доминирование этого уровня интеллектуальной активности проявляется как бы «короткими замыканиями», результатом которых являются всплески идей, юмор, неожиданные метафоры и т.п. Проявления качественного своеобразия природного интеллекта в поведении и деятельности очень разнообразны: от инсайта конструктора до мгновенного схватывания гармонии, смысла, индивидуальности или дисгармонии художественного образа, картины художником и т.д. В процессе освоения иностранного языка природный интеллект с наибольшей отчетливостью проявляется при, так называемом, коммуникативном стиле его освоения.

Развитие познавательных способностей в онтогенезе связано с появлением в их структуре операционных механизмов – способов преобразования (обработки) информации для того, чтобы вплести ее в имеющийся опыт, чтобы понять, запомнить, сохранить и т.д. Строго говоря, развитие каждой познавательной способности идет в двух направлениях: развертывания генетически заложенной программы (созревание функциональных механизмов) и увеличения их возможностей за счет благоприобретенных действий. В сущности, это не что иное, как конкретный механизм процесса интеграции и дифференциации психических функций. Развитая способность – это способность с оформленной структурой, следовательно, она легче дифференцируема, но развитость ее предусматривает тесную взаимосвязь с другими функциями. Например, для того, чтобы запомнить, субъект ранжирует, группирует, классифицирует, структурирует, систематизирует информацию и т.д. Нами 30 лет назад было выделено 13 видов операционных механизмов мнемических способностей. Последующие исследования мнемических, перцептивных, а также музыкальных способностей показали, что операционные механизмы, скорее всего, полимодальны, полифункциональны [8].

Второй уровень интеллектуальной активности обусловлен появлением системы операционных механизмов познавательных способностей. Эффективность этого уровня интеллектуальной деятельности будет различной в зависимости от того, в каком виде субъект «вплетает» информацию в свой опыт: в виде понятий, образов, ассоциаций, с помощью конкретных примеров и т.д. Поэтому второй уровень интеллекта представляет собой единство операционных механизмов и той системы репрезентаций, которой владеет данный субъект. Результатом процесса взаимосодействия операционных механизмов (как средств организации информации) и самой информации (семантических зон личности) является образование когнитивно-личностных структур, обеспечивающих ту или иную репрезентацию ситуации. Эти когнитивно-личностные образования исследователями называются по-разному, в связи с полифоничностью их свойств в разных видах деятельности: оперативный образ [4], прототипы [10, 11], предвосхищающие схемы [2], когнитивные карты [3], фреймы [3], сценарии [10], и т.д. Эти виды когнитивно-личностных образований можно назвать когнитивными схемами или ментальными структурами. Когнитивно-личностная структура или когнитивная схема – это обобщенная и стереотипизированная форма хранения прошлого опыта относительно строго определенной предметной области [8]. Когнитивные схемы серьезно изучались в зарубежной психологии. Например, в психологии репрезентации информации в памяти широко изучались свойства прототипа как когнитивной структуры, которая воспроизводит типичный пример данного класса объектов или пример определенной категории. Исследователи показали, что у большинства испытуемых наиболее типичным примером для категории «мебель» является «стул», а наименее типичным – «телефон»; для категории «фрукт» – «апельсин» и, соответственно, «фруктовое пюре»; для категории «транспорт» – «автомобиль» и, соответственно, «лифт» (E. Rosch [10, 11], Хофман [9] и др.

Таким образом, прототип – это обобщенное визуальное представление, в котором представлен набор общих и детализированных признаков типичного объекта и которое выступает в качестве основы для идентификации любого нового впечатления или понятия.

Что будет воспринято и какова будет первичная интерпретация воспринятого, может определяться и такой разновидностью когнитивных схем как фреймы (М.С.Минский [3]). Фрейм, в силу особенностей своей организации, является формой хранения стереотипных знаний о некотором классе ситуаций: его «каркас» характеризует устойчивые, всегда имеющие место отношения между элементами ситуации, а «узлы» (или «слоты») этого каркаса – вариативные детали данной ситуации [3].

Видимо, одним из самых сложных аспектов исследований когнитивных образований подобного рода является вопрос о характеристиках их психического материала. По мнению У. Найссера, по своему материалу когнитивные схемы являются обобщенно-визуальными образованиями, которые возникают как результат интеграции зрительных, слуховых и тактильно-осязательных впечатлений (У. Найссер [2]).

Фундаментальные исследования в области соотношения психических форм и психических содержаний принадлежит Д. А. Ошанину. Он, сформулировав понятие оперативного образа как специализированного отражения преобразуемого объекта, складывающегося по ходу выполнения конкретного действия и подчиненного задаче действия, сфокусировал тем самым принципиальные вопросы регуляции процессов познания, причем не только в общепсихологическом, но и в дифференциально-психологическом смысле [4].

Эти и другие подходы и направления исследований обращают внимание на различных свойствах ментальных когнитивных структур, детерминации их формирования в онтогенезе, соотношении вербальных и невербальных их компонентов, степени управляемости, их роли в репрезентации информации в памяти и в процессе ее получения и т.д.

Одним из вариантов структурного анализа интеллекта вербального, понятийного, управляемого являются операционные механизмы как приобретаемые орудия познавательной деятельности. С некоторой долей условности можно предположить, что рассматриваемые виды ментальных структур – это образования, сущностно пересекающиеся с операционными механизмами познавательных способностей. Действительно, и те, и другие, и третьи представляют собой систему психических образований, которые в условиях познавательного контакта с действительностью обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях, ее преобразование, управление процессами переработки информации, а также изобретательность интеллектуального отражения. В классических умственных тестах ментальные структуры или операционные механизмы в развернутом виде, как правило, не демонстрируются. Однако, эта проблема существующих подходов к диагностике интеллектуальных особенностей, а не проблема недостатка интеллектуальной одаренности того или иного испытуемого. Операционные механизмы (когнитивные схемы, ментальные структуры) составляют основу индивидуального познавательного опыта [7].Эти структуры формируются, накапливаются, выстраиваются, видоизменяются в опыте субъекта в ходе его взаимодействия с предметным миром, миром других людей и миром человеческой культуры в целом [7]. В самом общем виде можно сказать, что ментальные структуры отвечают за актуализацию субъективного пространства отражения, в рамках которого и строится конкретный образ конкретной ситуации (объекта, событии, задачи, другого человека, идеи и т.п.). Ментальные структуры (операционные механизмы) – это своеобразные когнитивные механизмы, в которых в «свернутом» виде представлены наличные интеллектуальные ресурсы субъекта и которые могут «развернуть » при столкновении с любым внешним воздействием особым образом организованное ментальное пространство

Индивидуальное своеобразие и эффективность переработки информации в процессе развертывания ментального пространства зависит в определяющей степени от свойств этих когнитивно-личностных образований.

Продуктивность второго уровня интеллектуальной активности (вербального, понятийного, логического интеллекта) будет определяться следующими показателями:

– разнообразием способов обработки информации;

– степенью владения ими, или каким-либо одним способом;

– широтой и глубиной репрезентационной картины субъекта (картины мира личности), то есть объемом и глубиной знаний ;

– характером организации семантического поля личности (иерархичностью, сопряженностью и совместимостью различных когнитивно-личностных образований субъекта);

– характером доминирующего уровня обработки информации (понятийный, ассоциативный, образный, наглядный или др).;

– «удельным весом» участия понятий в процессе репрезентации новой информации личностью.

Третий уровень интеллекта составляет регуляция интеллектуальной активности. Каждый из известных способов обработки информации имеет свою структуру, которую можно описать системой действий: целеполагания, ориентировочных, принятия решения, антиципации, планирования, контроля, оценки и коррекции. Это и составляет ядро регуляции интеллектуальной активности (это внутренняя, так сказать, интеллектуальная регуляция интеллектуальной активности). Внутренняя регуляция «включается» благодаря внешней : потребностям, мотивам, чувству долга, Я-концепции, волевым качествам, эмоциональным реакциям и т.д. Система разного рода побуждений личности к интеллектуальной активности и действий контроля, коррекции, планирования, целеполагания, ориентировки, антиципации и принятия решения составляют третий уровень интеллекта.

Если точкой отсчета развития второго уровня интеллекта можно считать появление обобщений (как следствие развития мышления и речи), то принципиальным моментом для развития регулирующего уровня интеллекта является развитие познавательных способностей как систем функциональных и операционных механизмов. По мере развития структуры операционных механизмов совершенствуется и регуляция интеллектуальной активности, превращаясь в саморегуляцию. Развитие (формирование) третьего уровня интеллекта обусловлено характером взаимодействия внешней и внутренней регуляции, базирующегося на двух факторах:

– рефлексии субъектом своих познавательных процессов и результатов поведения в целом;

– выработке субъектом собственных критериев, показателей, ориентиров интеллектуальной деятельности.

Третий уровень интеллекта – образование, которое одновременно и динамизирует, и стабилизирует интеллектуальную активность. И то, и другое зависит от силы, развитости и степени соответствия внешней и внутренней регуляции. Следствием гармонизации внешней и внутренней регуляции, видимо является интеллектуальная интенция, как некая внутренняя (глубинная) направленность субъекта на определенную идею или объект. Наши исследования регуляции процессов запоминания, воспроизведения и забывания [7], а также изучение регуляции познавательной деятельности при освоении иностранного языка [8] показали, что в процессе формирования интеллектуальных интенций опре-

деляющую роль играет мотивационная сфера личности, точнее, актуальное состояние интимных личностных структур. Регулирующий уровень интеллекта формируется, таким образом, на основе в некотором смысле «атмосферы» взаимоотношений познавательных способностей личности и той картины репрезентаций, которая вмещает в себя разнообразные семантические структуры (вербальные и невербальные), состоящие из понятий, образов, признаков, эмоций, слов, предметов, жестов и т.д. Не исключено, в связи с этим, что интеллектуальные интенции являются качественным свойством тех ментальных структур, которые были названы выше индивидуально-личностными образованиями.

Следовательно, строение динамичной, открытой, «непредсказуемой» системы – интеллекта, развиваемой и развивающейся при непрерывном взаимодействии личности с окружающим миром, можно описать взаимодействием и взаимообусловленностью трех уровней, функционирование которых предопределяется врожденными и приобретенными механизмами. Система природного, вербального и регулирующего уровней интеллекта предопределяет ту форму организации индивидуального умственного опыта в виде наличных когнитивных структур, порождающих интеллектуальное пространство и строящихся в рамках этого пространства индивидуальных, качественно и количественно разнообразных, репрезентаций происходящего.

Строение интеллекта, таким образом, представляет собой систему разноуровневых образований, в каждом из которых есть та или иная доля генетически предопределенного и приобретаемого в результате созревания мозга и обучения личности.

В процессе овладения иностранным языком участвуют различные уровни интеллекта. Другими словами, каждая из составляющих лингвистических способностей может функционировать и неосознанно, непроизвольно (с опорой на функциональные механизмы познавательных способностей), и управляемо, произвольно, осознанно, когда задействованы второй и третий уровни интеллекта. При выработке фонетических навыков доля осознаваемых процессов может быть меньше, нежели при выработке лексико-грамматических. В последнем случае должны быть задействованы разные уровни мышления.

Анализ лингвистических способностей и интеллекта как «вложенных друг в друга» открытых систем, позволяет конкретизировать строение лингвистических способностей (см. рис. 2).

Первый и необходимый вывод, следующий из вышесказанного: возможно и совершенно необходимо использовать разные методы обучения иностранному языку, которые необходимо комбинировать в зависимости от уровня развития интеллекта и лингвистических способностей учеников

Второй и менее очевидный вывод, являющийся одновременно и вопросом: каким образом регулируются процессы усвоения иностранного языка и процессы порождения иноязычной речи в зависимости от доминирующего уровня интеллектуальной активности. В качестве гипотезы можно предположить следующее. Процессы регуляции неоднородны, но центральное место в любом случае принадлежит тому или иному уровню мыслительных способностей. Однако, особенности мышления субъекта – одна сторона проблемы. Другая сторона

проблемы заключается в том, что произвольный языковый анализ, развернутое мышление вне понятийного, информационного поля не существуют. Отсюда следует, что поиски регулирующих механизмов исследуемой нами реальности скорее всего не смогут ограничиться симптомокомплексом лингвистических способностей и должны рассматриваться в целостно личностном контексте.

Литература

1. Беляев Б.В. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. – Москва, Учпедгиз, 1959.

2. Найссер У. Познание и реальность. – М.: Прогресс, 1981.

3. Минский М.С. Структура для представления знания // Психология машинного зрения. Пер. с англ. – М.: Мир, 1978. – С. 249-320.

4. Ошанин Д.А. Концепция оперативности в инженерной и общей психологии // Инженерная психология: теория, методология, практическое применение. – М.: Наука, 1977. – С. 134-149.

5. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1976.

6. Хомский Н. Язык и мышление. – М.: МГУ, 1972.

7. Хофман И. Активная память: экспериментальные исследования и теории человеческой памяти: Пер. с нем. – М.: Прогресс, 1986.

8. Черемошкина Л.В. Психология памяти. – М.: Академия, 2002.

9. Черемошкина Л.В. О строении лингвистических способностей (статья) // Депонирована в Институте теории образования и педагогики РАО 12.10.95, № 80-95. – 0,5 п.л.

10. Rosch E. Natural categories. Cognitive Psychology. 1973. V. 4. P. 326-350.

11. Rosch E. Principles of categorization // Rosch E., Lloyd B.L. (Eds.). Cognition and categorization. N.Y.: Lawrence Erlbaum association. 1978. P. 27-28.

Рис. 2 – Структура лингвистических способностей

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ

ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ В ГЕНЕТИЧЕСКОМ И ЛОГИКО-СТРУКТУРНОМ АСПЕКТАХ

Докт. филол. наук А.Г.Вишняков (Орехово-Зуево)
agvishnyakov@list.ru

О СООТНОШЕНИИ ОРГАНИЧЕСКОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Параллельно алгоритмизации культуры последние сто лет шёл и продолжает идти, всё ускоряясь, процесс структуризации человека как социально-экономического животного, раба алгоритма. Весь XX век человек бился в сети структуры. Эта заворожённость простыми логическими связями и построениями объединяет диктаторов с их концлагерями, политэкономов с их неолиберализмом и художников с их отказом от *творчества* ради *производства*. Но простота эта, стремящаяся «быть доисторической архаикой» – скорее хладнокровно мимикрирует под ритуальную сторону последней нежели прозелитически развивает её на новом этапе. Это contradictio in adjecto парадоксально стало не тормозом, а стимулом разворачивания большинства ярких явлений культуры нашего времени, например: хтонической пульсации «Весны священной» Стравинского, цилиндрических крестьян Малевича, лязганья и стука шатунов и шарниров «Метрополиса» Ланга и «Новых времён» Чаплина, армированной плоскости конструктивизма, истончания-развоплощения тела у Джакометти и выворачивания его наизнанку, как на каннибальском пикнике – у Бэкона, серийного размножения якобы индивидуально хаотического кишения цветов, форм, объёмов в промышленном и бытовом дизайне. Высшее выражение этого порыва к элементарному – сложнейшие компьютерные технологии, основанные на чередовании нуля и единицы.

Издревле, с тех незапамятных пор, когда человек, начав творить искусство, стал подвергать его разнообразным формам рефлексии, в столь же зачаточных, но оттого не только не менее, а наоборот – ещё более явных – формах появилась, на первый взгляд взаимно исключающая, пара подходов и к этому осмыслению, и к самому художественному тексту: текст как механизм и текст как организм. Первый подход питаем извечным желанием человека понять, как и почему текст оказывает именно это воздействие и что надо делать, чтобы усилить нужные стороны этого воздействия и ослабить и скрасть – ненужные. Для решения этой практической задачи на одном конце многовековой эволюции этого подхода было предпринято составление учебников по судебной и политической риторике, а на ближайшем к нам – конструирование действующей модели тек-

ста, воссоздающей в уменьшенном размере, с замедленной скоростью, с абстрагированием от множества, объявленных несущественными и лишь утяжеляющими сбор и функционирование модели, деталей и процессов. Важнейшей особенностью этой модели стала её чрезвычайно высокая абстрактность, умозрительность и неафишируемая, но с первого же слова (как в математических доказательствах – «предположим (допустим), что…») ей присущая *гипотетичность*.

В самых ярких своих образцах эта модель характеризуется алгоритмом и логикой механического набора-конструктора и максимально ясно, чётко и точно воспроизводит не только взаимоотношения и функции отдельных составных частей и уровней текста, но и его функционирование, динамику – так, школьная модель атома с неподвижно закреплёнными на проволочках разноцветными шариками воссоздаёт идею и образ *движения как кружения* по орбитам – сама оставаясь в неподвижности, а идея движения *домысливается* и *довоображается* учащимся в ходе изучения этой модели и оказывается одним из важнейших рационально-интуитивных следствий этой работы. Несмотря на принципиальную необходимость для этого варианта моделирования текста воображения и интуиции, он всё же на первое место ставит логику, способность к упорядочиванию как моделированию познаваемых и закономерных отношений всех элементов текста между собой и любого из них в его отношениях к целому. В пределе такой подход к тексту выражается в известном постулате физиков и математиков, убеждённых, что никакие явления, процессы или объекты не существуют до того, пока не будут описаны в математических формулах, то есть до создания их математической модели.

К сильным сторонам такого варианта осмысления текста можно, думается, отнести в первую очередь выявление и изучение его несущей структуры во всём динамическом богатстве её Werden, позволяющем систематизировать его генетический состав, особенности разворачивания и потенциал. Кроме того, в его лице любые историко- и теорлитературные штудии получают твёрдую, объективную, доказательную и легко проверяемую почву под ногами. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что он делает влекуще доступным, пусть даже чаще всего лишь в принципе, вариант вытягивания литературоведения из болота аморфных субъективистских импрессионистических эссе, не подлежащих, поскольку не поддающихся, строгим научным описанию и верификации с последующим триумфальным вхождением его в царствие вневременных и внепространственных математических истин. А ведь именно этим грезили и бредили поколения толкователей всех и всяческих текстов! Тем более, что куда ни кинь взгляд – полки движутся, пусть и с разной скоростью и из разных исходных точек, но совершенно, вроде бы, очевидно в одну сторону, и всё подтверждает верность избранного раз и навсегда пути математизации человеческой жизни во всех её проявлениях.

Второй вариант позволяет увидеть, проследить и при благоприятном стечении всех факторов – воссоздать не движение только, не функционирование как таковое, но – развитие: целесообразное, органичное, использующее механический принцип многократного идентичного воспроизводства раз и навсегда

заданной матрицы, но – не порабощённое им, не скованное его умопостигаемым детерминизмом; всегда таящее возможность не предсказанного – и непредсказуемого в принципе – эксцентричного (то есть с рационалистической точки зрения – в сторону, приводящего к потере равновесия, а с органической точки зрения – к поиску нового равновесия, на новом уровне и новыми средствами, иными словами – к развитию) выброса имманентных тексту производительных сил, порождающих сильнейшее внутреннее напряжение, разрешающееся в очередном неустойчивом равновесии, неумолимо стремящегося к новому витку спирали развития. Текст – как учащийся ходить младенец – замирает в ужасе перед очередной потерей равновесия, грозящей падением, но – не падает, а делает следующий шаг.

Сторонники этой модели полагают, что в бытовании и эволюции текста никогда не будет ни математически обсчитан, ни тем более устранён этот судьбоносный для него и бессчётное количество раз повторяющийся миг иррационального отказа от равновесия и *падения в пустоту*, преображающегося в новый шаг. Искусство именно тут и таится – в этом моменте и месте, что́ сторонники первой модели вполне способны допустить как одну из гипотез, но никогда не согласятся признать как факт, поскольку в этом случае их построениям может, как им чудится, быть нанесён булавочный, но смертельный удар превращения их из цели в – средство и более того – в одно из средств.

Принципиальное отличие организма от механизма состоит в том, что его можно изучать, усовершенствовать, уничтожить, но его невозможно заново или изначально создать. Организм, как и всё живое, или есть, или нет, третьей, промежуточной, фазы (не заведён, не включен, разряжен, завис и пр.) у него быть не может в принципе. И это тоже роднит его с художественным (уникальным!) текстом, который надо изучать, интерпретировать, но невозможно отключить, разобрав-собрав-подключив и затем – включить. Он – всегда включён, всегда под напряжением своей жизненной энергии и разбирать его «до основанья, а затем…» – губительно для него.

Продолжая сравнение текста с организмом, можно провести ещё одну аналогию. Так, известно, что человек в своём дородовом развитии проходит многие – если не все – основные этапы эволюции жизни на Земле. Природа многократно повторяет в миниатюре, на уровне каждого из миллионов зародышей, многовековой и многовидовой ход развития – как бы давая своему будущему «венцу» возможность зарядиться лучшим из опыта предшествующих форм существования живой материи и ощутить себя неотъемлемой частью её великого разнообразного и целостного опыта формотворчества, в том числе и в т.н. «тупиковых» ветвях эволюции. С механической монотонностью чередуются всегда одни и те же этапы и формы, сквозь которые первый и последний раз, тут же и навсегда забывая про них, протаскивается эмбрион. Эта механистическая заданность и точность – залог того, что каждый «будущий человек», его организм, ощущения и чувства гарантированно получат схему, структуру, скелет, модель великой всеприродной эволюции, видоизменения всего во всё через всё.

Память не столько об этих удивительно многообразных формах, сколько о стремительном *проходе сквозь них все*, таится в глубинах нашей физиологии и

психологии, выходя на поверхность в самые неожиданные моменты и оказывая на нас разнообразное воздействие, то мимолётное, то судьбоносное. Удивителен и показателен этот болезненный и плодотворный шок-столкновение механических принципов, приложенных к органическим формам, безучастно внедрённых в них и столь же безучастно усваиваемых этими последними, претерпевающими эти механические трансформации, пропускающими сквозь себя и выпускающими вовне их суть, но удерживающими навсегда – в изменённом, часто до неузнаваемости, виде – их *формы*.

Фольклористика, если возвращаться к текстам, давно заметила аналогичную парадоксальную особенность эволюции народных форм и жанров: количество древнейших типологических черт и просто разбросанных там и сям мелочей гораздо больше и эксплицитней в песнях и былинах, чем, например, в сказках. Содержание песен, ветшая, заменяется на новое, но негибкая форма остаётся той же, и за её острые грани и углы навсегда зацепляются клочья древнейшей архаики, сохраняемые бессознательно и повторяемые механически и бездумно. Сказки же, как изначально гораздо более свободная и аморфная форма, рождаются, эволюционируют и умирают быстрее и легче.

Современный художественный текст (в частности его важнейшая инкарнация – роман), при всех его немыслимых двести-сто лет назад метаморфозах и разрывах, снова и снова, с уже разобранной выше монотонностью смазанного (или заевшего?) механизма воспроизводит постоянно изменяющееся содержание – используя бессознательно сохранённые архаические древнейшие формы, память о них, их гулкое эхо. Конечно, это не совсем логика природного избыточного механицизма (миллионы икринок – тысячи головастиков – сотни лягушат – несколько взрослых лягушек), но стремление опереться в своём развитии на незапамятные резервы рефлекторного автоматизма – присуще, думается, и текстуальному организму.

Попытке показа правомочности динамичного, многоуровневого анализа текста как органической Системы, поддающейся и рационалистическому её структурированию в критическом дискурсе, и эстетическому её переживанию как модели художественного текста в миниатюре и была посвящена данная статья.

Докт. филол. наук С.Г.Воркачёв (Краснодар)
svork@mail.ru

МЕТАФОРИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Отличительной чертой художественного, а тем более поэтического дискурса является образность как стремление к передаче авторских мыслей и чувств при помощи различных риторических приемов, связанных с переносом с одного предмета на другой определенных семантических признаков, а также присутствием в тексте многочисленных символьных предметных ассоциаций. Форма поэтического произведения раскрывается в двух ипостасях: с одной стороны, это форма «внешняя» – различного рода фонетически либо графически

упорядоченные явления, с другой же, это форма «внутренняя» – метафорическое представление поэтических мыслей через символы.

Несомненна гносеологическая ценность метафоры как инструмента познания без использования которого было бы весьма затруднительно постичь природу непредметных, абстрактных категорий: она дает интеллекту возможность понять непонятное и постичь непостижимое. Способность к познанию – составляющая психики человека, механизм познания скрыт от непосредственного наблюдения и его постижение неизбежно опирается на метафору: представление интеллекта в чувственных, преимущественно зримых формах.

Познавательная способность в языке выступает в форме четырех основных семантических ипостасей: ума, глупости, мудрости и хитрости, отличающихся друг от друга преимущественно своими оценочными характеристиками. Изучение метафорики интеллекта в поэтическом дискурсе позволяет выявить, каким образом и в каких «зримых» формах семантические признаки этой категории невидимого мира психики предстают перед сознанием человека.

Поэтическая метафора – результат индивидуально-авторского творчества, она отличается усложненностью и амальгамированостью образов. В силу неожиданности и «экзотичности» выбора вспомогательного субъекта, свойства которого переносятся на основной субъект, она высоко экспрессивна и оценочна.

Корневой когнитивной метафорой в области «нормальной» степени интеллекта (ума, разума и рассудка) выступает его отождествление с неким виртуальным автономным органом мысли и познания. «Органическая» метафора визуализации «нормальной» степени познавательной способности носит первичный характер и задает модель и «материальные» параметры развертывания цепочки последующих когнитивных метафор. Как и любой орган метафоризованный интеллект имеет определенную форму и пространственные характеристики – уподобляется некому вместилищу, которое чем-либо наполнено, его наполнитель находится в определенном агрегатном состоянии и обладает определенными физическими свойствами. В следующем шаге метафоризации виртуальный орган познания уже сам уподобляется чему-либо иному: он отделяется от человека и предстает некой автономной личностью, обладающей всеми свойствами и характеристиками человека; также он уподобляется живому существу вообще.

В отличие от «нормальной» степени интеллекта, при вербализации дефицита интеллекта (глупости) отсутствует первичная метафоризация этой абстракции: она не уподобляется никакому виртуальному органу познания. В области «стертых», языковых метафор, задающих модели переноса смыслов, осуществляется уподобление дефицита познавательной способности конкретным предметным объектам. Формальными показателями «поэтичности» метафоризации дефицита интеллекта выступает эксплицитность сравнения и генетивная модель метафоры.

Мудрость от всех прочих видовых проявлений интеллекта отличается, прежде всего, своим «гибридным» характером: это не столько способность познания, сколько результат последнего – знание; это не только категория гносео-

логическая, но и этическая – разновидность добродетели. Если корневой метафорой ума в языке выступает его отождествление с неким виртуальным органом мысли, то мудрость – это, скорее, наполнитель этого органа, специфическое знание, в компьютерных терминах – своего рода программное обеспечение. Специфически «софийные» модели метафорического переноса связаны с видовыми семантическими признаками мудрости, такими как гилозоистическое наделение мудростью всего материального мира, метафоризация мистичности, сакральности и, главным образом, зависимость мудрости от возраста и жизненного опыта, а также её обращенность в прошлое.

Хитрость и лукавство представляют собой разновидность интеллекта, основанного на обмане – умении вводить других в заблуждение. В биноме «хитрость-лукавство» хитрость соотносится преимущественно с предметным обманом, в то время как лукавство – это, главным образом, обман вербальный – ложь. Семантический признак введения в заблуждение, отличающий обманный ум от всех прочих разновидностей интеллекта, метафоризуется в его уподоблении завесе и сети.

Канд. филол. наук Н.В.Гаврилова, студ. О.В.Козлова (Орехово-Зуево)
gavrilova-oz@yandex.ru, ziromaxi@yandex.ru

СКАЗКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Сказка, несмотря на всю свою внешнюю примитивность и несерьёзность, является глубоким и ценным жанром, широко изучаемым с исторической, культурологической и лингвистической точек зрения. Сказка отражает историю своего народа, этнографию, религию, историю форм мышления, языка, исторической поэтики и, таким образом, несёт в себе колоссальную информационную составляющую, передаваемую из поколения в поколение. Так что же такое сказка?

По мнению одного из самых авторитетных российских ученых, исследовавших сказку, Владимира Проппа, “волшебная сказка – это тот жанр сказок, который начинается с нанесения какого-то ущерба или вреда (похищение, изгнание), или с желания иметь что-либо (царь посылает сына за жар-птицей), она развивается через отправку героя из дома, встречу с дарителем, который дарит ему волшебное средство или помощника, при помощи которого предмет поисков находится. В отличие от других видов сказок, волшебная имеет в своей основе вполне четкую композицию и сюжет, а также, чаще всего, узнаваемый набор неких универсальных “формул”, по которым ее легко узнать и отличить. Это и стандартное начало – “Жили-были в некотором царстве в некотором государстве…”, или финал “И я там был, мед-пиво пил…”, и стандартные формулы вопросов-ответов: “Куда путь держишь?”, “Дело пытаешь или от дела лытаешь” и другие.

Композиционно волшебная сказка состоит из экспозиции (причины, породившие проблему, ущерб, к примеру, нарушение какого-либо запрета), зачина (обнаружение ущерба, недостачи, потери), развития сюжета (поиск утерянного), кульминации (бой со злыми силами) и развязки (решение, преодоление

проблемы, обычно сопровождающееся повышением статуса героя – воцарением). Кроме того, в волшебной сказке персонажи четко делятся на роли – герой, ложный герой, антагонист, даритель, помощник, отправитель, царевна (или отец царевны). В основе сюжета волшебной сказки лежит рассказ о преодолении некоей недостачи, потери, причем для того, чтобы преодолеть антогониста – причину потери – герою обязательно нужны чудесные помощники. Но получить такого помощника непросто – нужно пройти испытание, выбрать правильный ответ или верный путь. Ну а заключением становится чаще всего свадебный пир, тот самый, на котором “и я был, мед-пиво пил…”, и награда в виде царства.

Со временем сказка претерпевает модификацию. Авторы – модификаторы берут за основу прототекст сказки, тот первичный текст, на основе которого они создают другой текст. Взаимодействие первичного и вторичного текста происходит с помощью модификации и интерпретации.

Интерпретация – это истолкование, разъяснение смысла, значения текста. Интерпретация ведет за собой сотворчество автора и интерпретатора. Вот почему появляются различия, связанные с культурным контекстом, с социально-психологическими особенностями среды, идеологическими, философскими, национальными факторами. При интерпретации обычно сохранятся формальная и сюжетная составляющие сказки. Основной упор делается на вскрытие ее подтекста. Интерпретация предшествует модификации.

При модификации происходит изменение содержательного аспекта сказки. Примером может служить сказка “Зеленая Шапочка”, где полностью изменены функции Красной Шапочки и Волка. Изменения в основном происходят на предметном, временном и формальных уровнях. Интерпретация – это толкование сказки, направленное на вскрытие ее подтекста. При интерпретации не происходят изменения формы и последовательности событий. Интерпретация является первым звеном модификации, в результате которого происходит изменение содержания, и сказка приобретает новый смысл.

На наш взгляд, это очень значимые процессы, которые способствуют тому, что сказка не теряет своей актуальности. Модификация и интерпретация дают сказке новую жизнь. По нашему мнению, жанр «сказка» будет существовать всегда, ведь это важная составляющая воспитательного процесса. Это огромная вселенная, наполненная чудесами. Сказка знакомит детей с понятиями добра и зла, помогает понять окружающий мир. Она не только развлекает, но и дает детям первые уроки жизни, учит сопереживать героям, испытывать чувство радости и грусти.

И.В.Крашенинникова (Ульяновск)

РЕЧЕВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ВЫРАЖЕННОСТИ КОНСТРУКТИВНОГО НАЧАЛА В МАССОВЫХ ПЕСНЯХ

Дадим рабочие определения используемым понятиям.

Под массовой песней, в соответствии с «Музыкальной энциклопедией», понимается сольная или хоровая песня, созданная профессиональным композитором (или любителем) и рассчитанная на массовое распространение в обще-

ственной жизни или домашнем быту. Общезначимость содержания массовой песни в сочетании с простотой формы, поэтического и музыкального языка, использование певческих голосов в наиболее употребительных регистрах обусловливают ее максимальную доступность для всеобщего исполнения и восприятия [Музыкальная энциклопедия, 1976, с. 238].

При выяснении вопроса о конструктивности или деструктивности конкретной массовой песни следует учитывать, что конструктивное начало в песне проявляется в доминировании установок верхнего порядка (интегративные, социальные, принципиальные и этнические установки). Деструктивное начало в песне проявляется в доминировании установок нижнего порядка (физических, личностных и межличностных установок). Следует также иметь в виду, что на каждом из семи уровней установок могут наблюдаться как конструктивный, так и деструктивный тренды [А.В.Пузырёв, 2013, с. 54-62].

Под военными песнями подразумеваются песни, исполнявшиеся и звучавшие непосредственно в годы Великой Отечественной войны.

Под современными песнями нами понимаются композиции современной эстрады последних 30 лет (начиная с 1986 года), исполняемые современными группами или певцами, на концертных подмостках, а также звучащие в радиоэфире. Это композиции, пользующиеся широкой известностью, прежде всего, среди подростковой молодёжи [А.Н.Полежаева, 2011, с. 39].

Объектом нашего исследования являются массовые песни военного и современного периодов.

Предметом является речевое проявление эволюции выраженности конструктивного начала в массовых песнях.

В качестве материала исследования взяты 10 военных и 10 современных конструктивных массовых песен. Заметим, что среди современных песен количество песен конструктивной направленности весьма невелико, и обнаружить десять песен такого характера оказалось достаточно трудно (это и явилось одной из причин, почему для обнаружения таких песен нам потребовался временной промежуток в тридцать лет).

При изучении и сравнении знаменательных слов конструктивных песен военных лет и современного времени нами используется метод расстояний, или количественно-качественный метод, разработанный В.Д. Бондалетовым [Бондалетов, 1983, с. 77]. Он является продолжением метода, предложенного В.А.Никоновым, и удобен тем, что позволяет сравнить спектр знаменательных слов двух песенных категорий и отобразить сходство и различие в числовых показателях, а также в процентном соотношении.

Количественно-качественный анализ позволяет привести 20 самых частых знаменательных слов (в порядке убывания) в песнях военных лет и современности (см. табл. 1).

Для разграничения частых и редких слов была использована следующая формула: 1943 (количество словоупотреблений знаменательных слов) : 635 (общее количество знаменательных слов) = 3,06. Соответственно, слова, звучащие в песнях 4 или большее количество раз, являются **частыми**, а те, которые звучат 3 раза и меньше, являются **редкими**.

Табл. 1. Наиболее частые знаменательные слова песен

Знаменательное слово	Военные конструктивные песни			Современные конструктивные песни			Всего
	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в С.К.П.	Кол-во словоупотреблений	% словоупотреблений	На сколько % больше, чем в В.К.П.	
я (мне)	31	3,18	0	58	5,98	2,80	89
мы	28	2,87	0	35	3,61	0,73	63
ты	20	2,05	0,29	17	1,75	0	37
он	22	2,26	0,91	13	1,34	0	35
конь	2	0,20	0	28	2,88	2,68	30
кудрявый	24	2,46	2,05	4	0,41	0	28
мой	8	0,82	0	20	2,06	1,24	28
быть	6	0,61	0	20	2,06	1,44	26
клён	26	2,66	2,66	0	0	0	26
давать	0	0	0	19	1,96	1,96	19
поле	1	0,10	0	18	1,85	1,75	19
родной (родная)	13	1,33	0,71	6	0,61	0	19
весь (всех, все, всё, вся)	0	0	0	18	1,85	1,85	18
белый	0	0	0	16	1,65	1,65	16
девушка	15	1,54	1,43	1	0,10	0	16
зелёный	16	1,64	1,64	0	0	0	16
резной	16	1,64	1,64	0	0	0	16
дом	5	0,51	0	10	1,03	0,51	15
любовь	5	0,51	0	9	0,92	0,41	14
дело	12	1,23	1,12	1	0,10	0	13
…	…	…	…	...	…	…	…
Всего	974	100	71,91	969	100	71,91	1943

Отметим, что существенное различие в словоупотреблении некоторых частых слов двух песенных групп объясняется влиянием конкретной песни. К примеру, прилагательное **«кудрявый»** в военных песнях встречается во много раз чаще, чем в современных. Такое частое употребление объясняется влиянием конкретной песни: «Смуглянка». То же самое можно сказать и об употреблении существительного **«конь»**. Оно гораздо чаще звучит в современных, нежели в военных конструктивных песнях. В этом случае сказывается влияние песен Александра Малинина «Белый конь» и группы «Любэ» – «Выйду ночью в поле с конём».

Метод расстояний позволяет выявить сходства и различия знаменательных слов двух песенных категорий. Результатом послужила следующая таблица (табл. 2).

Табл. 2 Сходства и различия знаменательных слов

Спектр знаменательных слов в конструктивных песнях:	военных	современных
1. Различия:		
а) Военные	52,05	-
б) Совр. конструктивные	-	53,66
в) расхождение в употребительности "сквозных" знаменательных слов	19,86	18,25
Всего	71,91	71,91
2. Сходство	28,09%	28,09%
Итого	100%	100%

По итогам таблицы № 2 видно, что различий в спектре знаменательных слов у военных и современных конструктивных песен больше, чем сходства. Закономерно возникает вопрос о том, каковы различия у знаменательных слов между современными конструктивными и деструктивными песнями, но ответ на него может дать только специальное исследование.

В материалах настоящего доклада обратим внимание лишь на личное местоимение первого лица «мы».

Это местоимение, согласно «Русской грамматике-80», может выступать в 6-ти значениях. В анализируемых песнях местоимение «мы» используется в 4-х значениях [Н.Ю.Шведова 1980: 532]:

– собирательное имя, указывающее на совокупность лиц (в числе которых находится и говорящий), объединённых по какому-либо общему для всех признаку: «мы друзья, перелётные птицы» (из песни к к.-ф. «Небесный тихоход»); «на заре уходим мы в поход» (из песни «До свиданья, города и хаты»)

– 'я и ты': «где мы бродили в полях» (из песни Надежды Кадышевой «Малиновый звон»); «между нами снега и снега» (из песни Лидии Руслановой «В землянке»)

– ‘я и он’: «мы идем с конем по полю вдвоем» (из песни группы Любэ «Выйду ночью в поле с конём»);

– ‘я и они’: «собираем мы отряд» (из песни ансамбля им.Александрова «Смуглянка»)

Полученные результаты оказалось возможным отразить в табл. № 3.

Как видно, в военных конструктивных песнях «мы» преобладает в значении «собирательного имени, указывающего на совокупность лиц (в числе которых находится и говорящий), объединённых по какому-либо общему для всех признаку». В современных конструктивных песнях у данного местоимения наблюдается более богатый спектр значений. В целом, однако, в функционировании личного местоимения «мы» наблюдается большое сходство.

Табл. 3. Лексико-семантические варианты местоимения «мы»

ЛСВ	Военные песни		Современные песни		Всего	
	К-во СУ	%%	К-во СУ	%%	К-во СУ	%%
Мы[1] (собирательное имя)	21	84%	25	71,4%	46	76,6%
Мы[2] (‘я и ты’)	3	12%	1	2,8%	4	6,6%
Мы[3] (‘я и он’)	-	-	9	25,7%	9	15%
Мы[4] (‘я и они’)	1	4%	-	-	1	1,6%
Всего	25		35		60	

Для нас важно подчеркнуть, что при определении сходства и различий лексического состава художественных текстов может быть использован метод расстояний, или количественно-качественный метод, который позволяет выявить наиболее частые и редкие слова, а также определить – в процентном отношении – степень сходства и различия знаменательных слов в сопоставляемых речевых отрезках.

Литература:

Арутюнова Н.Д. Речь / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь Языкознание. – Глав. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е (репринтное) изд-е «Лингвистического энциклопедического словаря» 1990 г. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 414-415.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

Музыкальная энциклопедия: в 6 томах / Редакционная коллегия: В. А. Белый, В. С. Виноградов, Л. В. Данилевич, М. С. Друскин, О. Е. Левашева, И. И. Моравек, В. В. Протопопов, И. М. Ямпольский, Б. М. Ярустовский. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 552 с.

Национальная энциклопедическая служба России [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://interpretive.ru/dictionary/1313/word/masovaja-pesnja (Дата доступа 20.03.2016).

Полежаева А.Н. Проблемы современного песенного текста: лингвоэкологический аспект: дис. … канд. филол. наук. – Иваново, 2011. – 213 с.

Пузырёв А.В. Направленность хитовых песен радиостанций Европа+, Русское радио, радио DFM и Love Radio в 2012 г. // Язык и мышление поэта и писателя: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XIII-й Международной научной конференции (Ульяновск, 15-18 мая 2013 г.) / Отв. ред. проф. А.В.Пузырёв. – М.: Институт языкознания РАН; Институт русского языка РАН; Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2013. С. 54-62 (совм. со студ. Е.П.Борисовой и А.Г.Морозовой).

Русская грамматика : в 2-х т. / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – Т. I. 789 с.

ДИНАМИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ *ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ*

Канд. филол. наук Л.Р.Башкова, Е.Г.Диянова (Пенза)

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОПОРНЫХ И КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА ПРИ ЕГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ

Проблема ключевых и опорных слов является одним из важных направлений в изучении лингвистики. И хотя многие филологи и литературоведы неоднократно обращались к этой проблеме (В.М. Жирмунский, В.В.Одинцов, А.Н Кожин), она остаётся в значительной степени недостаточно разработанной. Целью данной статьи является выявление ключевых и опорных слов, обозначение законов и принципов их функционирования на материале французской поэзии.

Исходным понятием при рассмотрении проблемы ключевых слов является понятие семантико-стилистической вариативности. В толковании этого понятия мы следуем за А.В.Пузыревым (см.: А.В.Пузырев, 1995а, с. 23-28, 127, 131-134, 141-142; А.В.Пузырев, 1995б, с. 40-54). Обязательным проявлением семантико-стилистической вариативности является приращение смысла, когда ключевое слово представляет собой единицу, семантически не равную самой себе в начале и в конце порождения текста, а целью текста подчас и является изменение семантического объема ключевого слова. Итак, в конечном счете, ключевым словом правомерно считается только то слово, которое «не равно само себе». Стилистическая же вариативность ключевого слова проявляется в обогащении его семантики различными коннотациями.

Для того чтобы проиллюстрировать соотношение тематических, опорных и ключевых элементов, обратимся к поэзии французского поэта П.Верлена.

Обратимся к рассмотрению некоторых стихотворных текстов Верлена в плане представленности ключевых и опорных слов.

Soleils couchants

Une aube affaiblie
Verse par les champs
La mélancolie
Des soleils couchants.
La mélancolie
Berce de doux chants
Mon cœur qui s'oublie
Aux soleils couchants.
Et d’étranges rêves,
Comme des soleils
Couchants sur les grèves,
Fantômes vermeils,

Défilent sans trêves,
Défilent, pareils
A des grands soleils
Couchants sur les grèves.

В переводе А.Гелескула данное стихотворение выглядит следующим образом:

Закаты

За утренней мглою
Сквозят пустыри
Печалью былою
Вечерней зари.
Печалью былою
До края полны
Вечерней зарею
Рожденные сны.
Не зная возврата,
Нездешние сны,
Они, как закаты
Песчаной страны,
Уходят куда-то
И гаснут впотьмах,
Печальней заката
В песчаных холмах.

Повторяющимися в тексте оказываются словосочетание *les soleils couchants* – закаты, существительное *la mélancolie* – меланхолия, грусть. Несмотря на свою повторяемость в стихотворении, существительное *la mélancolie* не является опорным, так как оно не создает логическую основу текста, а также допускает синонимическую замену: грусть, печаль, тоска. Однако необходимо все же отметить, что, несмотря на вышеперечисленные признаки в данном слове улавливается некая связь с обозначением основной темы поэтического произведения – ведь поэт повествует о своей тоске, о печали, наполняющей его сны…

Словосочетание *les soleils couchants* – закаты – связано с обозначением основной идеи произведения, именно оно образует логический каркас стихотворения и «прикрепляет» его к действительности. Важно подчеркнуть, что наряду с обозначением основной темы произведения, это словосочетание оказывается композиционным и смысловым стержнем поэтического текста. Оно испытывает приращение смысла к своему лексическому значению: закат ассоциируется у поэта не только со временем суток, но и с печалью, приходящей к поэту. С закатами рождаются сны, являющиеся в данном стихотворении символом смерти. Необходимо отметить, что сон во французской культуре (как и в русской) часто символизирует смерть, ср. фразеологизм: «заснуть [уснуть] вечным [послед-

ним, могильным] сном», ср. франц.: «dormir du dernier sommeil» – «спать вечным сном»; «dormir pour toujours» – «уснуть навек, спать вечным сном».

Стержневой характер словосочетания «*les soleils couchants*» позволяет считать его не только опорным, но и ключевым, так как оно не равно само себе. По своему участию и роли в композиции данного стихотворения, ключевой элемент *«les soleils couchants*» относится к единицам, формируемым текстом, где изменениям подвергается и денотативное, и коннотативное содержание ключевого элемента. В данном стихотворении велика роль названия: оно прямо называет ключевой элемент.

Любопытно, что и в переводе ключевая роль за этим элементом сохраняется, хотя французскому словосочетанию *les soleils couchants* соответствует всего лишь одно слово – *закаты.*

Наблюдения позволяют полагать, что использование ключевых элементов характеризует значительное количество текстов как русской, так и французской поэзии.

Цитируемая литература

Большой толковый словарь Российской академии наук. – С.-Пб.: Норинт, 2000. – 1570 с.

Брюсов В.Я. Стихотворения. – М., Советская Россия: 1990. – 381 с.

Верлен П. Лирика. – М., 1969. – 280 с.

Жирмунский В.М. Теория стиха. – Л., 1975. – 536 с.

Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М.: Высшая школа, 1982. – 223 с.

Одинцов В.В. Стилистика текста. – М.: Наука, 1980. – 263 с.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.; Пенза: Ин-т языкознания РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995а. – 378 с.

Пузырёв А.В. Анаграммы и ключевое слово текста // Проблемы изучения анаграмм : Межвуз. сборник научных трудов. М.: ИРЯ РАН, ПГПУ им. В.Г.Белинского, 1995б. С. 44-56.

Verlaine P. Poésies. – М.: Прогресс, 1997. – 315 с.

Канд. филол. наук А.В. Блохин (Орехово-Зуево)
avb6767@mail.ru

ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ»

Ф.М.Достоевский является основоположником гендерной дифференциации речевого поведения различных героев своих произведений. Одним из самых интересных и показательных в этом отношении является роман «Идиот», в котором представлена своеобразная лингвостилевая система с характерными признаками маскулинности и феминности. Основными чертами этой системы являются следующие:

1. *Фонетические*. В сфере вокализма в феминном типе речи наблюдается артикуляционный повтор гласных и их заметное удлинение: «Мой! Мой! – вскричала она» /Настасья Филипповна/; «Как кто-о-о? – протянула генеральша…»; «А-а-а! Вот и развязка! Наконец-то!» /Настасья Филипповна/ (удлинение подчёркивает момент эмоционального напряжения). В маскулинном типе речи также присутствует удлинение гласных, но используется уже с другой целью – целью доминирования: «Па-аслушайте, господин Мышкин, – визжал Ипполит…». Для подчеркивания маскулинности в сфере консонантизма наблюдается актуализация вибранта [р]: «…О! идиот пр-ро-клятый, – воскликнул он уже совершенно вне себя…» /Ганя/. Слоговое членение слов демонстрирует негодование и возмущение: «По-ку-рить? – с презрительным недоумением вскинул на него глаза камердинер».

2. *Лексические.* Наибольшая дифференциация женской и мужской речи достигается на уровне лексики и фразеологии. Женская натура в романе предстает во всей противоречивости, непредсказуемости и алогичности. Героини Достоевского легко и намеренно изменяют семантику слова с целью эпатирования публики: «Вы изверг! – крикнула Настасья Филипповна, хохоча и хлопая в ладошки как девочка». Бранная лексика становится привычным делом и достигает артистичного эффекта: «… хозяйка немедленно стала продолжать каким-то заученно-плачевным и обычным голосом: – И не стыдно, не стыдно тебе, варвар и тиран моего семейства, варвар и изувер!» /вдова Терентьева/. Весьма частотна высокая эмоциональность и напряженность речи, реализуемая посредством категоричных высказываний, содержащих эмоционально-оценочную лексику и фразеологию: «Если так, то вы человек без сердца! – вскричала Аглая». Лексические повторы и серия «быстрых вопросов» также передают высокий эмоциональный фон переживаний: «Ты счастлив? Счастлив? – спрашивала она. – Мне только одно слово скажи, счастлив ты теперь? Сегодня, сейчас? У ней? Что она сказала?» /Настасья Филипповна/. Маскулинная лексика отличается, напротив, категоричностью, конкретной определенностью и подчас нарочитой грубостью и оценочностью, чаще всего пейоративного характера: «Потому что вы дрянь, полчаса мучили людей… манкированный самоубийца, разлившаяся желчь… на двух ногах!» /Ганя/; «В бараний рог сверну!..» /Ганя/. Лексические повторы приобретают характеристики градационного построения и осложняются различного рода акустическими эффектами из традиционных сильных мужских звуков: «Благороден, благороден, рыцарски благороден! – подтвердил в умилении Келлер» (мелиоративно-окрашенная лексика и вибрант [р]). Интеллектуальность мужских персонажей романа прослеживается в умении находить перифразы и эвфемизмы в сложных диалогах: «Я, признаюсь, виноват, но домогательства этой …беспокойной женщины… /Епанчин/». Трансформация фразеологизмов также свидетельствует об особом языковом чутье некоторых героев-мужчин: «Редко я до такой степени сидел плохо в тарелке (как это говорится-то?)» /Епанчин/. Использование устаревших слов становится иногда открытой явной насмешкой: «Кстати, вы теперь к страждущему?» /Евгений Павлович/.

3. *Словообразовательные.* Женская речь порой изобилует специальными маркированными словообразовательными формантами, привносящими в содержание определенную семантическую и эмоциональную нагрузку, например: «Вот твоя мерзкая шляпёнка, идём!..» /Лизавета Прокофьевна/ (эмоционально-оценочный суффикс); «Сама же его идиотиком называла…» /Лизавета Прокофьевна/ (уменьшительно-ласкательный суффикс присоединён к слову с отрицательной коннотацией); «…Я про того букетника уж и не говорю…» /Настасья Филипповна/ (словообразовательный окказионализм с негативной оценкой). Маскулинная речь представлена вкраплениями производных слов со словообразовательными формантами, которые свидетельствуют о крайности, решительности и неукротимой мужской силе и энергии, например: «… Не прогоните, скажите словцо: венчаетесь вы с ним или нет?» /Рогожин/ (используется суффикс с модификационным значением для того, чтобы смягчить острый и неприятный вопрос); «Ну вот, то Ерошки, то Капитошки! – ввернул Ипполит» (употребление пренебрежительно-уничижительных суффиксов с целью спровоцировать скандал).

Магистрант Е.П.Борисова (Москва)
borisova_ekaterina73@mail.ru

ИДЕЯ МЕТАФОРИЧНОСТИ МЫСЛИ И ЯЗЫКА В РАБОТЕ А.А. РИЧАРДСА «ФИЛОСОФИЯ РИТОРИКИ»

Наименования, обладающие переносным значением, интересуют человечество с античных времен – метафора как особый стилистический приём рассматривается ещё в работах Аристотеля. Впоследствии множество российских и зарубежных исследователей, среди которых можно назвать В.Г. Гака, М. Блэка, Д. Лакоффа, также занимались изучением данного явления. В большинстве работ метафора рассматривается как троп, который писатели и поэты намеренно используют для придания большей образности своим произведениям. В связи с этим работа А.А. Ричардса «Философия риторики» представляет особенный интерес, поскольку в данном случае автор рассматривает метафору не просто как стилистический приём, а как неотъемлемую характеристику и «вездесущий принцип» языка.

В первую очередь, автор пишет о том, что наше сознание устроено так, что основная его функция – связывать, причем оно может связать любые два предмета бесконечным множеством способов. Даже если мы не всегда можем обнаружить ту модель, по которой сознание связало два предмета, это не значит, что ее не существует, ведь сознание всегда действует с определенной целью: «*Все мы живем и говорим только благодаря нашей способности подмечать сходство»* [Ричардс, 1990, с. 44]. Данная мысль А.А. Ричардса заставляет задуматься о жизненных ситуациях, в которых способность нашего сознания находить общее в двух разных объектах помогает решать ряд сложностей. К примеру, попадая в новую компанию, мы сразу начинаем замечать, что большинство незнакомцев напоминают нам тех, кого мы давно знаем. Следовательно, мы заранее можем предположить то, как они, вероятно, будут себя вести себя в тех или

иных ситуациях. Таким образом, мы облегчаем себе адаптацию в новом коллективе.

А.А. Ричардс пишет: *«Метафорична сама мысль, она развивается через сравнение, и отсюда возникают метафоры в языке»* [Ричардс, 1990, с. 47]. Он настаивает на том, что метафора – это *«вездесущий принцип языка»* [Ричардс, 1990, с. 46]. Эту идею А.А. Ричардса поддерживает Х. Ортега-и-Гассет в своей работе «Две великие метафоры». Автор пишет о том, что «не все объекты легко доступны для нашего мышления, не обо всем мы можем составить отдельное, ясное и четкое представление. Наш дух вынужден поэтому обращаться к легко доступным объектам, чтобы, приняв их за отправную точку, составить себе понятие об объектах сложных и трудно уловимых» [Ортега-и-Гассет, 1990, с. 72]. Таким образом, мы понимаем, что наше мышление по самой своей природе построено на сравнении – даже если нам что-то неизвестно, мы пытаемся установить значение на основе того, что ближе всего и понятнее нам.

Кроме того, мы используем метафоры, чтобы показать сходство тех объектов, которые сравниваем. В этом отношении интересна мысль, высказанная С.С. Гусевым в работе «Метафора»: прямое и переносное значения слов, из которых состоит метафора, соединены «особым контекстом так, что воспринимаются как одновременно различающиеся и отождествляемые. В результате происходит столкновение различных идей... порождающее новое видение соединяемых объектов, новое понимание отношений между ними» [Гусев, 2010, с. 549]. Таким образом, метафора позволяет посмотреть предмет сквозь призму другого объекта. Метафора создает новый образ и порождает новый смысл, воспринимаемый человеческим разумом.

Особенно интересным кажется утверждение А.А. Ричардса о том, что *«значение метафоры является результатом одновременного сосуществования «оболочки» и «содержания»*. Дело в том, что эти компоненты значения находятся в непосредственном взаимодействии, причем «оболочка» не просто выполняют эстетическую функцию, а вступает в непосредственный контакт с «содержанием». Стоит отметить, что при этом их союз дает более богатое и глубокое значение по сравнению с каждым из этих компонентов по отдельности [см.: Ричардс, 1990, с. 50]. Так, выражение *«не шумите в лесу жизни»* заключает в себе несколько смыслов. Каждый человек может найти в этой короткой фразе то, что будет согласовываться с его конкретными взглядами, и то, что будет полезно для него. Например, что не нужно кричать о своей удаче, выставлять свою счастливую семейную жизнь напоказ или хвастаться карьерным ростом. Таким образом, можно утверждать, что метафора, состоящая из «оболочки» и «содержания», обладает своего рода синергетическим эффектом, в чём и заключается главная сила метафоры.

Одной из центральных идей в работе А.А. Ричардса также представляется утверждение о том, что *«метафора – одна из самых важных черт нашей речи, проявляющаяся в ней ежеминутно»* [см.: Ричардс, 1990, с. 51]. Метафоры широко распространены в нашей речи, мы к ним привыкли и часто просто не замечаем. Подобные выражения понятны, их не нужно разгадывать или разъяснять собеседнику. Например, если мы скажем, что девушка – настоящая лиса,

всем будет ясно, что мы имеем в виду одну из черт лисы – ее хитрость. Наша речь метафорична, и данное свойство позволяет нам наиболее понятно и точно выразить свои мысли.

Таким образом, метафора – это не просто украшение языка, выполняющее эстетическую функцию, а его неотъемлемое свойство. Метафорично само наше мышление, и, соответственно, метафоричен наш язык. Мы не всегда четко видим и осознаем метафору, но, тем не менее, она всегда лежит в основе того, как мы мыслим и что говорим.

Цитируемая литература

Гусев, С.С. Метафора / С.С. Гусев // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 2. С. 548-549.

Ортега-и-Гассет, Х. Две великие метафоры / Х. Ортега-и-Гассет // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 68-109.

Ричардс, А.А. Философия риторики / А.А. Ричардс // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. С. 44-67.

А.Д.Гимаева (Орехово-Зуево)

ФУНКЦИИ ЗВУКОВЫХ ПРОДЛЕНИЙ В РОМАНЕ М.А.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

Главной целью нашего доклада является выявление функциональной нагруженности продлённых звуков в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон». Как известно, звуковое продление – это такое материальное выраженное фоносемантическое средство, которое заключается в растягивании – сверх обычного – длительности произнесения какого либо звука [А.В. Пузырёв, 2014, с. 263].

> «*С лица-то? Желтая. Глаза тусменныи, – небось не сладко на чужой сторонушке. А ишо, бабоньки, ходит-то она… в Прокофьевых шароварах. – Ну-у?.. – ахали бабы испуганно и дружно»* [М.А.Шолохов, 1985, т. 1, с. 14].

При рассмотрении функций продлённых звуков, на наш взгляд, лучше всего опираться на известные функции языка (обзор литературы по этому вопросу см.: Е.И.Исенина, 1981, с. 50-58; Н.А.Слюсарева 1990, с. 564-565 и др.). На наш взгляд, это следующие функции: 1) эмотивная – выражение чувств, эмоций; 2) воздействующая (внутри неё – волюнтативная, экспрессивная функции); 3) эстетическая функции.

Эмотивная функция проявляется прежде всего в том, что продлённые звуки непосредственно связаны с выражением (и, соответственно, восприятием) в языке чувств и эмоций героев [А.В. Пузырёв, 2014: 168]. Например:

> *Страшный толчок далеко отшвыривает Григория. Грохочущий всплеск, будто с яра рухнула в воду глыбища породы.*

– А-а-а-а! – где-то у берега визжит Аксинья [М.А. Шолохов, 1985, т. 1, с. 33].

Внутри воздействующей функции продлении звуков следует различать её волюнтативную и экспрессивную функции.

а) Сама по себе продление звуков, думается, не выражает волеизъявления говорящего – т.е. не выполняет волюнтативную функцию. Однако продление звуков может оказаться интенсификатором волеизъявления и являться одним из языковых средств его усиления. Например:

– Вста-а-ать! – напряженно, будто на смотру, скомандовал Голубов и, окруженный казаками, спотыкаясь от спешки, пошел к столу президиума. [М.А. Шолохов, 1985, т. 2, с. 276].

б) Несомненна и экспрессивная функция продления звуков, т.е. придание этим языковым средством высказыванию экспрессивности, а также усиление этим языковым средством воздействующей силы высказывания. Например:

Кудинов что-то говорил ему вполголоса, но Секретев, не глядя на него, настойчиво повторял:

– Не-е-ет, извини! Уж это ты извини! Мы вам доверяем, но постольку поскольку… Ваше предательство не скоро забудется. Пусть это зарубят себе на носу все, кто переметнулся осенью к красным… [М.А. Шолохов, 1985, т. 4, с. 51]

Эстетическая функция продления звуков связана с удовлетворением эстетических потребностей адресанта и адресата и коренится в самой природе языка художественной литературы. Чаще всего она наблюдается в случаях различных звуковых имитаций, ср.:

И, словно угадав его мысль, красный пулеметчик, лежавший за зеленым щитком станкового пулемета где-то на беломысом бугре, взял прицел с упреждением, резанул струею пулеметного огня ниже, и уже под передними копытами коня смачно зачмокали, по-змеиному зашипели накалённые в полете пули. Они вгрызались во влажную, еще не просохшую от полой воды почву, брызгали горячей грязью… «Цок!

Шшшу! Цок! Цок!» – и опять над головой и возле конского корпуса: «Тиууу! Тьють!.. Тиииуууу» [М.А. Шолохов, 1985, т. 3, с. 342].

Результаты наблюдений над функциями звуковых продлений можно продемонстрировать в виде таблицы (см. таблицу 1).

Из полученных результатов следует, что наиболее часто звуковые продления выполняют в романе экспрессивную функцию (прежде всего этой функцией отмечаются междометия, существительные и глаголы).

Вторая по востребованности функция – эмотивная функция (чаще всего для выражения эмоций используются междометия и частицы).

Табл. 1 – Функции звуковых продлений

Часть речи	Функции звуковых продлений				
	Эмо-тивная	Волюн-тативная	Экспрес-сивная	Эстети-ческая	Всего
Существительное	11	20	22	1	54
Прилагательное	7	0	13	2	22
Местоимение	7	0	5	0	12
Глагол	7	26	22	2	57
Наречие	6	6	13	0	25
Кат. состояния	0	4	1	0	5
Частицы	20	0	15	0	35
Междометие	63	14	44	0	121
Звукоподраж. слова	0	0	0	28	28
Всего	121	70	135	33	359

Далее, в порядке убывания, следуют волюнтативная и эстетическая функции продлённых звуков. Любопытно, что волюнтативная функция наиболее характерна для глаголов и существительных, тогда как эстетическая – для звукоподражательных слов.

Цитируемая литература

Исенина Е. Развитие языковых функций в дословесной коммуникации у детей // Фонетика и психология речи: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 3. Иваново, 1981. С. 50-64.

Пузырёв А.В. О системном подходе в лингвистике : учебное пособие для студентов филологических специальностей. – М. : ВНИИгеосистем, 2014. – 520 с.

Слюсарева Н.А. Функции языка // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 564-565.

Шолохов М.А. Собрание сочинений : в 8-ми томах. Тихий Дон : роман в 4-х книгах /ост. М. Манухиной. – М. : Худож лит., 1985-1986. Т. 1. 1985. 351 с., портр. Т. 2. 1985. 352 с. Т. 3. 1985. 368 с. Т. 4. 1986. 432 с.

Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
galiya.khisamova@yandex.ru

КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КАК МАРКЕР КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Художественный текст как объект реального мира содержит в себе отображенный языковыми средствами и эстетически освоенный мир реальной действительности. Адекватность отражения разговорной речи в художественном тексте вызвана его двойственной природой: с одной стороны, текст является ре-

зультатом первичной коммуникативной деятельности автора, с другой, объектом вторичной деятельности читателя.

Процесс порождения и восприятия диалогической ситуации в художественном тексте можно моделировать. Структурирование разговорного взаимодействия персонажей связано с выявлением параметров, создающих ситуацию общения [Хисамова, 2007]. Особая роль в структурировании художественного текста отводится словам, получившим название «ключевых».

В современной науке проблема ключевых слов решается в нескольких аспектах: психолингвистическом, литературоведческом, лингвокультурологическом, лингвокогнитивном [Сергеева, Хисамова, Шаймиев, 2012, с. 22-26]. Понятие ключевого слова в силу разноплановости своих трактовок требует своего уточнения. Вслед за Л.Н.Чурилиной под ключевым мы понимаем слово как единицу текста, функционально предназначенную маркировать ситуацию общения с ориентирами на внешнего адресата [Чурилина, 2000, с. 32]. Статья посвящена анализу ключевых слов, функционирующих в рассказах В.М.Шукшина.

В шукшинских рассказах ключевые слова, с помощью которых в диалогических фрагментах маркируется коммуникативная ситуация, делятся на две группы: 1) ключевые слова, представляющие диалог/полилог: *разговор, беседа, спор, ссора, ругань, скандал, совещание, собрание, суд, экзамен, сватовство;*

2) ключевые слова, представляющие монологическую реплику в диалогах персонажей: *рассказ, воспоминание.*

Наибольшей частотностью употребления обладает в текстах рассказов ключевое слово «разговор», отражающее ситуацию разговорного диалога или разговорной беседы. Оно может входить в состав окружения, предваряющего появление первой реплики:

В следующей аптеке произошел такой ***разговор:***

– У вас змеиный яд есть?

– Нет.

– А бывает?

– Бывает, но редко.

– А может, вы знаете, где его можно достать?

– Нет, не знаю, где его можно достать.

Отвечала сухопарая женщина лет сорока, с острым носом, с низеньким лбом («Змеиный яд»).

Позиция ключевого слова не является строго фиксированной (начало, конец, развитие действия в рассказе). Оно может не только входить в состав окружения, предваряющего появление первой реплики диалога, но и функционировать непосредственно в реплике персонажа, маркировать нижнюю границу финальной части диалогического фрагмента.

Ситуация диалога может быть маркирована при помощи таких слов, как «беседа»: «В общем, **беседа** приняла оживленный характер...» ― («Танцующий Шива»); «спор»: – «Забудем все наши **споры**...» ― («Артист Федор Грай»), «**собрание**»: – «...Щиблетов объявил*:* – Сейчас проведем коротенькое собрание!» ― («Ораторский прием»).

Диалогическая ситуация может быть представлена при помощи лексико-тематической группы слов, которые делают узнаваемыми описываемые писателем фрагменты действительности, ставшие предметом художественного отражения. Так, в рассказе «Степкина любовь» тематически связанные слова **влюбился, жениться, сват, сватать, замуж, невеста** предполагают воссоздание ситуацию сватовства героя, которые пришел с отцом сватать любимую девушку:

Егор Северьяныч <...> сказал прямо:

– Мы, девка, сватать тебя пришли.

Эллочка от неожиданности приоткрыла рот.

– Как?..

– Ну как сватают! Сын вон у меня, – Егор кивнул в сторону Степана, – хочет, чтобы ты за него выходила. Если согласная, конечно («Степкина любовь»).

Ключевое слово может быть вынесено в название рассказа («Экзамен», «Суд», «Беседы при ясной луне»). Одной из особенностей ключевого слова, вынесенного в название рассказа, обязательным является его повторение в лексическом составе окружения диалогического фрагмента, следовательно, ключевое слово может быть элементом лексической структуры текста.

Ключевые слова «рассказ», «воспоминание» могут представлять монологическую реплику в диалогах персонажей или монолог персонажа:

В самый последний день, когда справляли отвальную, Бронька приступал к главному своему ***рассказу*** («Миль пардон, мадам!», II, 346). Лексическими средствами презентации монологической реплики являются слова «рассказ», «воспоминания», которым отводится особая роль в процессе восприятия и понимания содержания текста, его эмоционально-оценочного восприятия: рассказ о неудавшемся покушении на Гитлера – одно из чудачеств Броньки Пупкова, его непреодолимая страсть.

Таким образом, особая роль в структурировании диалогического фрагмента в художественном тексте отводится ключевым словам, предназначенным маркировать ситуацию общения с ориентиром на внешнего адресата – читателя. Если диалогический фрагмент служит основной структурой репрезентации знаний о коммуникативной ситуации, то ключевое слово выполняет функцию имени этой ситуации.

Литература

Сергеева Л.А., Хисамова Г.Г., Шаймиев В.А. Художественный текст: функционально-коммуникативный аспект исследования. – М.: Изд-во МГОУ, 2014. – 204 с.

Хисамова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М.Шукшина). – М.: Изд-во МПГУ, 2007. – 350 с.

Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста (коммуникативный и антропоцентрический аспекты). – Магнитогорск, 2000. – 186 с.

ИДИОСТИЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ *ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ ПОЭТА И ПИСАТЕЛЯ*

Канд. филол. наук Э.А.Лаврова (Орехово-Зуево)

ЭКСПЛОЗИВНЫЕ ПСИХОПАТЫ Е.ПОПОВА

Все мы со школьной поры уверены в том, что каждый хороший писатель – психолог. Истина эта очевидна, но обычно прилагается к художественной практике реалистов, а как быть с постмодернистами или некоей «промежуточной» между этими двумя категориями прозой? Если обратиться к профессиональным определениям психолингвистов, то окажется, что Е.Попов является автором «темных» текстов, героями которых неизменно оказываются личности с эпилептоидным типом акцентуации. Вряд ли автор, создавая свои произведения, сверяется со справочником, но сам уровень таланта таков, что художник абсолютно точно воссоздает определенные типы.

В рассказе «Как съели петуха» воссоздается любимая ситуация писателя: семья работяг в депрессивном состоянии пробует как-то выжить в равнодушном к ним мире. Герои, как обычно, не обременены интеллектом: бесцветная жена и имевший опыт пребывания в «местах не столь отдаленных» муж постоянно выясняют отношения на языке, свидетельствующем об их нижайшем культурном уровне, говорят на повышенных тонах и вообще отличаются склонностью к дисфории. То есть перед нами типичный «темный» текст, герои которого, переживающие стойкое расстройство настроения, явно относятся к эпилептоидному психологическому типу личности. Они ненавидят друг друга, готовы убить в приступе злобного настроения и гнева, их друг в друге раздражает буквально всё: «Так они и жили. И временами в отношениях между супругами наблюдались жуткие взрывы нетерпимости».

Главный герой рассказа Е.Попова – Николай Ефимыч – индивид авторитарный, пребывающий в злобно-тоскливом настроении, хотя «после амнистии он стал очень спокойным человеком, хотел счастья и поступил на производство, желая приложить к нему свои золотые руки». Этот счастливый дар ему очень пригодился, когда он изготовлял нож для умерщвления жены.

«Парочка эта была и на вид и по содержанию довольно гнусная», – констатирует автор и дает описание героя, причем отмечает такую особенность, характерную для эксплозивных психопатов, как средний рост, неприметность: «Он – среднего роста. Мужик да и мужик. Обыкновенная одежда – неприметная, серая. Обыкновенный человек – серый, неприметный».

Отношения между супругами не складывались: «… жили они недружно. Видимо, потому, что их обижали имеющиеся друг у друга различные скверные привычки». А на деле это следствие союза двух эпилептоидов со всем шлейфом присущих им негативных качеств. Вот образчик их общения: «Петуха мне свари, падла! Пожрем хоть на Новый год! – орет он ей в ухо. А она хоть бы хны. Помолчала, а потом и заявляет: – Не дам. Будет новый год, и в новом году надо кушать».

Поскольку герой, как и положено эпилептоидно акцентуированной личности, испытывает вспышки гнева и ярости по различным поводам, он ищет, на ком бы «разрядиться», и находит объект в лице жены Елены Демьяновны «по прозвищу Демьян»: «От таких слов Николай Ефимыч весь пошел по роже красными пятнами и замахнулся на Елену табуреткой». Подобные аффективные вспышки свойственны импульсивному варианту возбудимой психопатии. Типичное поведение эксплозивного психопата: он характеризуется возбудимостью, напряжённостью, не переносит неподчинения себе, стремится к доминированию в своем окружении.

Героиня также склонна к периодам раздражения с аффективными взрывами: «Прыткая и маленькая Демьян проворно отскочила к плите, схватила кипящий чайник и славно трахнула им Николая Ефимыча по голове». Как известно, люди с эпилептоидным расстройством личности (психопатией) могут длительно накапливать раздражение, а потом оно в самый неожиданный момент выливается в поток ругательств и даже в агрессивные поступки.

Дальнейшее её поведение полностью укладывается в классическое описание эпилептоидной личности: обварив мужа в приступе ярости, она тут же раскаивается, потому что боится мести, ищет способ примириться, демонстрирует раскаяние угодливость, слащавость, льстивость.

Склонность к пьянству – еще одна характерологическая черта подобного типа личности. Автор подчеркивает, что Николай Ефимыч «пьянствовал со всеми, кто соглашался с ним пьянствовать. Почему и пропивал обычно все заработанные деньги». А вот как чета встретила новый, 1956 год: «И точно – сели, пили, ели. Выпили пол-литру и стали пить вторую».

Изощренная мстительность эпилептоидов также нашла отражение в тексте Е.Попова. Николай Ефимыч не мог простить Демьяна, поэтому долго, со знанием дела изготовлял на работе нож. Новое преступление не состоялось только потому, что жена интуитивно поняла, как снять напряжение: она принесла некую искупительную жертву – сварила-таки «куруxана». Приготовление и поедание петуха описывается автором как некое сакральное действо, крайне важное для героя: «И по пару понял Николай Ефимыч, что он одержал полную и окончательную победу над женой». В семье воцаряется мир, вернее, сытое перемирие, ведь человека с эпилептоидным типом акцентуации отличает любовь сытно и вкусно поесть: «И он отдал ножик жене, и она стала отрезать ножку да ножку, крылышко да крылышко, шейку да гузку. И они жрали петуха до полуночи, а когда пробило двенадцать, супруги окончательно были пьяны и завалились спать, не сняв одежды».

Конечно, художественный текст – не иллюстрация к справочнику по психиатрии. Тем удивительнее, что Е.Попов дает возможность понять, каковы его персонажи: при легкой степени проявления симптомов говорят о возбудимой личности, при крайних формах проявлений – об эпилептоидной психопатии. С героями Попова, как мы убедились, определиться нетрудно.

Литература

Леонгард, К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Киев:, 1989.

Личко, А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – М.: Педагогика, 1983. – 268 с.

Рабочая книга практического психолога: Пособие для специалистов, работающих с персоналом / под ред. А.А. Бодалева, А.А. Деркача, Л.Г. Лаптева. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001. – 640 с.

Рубинштейн, С.А. Основы общей психологии / С.А. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2005. – 865 с.

Русские цветы зла (Антология русской прозы конца XX века)/ Сост. Виктор Ерофеев. – М.: Зебра Е, АСТ, 1997.-544с.

Канд. филол. наук М.Г.Луннова, студ. А.О.Горбунова (Пенза)
lunnovamg@mail.ru, alexandra1gorbunova@gmail.com

ФУНКЦИИ АНТОНИМОВ В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО

Явление антонимии связано с понятием противоположности, имеющим логический, философский и лингвистический аспекты. В её основе лежит ассоциация по контрасту, отражающая существенные различия однородных по своему характеру предметов, явлений, действий, качеств и признаков. Антонимы используются в языке, прежде всего, для выражения противоположности, и в тексте слова-антонимы выполняют именно функцию противопоставления.

Функция противоположности может быть использована с разными стилистическими целями: для указания на предел проявления качества; для актуализации высказывания или усиления образа, впечатления; для утверждения двух противоположных свойств, качеств, действий; для признания некоего среднего, промежуточного качества, свойства и т. д.

Материалом для анализа и синтеза слов-антонимов в художественной речи, используемых в данной статье, послужили сатирические произведения Владимира Владимировича Маяковского, одного из крупнейших русских советских поэтов XX века.

В его текстах методом сплошной выборки было выявлено свыше 150 слов-антонимов.

Антонимы нередки в поэзии В. В. Маяковского: *«Радость ползёт улиткой, у горя бешеный бег».*

Антонимия привлекается им не только для выражения контраста. Сопоставление антонимов может отражать чередование действий, смену явлений, наблюдаемых в жизни: «*В 7 часов человечий прилив, в 17 часов – отлив»*.

Наряду с языковыми антонимами в речи в отношения противоположности нередко вступают слова, которые вне данного контекста антонимами не являются. Это так называемые контекстуальные, или индивидуальные, антонимы.

В первую очередь ими легко становятся неполные антонимы, или квазиантонимы. Множество подобных единиц, так же как и антонимов языковых, находим в поэме В. В. Маяковского «Облако в штанах», в которой контраст, антитеза вообще одна из главенствующих стилеобразующих черт:

«И вот, громадный, горблюсь в окне, плавлю лбом стекло окошечное. Будет любовь или нет? Какая – большая или крошечная?»; «Улица муку молча перла. Крик торчком стоял из глотки. Топорщились застрявшие поперек горла, пухлые taxi и костлявые пролетки»; «Детка! Не бойся, что у меня на шее воловьей потноживотые женщины мокрой горою сидят, – это сквозь жизнь я тащу миллионы огромных и чистых любовей и миллионы миллионов маленьких грязных любят».

По принципу антитезы построены заглавия некоторых его произведений: *«Что такое хорошо и что такое плохо?», «Сказка о Пете, толстом ребёнке, и о Симе, который тонкий»*.

Антитеза раскрывает противоречивую сущность обозначаемого, несовместимость различных сторон предмета, явления или самих предметов и явлений. Эта стилистическая фигура усиливает выразительность за счёт столкновения в одном контексте прямо противоположных понятий. Так как основной стилистической функцией антонимов является выражение противоположности, которая присуща их семантике и не зависит от контекста, антонимы – это лексическое средство выражения антитезы.

Как замечает Л. А. Новиков, отношения, которые реализуют антонимы в речи, разнообразны: отношения соединения, разделения, дополнения, сопоставления, сравнения и др. [Л.А.Новиков, 1973, с. 126]. Например, стилистическим приемом, который строится на сопоставлении антонимических значений, является оксюморон, или оксиморон: *«Мама! Ваш сын прекрасно болен!».* Для фигуры оксюморон характерна подчеркнутая противоречивость сливаемых в одно значений: этим оксюморон отличается как от катахрезы, где отсутствует противопоставление соединяемых противоречивых слов, так и от антитезы, где нет слияния воедино противопоставленных понятий.

Таким образом, в сатирических произведениях В. В. Маяковского антонимы выполняют стилистическую функцию, которая реализуется в создании антитезы, оксюморона и др. Эти стилистические фигуры ярко изображают эмоциональное состояние человека, с их помощью автор передает динамику состояния героев, смену противоположных эмоций, контрастное мировосприятие героев и глубину их переживаний. Умелое использование антонимов придаёт произведениям поэта особую остроту, делает художественную речь выразительнее и семантически богаче.

Литература

Маяковский В. В. Избранные произведения. Стихи, поэмы, проза. – М., 1963.

Новиков Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположностей в лексике). – М., 1973.

Канд. пед. наук О.Н. Поддубская (Орехово-Зуево)
olgapoddubskaya@mail.ru

ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ А. ЛАРИОНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «РАСКАЯНЬЕ»)

Обращение к языку произведений одного из современных писателей Арсения Ларионова продиктовано значимостью его творчества, соединившего лучшие черты русской публицистики, очерка, романа и повести. Актуальность работы заключается в том, что в ней представлена картины мира автора в её языковом воплощении. Материалом для исследования послужил роман А. Ларионова «Раскаянье».

Изучив роман «Раскаянье» и опираясь на основные признаки идиостиля как явления, представляющего собой художественную систему писателя и его индивидуальную манеру письма, мы получили следующие результаты: используя разнообразные лексико-стилистические средства, А. Ларионов рисует реальные персонажи с ярко выраженными чертами их национального характера, создает территориальный, исторический, социальный колорит произведения и достигает наибольшей выразительности при изображении природы как реально осязаемого фона для описания человеческих чувств, характеров, а также исторических событий.

И так, в порядке последовательности. Колоритность текста создается, главным образом, лексическими средствами изобразительности. С помощью социально-психологических наслоений на денотативное значение используемой в романе лексики автор создает реально ощутимый территориальный колорит романа, используя следующие диалекты и дублеты: *чубук, выфунъкиваться, водочная валюта, тризна, первач, стопка, околеть, обличье* [Поддубская, 2007, с. 42].

Богатейший исторический колорит романа представлен историзмами — *приказчик, большевизм, престолонаследие, диссидент...;* архаизмами – *оброк, камарилья, холуй, коромысло, овин, зыбка, туесок... и неологизмами – партократия, коммуниздия, киллер, бомж, наркоман* и т. д. [Поддубская, 2007, с. 42]

Социальный колорит автор рисует посредством жаргонизмов: *нары, баланда, карцер, менты, обздеколониться...; бранных слов: черт, падла, вурдалак, слизняк, лизоблюд, сволочь... и профессионализмов: эскулап, келья, ладан, психушка* [Поддубская, 2007, с. 42].

Вышеуказанные группы лексики, объединяясь, придают произведению уникальный национальный характер. Тому же служит огромное количество цитат, библейских выражений, ономастической лексики: топонимов: *Лубянка, Кремль, ВДНХ, КГБ, Матросская тишина, антропонимов: Андрей Рублев, Сергий Радонежский, Хрущев, Берия,* а также колоритных фразеологических единиц: *сколько веревочке ни виться; лес рубят – щепки летят; мерли, как мухи; отечество засунули псу под хвост; вот где собака зарыта и т. д.* [Поддубская, 2007, с. 44].

Отметим также огромное количество эпитетов, метафор, сравнений, рисующих картины природы, действующих лиц, их мыслей и чувств. *Читаем в ро-*

мане: «У нас летом синева прозрачнее, синяя-синяя, такого синего цвета я никогда не видел, кроме нашего севера... Такого синего цвета здесь, в средней России, нет... Именно этот удивительный цвет, синий-синий, растворен в нашем Лышегорье и заполняет все – небо, лес, дальний горизонт, реку, озера, речки, ручьи, даже туманы у нас ярко-синие» [Ларионов, 2000, с. 158]. С помощью повторяющегося эпитета – *синий* и расширенного перечисления автор изобразил объемную картину ясного дня. В этой цитате синий цвет пронизывает все, поднимает настроение и заставляет восхищаться красотой природы. Он – символ жизни.

Далее в романе мы снова встречаем синий цвет, но он рисует уже другую картину, создает другое настроение, связанное с уходом из жизни. *«Он осторожно вошел в палату под свет синих ночников, когда лицо и руки обретают нежилой, покойницкий цвет, а одежда становится землистой и неприятной. Алексей больше всего не любил эти синие ночники. Они скорее подходили для мертвецкой палаты...»* [Там же, С.291]. Все тот же синий цвет, а картина и настроение другое. Вот она – кисть мастера.

Рассматривая синтаксические средства романа, в первую очередь, хотелось бы отметить многочисленные случаи изменения структуры предложений, например, внезапный обрыв мысли вследствие взволнованности или нервозности героя, когда его обуревают чувства и мешают мысли: *«Зимушка, миленький, все подъест... Долгие зимы- то, муторные... А у меня на довольствии еще едоки...»* [Там же, С.77].

Как средство выражения эмоционального состояния героев и реалистичного воспроизведения речи в диалогах А. Ларионов использует эллипсы: *«Опять миллионы душ... И, наконец, война...»* В моменты горестных раздумий персонажей отмечены случаи парцелляции, то есть расчленения одной синтаксической структуры предложения в самостоятельные части как средство создания тональности, например: *«Смерть все оправдает. А убийц теперь не ищут. Больно много их развелось»* [Там же, С.216].

Предложения с асиндетическим перечислением глаголов производят эффект торопливости, нервозности и возбуждения (*«Он, как голодный волк, набросился на душу, стал рвать ее, кромсать, уничтожать»*) [Там же, С.62], а полисиндетическая связь в предложениях необходима автору, чтобы показать спонтанность речи: *«И Спас на иконе неожиданно обрел живые черты, глаза его повернулись к Алексею и внимательно его оглядели, и будто пытались проникнуть внутрь, и звали его к себе»* [Там же, С.37].

Говоря об источниках синтаксической выразительности рассматриваемого романа, хотелось бы также упомянуть парентезу – возникновение внезапной мысли внутри другого предложения. Речь идет о многочисленных случаях исторических аллюзий, характеризующих индивидуальную манеру автора, а также о некоторых примерах дигрессий: *«Утром, утолив жажду и насытившись вдоволь ганнибаловой водой (по преданию, источник открыл сам Абрам Петрович), Алексей обратил внимание на картину на мольберте...»* [Там же, С.294].

В качестве излюбленного приема автора, используемого им для обозначения рода занятий персонажей, эмоциональной оценки событий, описания каче-

ства объектов, отношений и т. д., особо хотелось бы отметить огромное количество приложений в тексте. В ходе прочтения романа нами было насчитано более 80 приложений типа: *вожди-идолы, старики-сановники, прелюбодей-партиец, слезы-бусинки, брат-тезка* и пр.

Количество примеров можно было бы многократно умножить, но уже из упомянутых ясно, что изобразительность синтаксиса и лексики – широко распространенное свойство романа «Раскаянье». Все рассматриваемые в статье средства словесной изобразительности сами по себе ничего не прибавляют к содержанию фразы, а рисуют ее таким образом, что читатель может соизмеримо видеть действия и процессы, описываемые в романе. Например: *«Перемещая луч по стене, Алексей обнаружил окно, закрытое изнутри... Потом в углу оказался массивный, на толстых пузатых ножках стол и столь же массивное, обитое старой потрескавшейся кожей кресло с высоким подголовником»* [Там же, С.94]. Здесь автор так использует лексико-синтаксические средства изобразительности, что ощущается реальное движение человеческого взгляда, постепенно охватывающего предметы: взгляд то скользит по стене, то поднимается к окну, затем сдвигается в угол, опускаясь к полу. Синтаксис в соединении с лексикой изображает особенности процесса ознакомления героя с обстановкой незнакомого места. Фраза отчетливо передает впечатление человека, осматривающего комнату: сначала читатель видит движение и лишь затем опознается предмет.

Приведем еще один пример словесно-синтаксического изображения автором напряженного душевного состояния главного героя, движение его мыслей и чувств параллельно с описанием пейзажа, которые время от времени могут соединиться в одном высказывании, где элемент пейзажа выступает как образ, а состояние героя как тема. «*На дворе лил дождь, жестянка подоконников дребезжаще гремела как прохудившееся ведро. Я целый день не замечал этой хмари. Оказывается, и природа оплакивает уход Костромина. Вот и разорвана наша дружеская пуповина, и уже никогда не соединится, не завяжется вновь»* [Там же, С.393]

Из приведенных примеров видно, что все средства словесной изобразительности романа в соединении с синтаксисом выступают не как изолированные явления, а как компоненты образной системы произведения, представляющей собой идиостиль А. Ларионова как личности и художника слова в его языковом выражении.

Список литературы

Ларионов А.В. Раскаянье. Роман.– М.: Советский писатель, 2000. 432с.

Поддубская О.Н. Парадигматические и синтагматические средства словесной изобразительности в романе В. Ларионова «Раскаянье»//Сборник материалов научной конференции «Творчество русского писателя Арсения Ларионова», посвященной 70-летию писателя.– М.: Советский писатель, 2007. С.40-48

Канд. филол. наук С.Ю.Преображенский, О.Я.Бараш (Москва)
preobrag@mail ru, barasolga@yandex.ru

АНАГРАММЫ: «МАСЛО» ИЛИ «ОСЛАМ»? (И.БРОДСКИЙ КАК АНАГРАММИСТ)

М.Л.Гаспаров в своей книге «Записи и выписки» описал опыт поиска анаграмм следующим образом: «Взялся за первое <стихотворение – О.Б.,С.П.>, стал высчитывать особо частотные буквы, и из них безоговорочно сложилось слово «масло»» [Гаспаров, 2001, с. 8]. Тем самым исследователь с очевидностью продемонстрировал, что место анаграмм в системе текстограмматических средств поэтического языка для него осталось полной загадкой. Детальную психолингвистическую интерпретацию анаграмм дал А.В.Пузырев (см., напр. [Пузырев,1995]), однако для привычного анализа художественного текста, особенно построенного на статистическом основании (см., напр., работы В.С.Баевского), эти выкладки оказались совершенно чуждыми. Между тем и на вполне традиционалистском метаязыке можно сформулировать некие принципы описания стратегии анаграммирования. Прием анаграммирования предполагает наличие некоего пучка сходных исключительно по звуковому составу слов, так или иначе представленных в тексте (в том числе на уровне группы рядом стоящих лексем), и воспроизводящих в различных комбинациях умалчиваемое ключевое слово. Стало быть, «слепой» статистический поиск по тексту, скорее всего, не даст результата, потому что группа слов не обязательно велика, и, напротив, гипотеза о ключевом слове обязательно должна быть заранее сформулирована исследователем. В отличие от паронимической аттракции анаграмма не является исходно парным внутритекстовым отношением и с самого начала подразумевает развертывание семантической структуры типа микропрограммы текста. Анаграммы более прагматическое, чем семантическое средство, оно меняет прагматический ракурс сообщения, сохраняя его семантическую основу, стало быть, в максимальной степени ориентирована на конкретную коммуникативную ситуацию и конкретного получателя информации, при этом механизм анаграммирования отправителем скорее бессознательный, а расшифровка анаграмм – вполне сознательное занятие, основанное на допущении.

Анаграммы в стихах И.Бродского редко привлекают внимание исследователей (как, впрочем, и вообще фоника его текстов); С.Николаев полагает, что анаграммирование – прием, нечастый у Бродского [Николаев 2010, с.27]. Хотя нетрудно заметить, например, что в стихотворении «Темза в Челси» звуковой ряд гидронима «Темза» неоднократно повторяется в тексте: «ЗАМираЕТ на банках…»; ТоМас Мор ВЗирАЕТ…»; «ЗАТМЕвает трубу…»: «Можно, глядя в гАЗЕТу…» и т.п. Нетрудно потому, что слово «Темза» не только входит в заглавие стихотворения, но несколько раз повторяется в тексте. Это простой и очевидный случай, однако представляется, что главная причина необнаружения анаграмм в стихах Бродского в том, что ключевое слово часто отсутствует в тексте и может быть расшифровано только с помощью привлечения внетекстовых рядов либо выявления интертекстуальных связей. Так, стихотворение «Полонез: вариация», написанное в 1981 году после введения в Польше воен-

ного положения и посвящено польской подруге Бродского Зофье Капущиньской-Ратайчак (Z.K.); в первых публикациях посвящения не было, а польских реалий как таковых в тексте мало: упоминание Фридерика (Шопена), Коперника и реки Буг, а также полонизм, правда, прочно укорененный в русском языке «фольварк» . Тем не менее уже в первой строке стихотворения зашифровано название страны, о которой идет речь: «Осень в твоем ПОЛуШАрЬи кричит “курлы”…» Ключевое слово – «Польша» - в почти неизменном виде входит в лексему «полушарье» и «подтверждается» дальнейшими строками, в которых повторяется уже в «разлитом» виде тот же звуковой (или звуко-буквенный) ряд: «с обнищАвШей державы сПОЛзает границ подпруга», «а как «ЛАмПу зажжеШь, хоть строчи донОс…», «…тридцать трех ПОЛюбиШь». Вариант данной комбинации: «…на себя в никуда, и ПерО – уЛиКА»; «ПрорывАть КоЛЬцО»; «КОноПЛи, но КОЛЬчугой…» (с заменой *Ш* на *К*) указывает на то, что героиня стихотворения – *полька*. Лишь в последней части этого трехчастного стихотворения, в которой описание героини и ее мира сменяется описанием мира и чувств героя, эти комбинации отсутствуют.

Это лишь один из примеров, показывающий, что фонетический код является для Бродского важным выразительным средством и его расшифровка может оказаться не менее продуктивной для понимания и интерпретации текстов, нежели, например, разъяснение реалий и выявление интертекстуальных связей.

Литература

Гаспаров М.Л. Записи и выписки. – М.: НЛО, 2001

Николаев С.Г. В кафе «Триест» с Иосифом Бродским. //Пристальное прочтение Бродского. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2010.

Пузырев А.В. Анаграммы как явление языка: Опыт системного осмысления. – М.: Пенза, 1995. 378 с.

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, студ. И.А.Белова, О.В.Филимонова
(Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru ; irabelova@list.ru ; olda.filimonova@yandex.ru

УСТАНОВКИ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА

В настоящей статье разбору подвергаются физические, личностные, межличностные и этнические установки (аттитюды) М.Ю.Лермонтова. Специфика статьи заключается в том, что основное внимание в ней обращается, во-первых, на речевое проявление некоторых из указанных установок, и, во-вторых, на свидетельства современников, знавших поэта и писателя непосредственно.

Первый вопрос, который рассматривается нами, формулируется следующим образом: в какую группу писателей входит М.Ю.Лермонтов, – в число тех, кто характеризуется большим объёмом прозаических произведений, или тех, кто тяготеет к малой прозаической форме?

Для ответа на первый поставленных вопрос была использована методика, предложенная в статье А.В.Пузырёва, М.А.Андреенко и А.Григорян [А.В.Пузырёв и др., 2015а]. Книги писателя были взяты в Интернете и скачаны в формате DOC. С помощью автоматической функции в программе Microsoft Word были подсчитаны количество страниц (А4) и количество слов в каждом произведении. Все скачанные тексты были переведены в один шрифт (Times New Roman) и кегль (12). Было подсчитано также среднее арифметическое значение количества страниц и слов в текстах указанного писателя. Поскольку у одного и того же автора к анализу привлекались произведения заведомо разных жанров (рассказы, очерки, романы), другие статистические методики – в силу очевидности неоднородности выборок – нами не использовались. Результаты наблюдений сведены в таблицу 1:

Табл. 1. Объём прозаических произведений М.Ю.Лермонтова

Произведение	***Количество страниц в А4***	***Кол-во слов в произведении***
Кавказец (очерк)	2	1032
Княгиня Лиговская	37	19499
Я хочу рассказать вам (очерк)	3	1207
Штосс	10	4759
Вадим	58	32230
Панорама Москвы	4	1822
Герой нашего времени	76	41580
Среднее арифметическое значение	27,1	66489

Полученные результаты позволяют утверждать, что М.Лермонтов как писатель-прозаик входит в группу писателей, тяготеющих к малой прозаической форме (таких, как Н.Гоголь, И.Тургенев, А.Чехов, А.Куприн, И.Бунин). Но тяготение к малой прозаической форме, как ранее было указано в статье [А.В.Пузырёв и др., 2015а, с. 89], может свидетельствовать о том, что Миша Лермонтов в самом раннем детстве недополучил любви и обожания со стороны родных и близких.

Единственное замечание предварительного характера, которое можно себе позволить, заключается в том, что в работе используется пирамида установок, включающая семь иерархически расположенных уровней, см. рис. 1 [А.В.Пузырёв, 2015б, с. 14].

На основе использования словарей антонимов русского языка нами формулируются конструктивные и деструктивные качества личности М.Ю.Лермонтова, соответствующие физическому, личностному, межличностному и этническому уровням установок (аттитюдов). Использование словарей антонимов русского языка позволяет дать обильный материал для группирования социальных качеств личности по соответствующим уровням установок [Л.А.Введенская, 2003; Л.А.Введенская, 2010; М.Т.Львов, 1984].

Перейдём к последовательному анализу социально-психологических установок рассматриваемого автора.

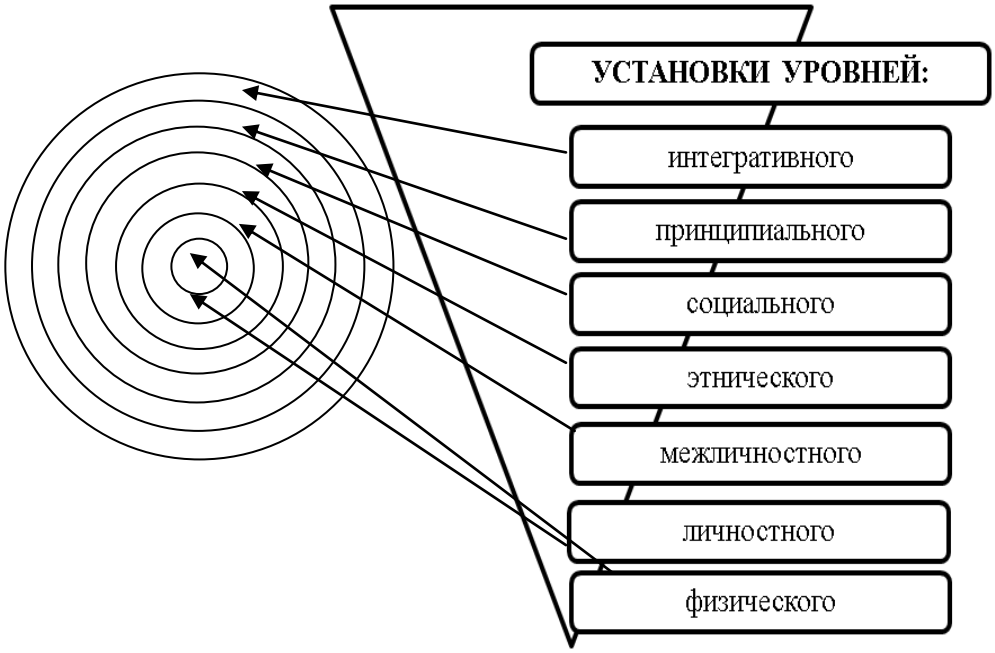

Рис. 1 – Иерархия уровней установок

Физические установки. Как известно, самым важным периодом для формирования личности (и её установок) является начало жизни, с момента рождения до 1,5 – 2 лет. Именно в это время закладывается базовое доверие к окружающему миру или, напротив, глубокое недоверие к нему. Младенчество – это сензитивный период ***для формирования установок физического уровня*** – жить или умереть. «Ребёнку должно быть сообщено основное чувство, что мир хорош» [Б.Ливехуд, 2000, с. 145]. С одной стороны, «ребёнок вначале не выделяет даже своего тела из окружающего мира вещей», а с другой, «у ребёнка уже на 2-м мес. появляются далее всё развивающиеся и усложняющиеся специфические реакции социального характера (на человеческий голос, на выражение человеческого лица), активный поиск контакта с другим человеком…» [Л.С.Выготский, 1984, с. 305, 316-317]. Как формулирует Э.Эриксон, именно в это время, время младенчества, закладывается фундаментальное стремление к жизни или стремление к смерти [см.: Л.Д.Столяренко, 2000, с. 120]. Постоянное общение с матерью является главным фактором формирования установок жизнеутверждающего или разрушительного характера. Базовое доверие к миру проявляется в лёгкости кормления, хорошем сне ребёнка, нормальной работе кишечника, умении ребёнка ждать мать. Если же мать тревожна, невротична, а обстановка в семье напряжена и ребёнку не уделяют достаточного внимания, то формируется базовое недоверие к миру, устойчивый пессимизм, а психическое развитие ребёнка резко замедляется.

Именно в это время, по нашему мнению, формируются следующие качества личности (см. табл. 2):

Табл. 2 – Признаки установок физического уровня

Физические установки	
Жить	**Умереть**
1) доверяющий миру, сильный	1) не доверяющий миру, слабый
2) оптимистичный, весёлый, жизнерадостный	2) пессимистичный, грустный, тяжёлый
3) энергичный, резвый, жизнерадостный, характеризующийся избытком энергии,	3) неэнергичный, безжизненный, вялый, характеризующийся недостатком (энергии),
4) живой, здоровый (обладающий здоровьем), нормальный, плодовитый, многодетный, долго живший	4) мёртвый, больной (страдающий какой-либо болезнью), болезненный, бесплодный, малодетный, мало живший
5) красивый	5) некрасивый, уродливый, безобразный

Какое отношение сказанное имеет отношение к Михаилу Юрьевичу Лермонтову? Имеющиеся сведения позволяют утверждать, что у М. Ю. Лермонтова в возрасте до 2 лет была сформирована на физическом уровне социально-психологическая установка «умереть». Проявлением этой психологической установки стало формирование таких качеств, как: **недоверие миру, пессимистичность, недостаточность энергии, болезненность, уродливость.**

Имеющиеся сведения позволяют предполагать, что М. Ю. Лермонтов в возрасте до 2 лет сформировал психологическую установку **«умереть»**.

Миша Лермонтов не мог сформировать ***фундаментальное доверие к миру*** хотя бы потому, что жил в неполной семье, под опекой бабушки, без отца и матери. В.П.Авенариус пишет: «Всегда нервная, хрупкая здоровьем, молодая мать будущего поэта, Марья Михайловна, далеко не была счастлива с мужем. Её находили часто в слезах, и единственным её утешением было фортепьяно, за которым она сидела по часам с малюткой своим на коленях. Играя, она плакала, и унаследовавший её нервность ребёнок плакал вместе с нею. Не было мальчику и трёх лет, как бедная мать скончалась от злой чахотки (24 февраля 1817 г.). Отец, давно не ладивший с тёщей, вскоре после похорон жены укатил навсегда из Тархан, оставив маленького сына временно на руках старушки-бабушки, которая как женщина, и притом с большими средствами, естественно, лучше бесприютного вдовца-отца могла воспитать ребёнка.

Когда маленький Мишель стал подрастать, отец неоднократно требовал у тёщи возвращения ему сына; но Арсеньева и слышать об этом не хотела, и свидания между отцом и сыном происходили только изредка и урывками» [В.П.Авенариус, 1914, с. 10-12].

В связи с фундаментальным недоверием к жизни маленький Мишель отличался ***пессимистичностью***, затем отразившейся в его творчестве и неоднократно отмечавшейся многими биографами и критиками: «Лермонтов как поэт, явно недовольный жизнью, давно причислен к пессимистам» [С.А.Андреевский, 2002, с. 368]; «Лермонтов пессимист в такой же степени, как и Шопенгауэр» [И.Р.Эйгес, 2002, с. 533] и мн. др.

В возрасте до двух лет Миша Лермонтов характеризовался ***вялостью*** и ***болезненностью***: «Телосложения маленький Лермонтов был довольно слабого, косолап и ростом мал» [В.П.Авенариус, 1914, с. 14]. Внешность Лермонтова была для него источником многих переживаний: как рассказывала одна его хорошая знакомая (Сушкова-Хвостова), «смолоду его грызла мысль, что он дурен, нескладен, незнатного происхождения, и в минуты увлечения он признавался мне не раз, как бы хотелось ему попасть в люди, а главное – никому в этом не быть обязану, кроме самого себя» [В.П.Авенариус, 1914, с. 18].

Как известно (об этом часто рассказывают экскурсоводы Тархан), в свои три с половиной года Миша Лермонтов ещё не ходил. Помогла поездка на Кавказ на четвёртом году его жизни, после которой он и начал ходить.

О ***нездоровье*** мальчика в младенческие годы пишет и А.М.Скабичевский: «А здоровье мальчика действительно могло внушать опасения: очевидно, он от матери наследовал крайнее худосочие, был ребёнок и золотушный, и рахитичный, вечно покрытый то сыпью, то мокрыми струпьями, так что рубашка прилипала к его телу. Кривизна ног, составлявшая впоследствии источник сокрушений Лермонтова при его претензии на роль женского сердцееда и приравнивавшая его несколько в этом отношении к колченогому Байрону, была прямым следствием английской болезни».

Всё сказанное (и другие имеющиеся данные) подтверждает наличие сформированной в самом раннем детстве маленьким Мишелем Лермонтовым фундаментальной установки **умереть**.

Личностные установки. Многочисленные исследования в сфере возрастной психологии – относительно возраста с 1,5 до 3-4-х лет, – свидетельствуют о том, что с того момента, как ребёнок научается ходить, обучается контролировать себя при выполнении актов мочеиспускания и дефекации, у него запускается такая психологическая установка, как стремление к самостоятельности, опрятности, автономии. И здесь многое зависит от родителей. Если они не подавляют желания ребёнка, не наказывают за провинности, то в нём формируются гармоничные ***установки личностного уровня***. Именно в это время он впервые рождается как личность, как «Я», проходит через стадию автономной детской речи, именно в это время в нём закладывается творческое начало (см. работы З.Фрейда, Э.Эриксона, Д.Б.Эльконина, Л.С.Выготского, В.В.Давыдова). В тех же случаях, когда он подвергается социальному порицанию, осуждению и, тем более, физическому наказанию, ребёнок нередко демонстрирует или протест-бунт, или возрастание отрицания себя как личности. Психика ребёнка оказывается местом столкновения двух противоположно направленных мотивов-тенденций: *хочу* (Я сам) и *надо* (соответствовать требованиям взрослых). В конце второго года жизни возрастной кризис данного периода жизни преодолевается легко, после 3-х лет осложняется и затягивается (Л.И.Божович).

Личностные установки направлены на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь, как и на других уровнях, могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана).

Именно в это время, с 1,5 до 3-4-х лет, по мнению многих исследователей, формируются следующие качества личности (см. табл. 3):

Табл. 3 – Признаки установок личностного уровня

Личностные установки	
Развиваться, раскрываться	**Деградировать, не раскрываться**
1) осознающий свою важность в этом мире, смелый	1) не осознающий своей важности в этом мире, боязливый, трусливый, застенчивый
2) уверенный в себе, спокойный; самостоятельный, весёлый	2) неуверенный в себе, беспокойный, нервозный, зависимый, беспомощный, тоскливый
3) умный, ориентирующийся на истину, сообразительный, внимательный, дальновидный, серьёзный, точный, образованный, просвещённый	3) глупый, ориентирующийся на авторитеты; бестолковый, рассеянный, близорукий, легкомысленный, неаккуратный, невежественный, непросвещённый
4) одарённый, талантливый (даровитый, обладающий талантом)	4) бездарный (лишённый таланта, одарённости)
5) творческий, интересный, инициативный, деятельный, трудолюбивый, умелый	5) нетворческий, занудный, пассивный, ленивый, неумелый

Какие личностные установки были сформированы у М.Лермонтова? Имеющиеся сведения позволяют утверждать, что у М. Ю. Лермонтова в возрасте от 2-х до 3-4-х лет была сформирована на личностном уровне социально-психологическая установка «раскрываться». Проявлением этой психологической установки стало формирование таких качеств, как ***осознание своей важности в этом мире, уверенность в себе, сообразительность, образованность, одарённость, талантливость, творчество.***

Несомненно ***осознание*** маленьким Мишелем (так в детстве называли М.Ю.Лермонтова) ***своей важности в этом мире***. Этому способствовало то обстоятельство, что мальчик был баловнем своей бабушки – всевластной в своём поместье Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. П.А.Висковатов отмечает: «Всеобщее баловство и любовь делали из него баловня, в котором, несмотря на прирождённую доброту, развивался дух своеволия и упрямства, легко при недосмотре переходящий в детях в жестокость. Елизавета Алексеевна так любила своего внука, что для него не жалела ничего, ни в чем ему не отказывала. Всё ходило кругом да около Миши. Все должны были ему угождать, забавлять его» [П.А.Висковатов, 1989].

Это ощущение своей важности в мире не могло не подпитывать у маленького Мишеля ***уверенности в себе***. Известно, например, безоглядное заступничество маленького мальчика за крестьянку, которую должны были высечь: «Мишу позвали к столу, и он, как всегда, перед тем как сесть за стол, посмотрел во двор. Заметив, что Марфушу повели, мальчик, не думая о последствиях,

выскочил через девичью как был, в одной рубашечке, во двор и по снегу побежал освобождать Марфушу. Миша бросился с кулаками на Абрама Филипповича, укусил ему палец и стал кидаться на кучеров, которые вели девушку. Все растерялись и остановились, в недоумении переглядываясь.

Наконец Абрам Филиппович опомнился, быстро подхватил мальчика на руки и понёс домой. Миша укусил его за ухо. Тем временем из саней возле девичьей выбежали Христина Осиповна в одном платье, Андрей Соколов, Лукерья. Управляющий передал ребёнка на руки Андрею и стал отирать кровь с уха» [Т.Н.Толстая, 1964, с. 24].

В этом же возрасте М.Лермонтов проявлял себя как ***сообразительный*** и ***одарённый*** мальчик. «С нежнейшего возраста бабушка следила за играми внука. Её поражала ранняя любовь его к созвучиям речи. Едва лепетавший ребенок с удовольствием повторял слова в рифму: «пол-стол» или «кошка-окошко», ему ужасно нравилось, и, улыбаясь, он приходил к бабушке поделиться своею радостью» [П.А.Висковатов, 1989]. О том же самом стремлении маленького мальчика к рифмам пишет и Т.Н.Толстая: «Ребенок, единственный среди взрослых, играл с нянями в детской у окна, что-то шепча. Вдруг с просиявшим личиком он приполз к бабушке и застенчиво сел на полу возле неё.

– Баба: окошко – кошка, слышишь? Стол – пол.

Арсеньева прислушалась:

– Что же, Миша, стол – пол?

Видя, что бабушка его не понимает, он отвернулся недовольный, сам же объяснить не мог.

Афанасий Алексеевич спросил:

– А может, он в стихи играет? Ведь стол и пол – рифма. Кошка и окошко – тоже.

Гости заинтересовались:

– А сколько ему?

– Немного больше двух с половиной.

– Рано. Разве кто насчёт рифмы в таком раннем возрасте понимает? Ведь он говорить ещё толком не умеет.

Не зная ещё грамоты, едва умея ходить и предпочитая ползать, маленький Лермантов хорошо уже мог произносить слова и любил говорить в рифму. Это тогда ещё было замечено и дворовыми и несколькими соседями, которые часто бывали у Арсеньевой. К этому его никто не приучал, да и довольно мудрено в таком возрасте приучить к разговору в рифму!» [Т.Н.Толстая, 1964; см. также: http://www.mlermontov.ru/childhood]. ***Одарённость*** Мишеля проявлялась и в том, что ещё не научившись ходить, он уже рисовал: «Миша рос медленно, ходить ещё не начал, а ползал по полу, не вставая на ноги. Головка у него была большая, ноги плохо поддерживали тяжесть тела. Миша любил чертить мелом на полу, и, несмотря на то что няня старалась отучить его от этой «пачкотни», бабушка и мать велели ему не мешать.

Елизавета Алексеевна, помня пророчество повитухи, говорила дочери:

– А может, знаменитый живописец будет?

На это Мария Михайловна, влюблённо глядя на сына, отвечала:

– Дай-то бог!» [Т.Н.Толстая, 1964].

Одарённость Мишеля проявлялась в том, что «он был обучен игре на фортепиано и на скрипке, отлично рисовал, лепил из крашеного воска целые сценки, вроде охоты за зайцами с борзыми, перехода через Граник и сражения при Арбелах со слонами и колесницами, украшенными стеклярусом и косами из фольги» [А.М.Скабичевский]. В последнем контексте обозначается и то, что маленький Миша Лермонтов рос ***умелым*** мальчиком.

Таким образом, есть все основания утверждать, что у М. Ю. Лермонтова в возрасте до 3-4-х лет была сформирована на личностном уровне социально-психологическая установка «**раскрываться**».

Сам же Лермонтов был убеждён в своём даре и своих творческих силах. Вл.С.Соловьёв пишет: «В отроческих и ранних юношеских произведениях Лермонтова (которых сохранилось гораздо больше, чем зрелых) почти во всех или прямо высказывается, или просвечивает решительное сознание, что он существо избранное и сильное, назначенное совершить что-то великое. В чем будет состоять и к чему относиться это великое, он ещё не может и намекнуть. Но что он призван совершить его – несомненно. <…> Подобных этому заявлений у начинающего поэта не оберёшься, и было бы слишком долго их приводить. Мы могли бы смеяться над самоуверенной заносчивостью мальчика, если бы он действительно не обнаружил несколько лет спустя чрезвычайных сил ума, воли и творчества. А так как он их обнаружил, то в этих ранних заявлениях о своём будущем величии мы должны признать не пустую претензию и не начало мании, а лишь верное самочувствие или инстинкт самооценки, который даётся всем избранным людям» [Вл.С.Соловьёв, 2002, с. 390].

Межличностные установки. Из исследований в сфере возрастной психологии известно, что период от 3-4 до 5-ти лет является сензитивным (благоприятным) для формирования межличностных отношений с близкими и родными людьми. У М.Ю.Лермонтова ситуация осложнялась тем, что он был единственным ребёнком, а в подобных случаях навыки ответственного отношения к связям межличностного характера не могут быть сформированы, а может формироваться только лишь ***стремление к деспотизму***: «У ребёнка появляется желание проявлять деспотическую власть по отношению к окружающим. <…> Ему должны достать всё, что он требует; есть он этого не станет, а будет есть то, что он хочет. Ребёнок изыскивает тысячи способов, чтобы проявить власть над окружающими» [Л.С.Выготский, 1984, с. 371]. Тот факт, что Мишель был единственным ребёнком в семье, заставляет уверенно предполагать, что он в принципе **не мог сформировать** полноценную **конструктивную установку на принятие ответственности за межличностные отношения** (см. табл. 4).

Маленький Мишель рос избалованным, ***капризным, тяжёлым*** в общении ребёнком: «Нельзя сказать, что положение всеобщего баловня благотворно отражалось на характере ребёнка. Оно развивало в нём деспотические наклонности, необузданное своеволие, привычку ни в чем себе не отказывать, не терпеть ни малейшего отпора своим прихотям и капризам и даже некоторую жестокость. Так, во втором отрывке из неоконченной повести Лермонтов, описывая детство Саши Арбенина и подразумевая в нём до некоторой степени самого се-

бя, изображает своего героя «преизбалованным и пресвоевольным ребенком»… «Он семи лет умел уже прикрикнуть на непослушного лакея. Приняв гордый вид, он умел с презрением улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тем, природная всем склонность к разрушению развивалась в нем необыкновенно. В саду он то и дело ломал кусты и срывал лучшие цветы, усыпая ими дорожки. Он с истинным удовольствием давил несчастную муху и радовался, когда брошенный им камень сбивал с ног бедную курицу». Нет сомнения, что теми тяжёлыми, антипатичными чертами характера, которыми впоследствии отличался Лермонтов, он был обязан именно этой вредной системе воспитания, весьма заурядной в дворянских, помещичьих семьях того времени» [А.М.Скабичевский].

Табл. 4 – Признаки установок межличностного уровня

Межличностные установки	
Брать ответственность за отношения	**Не брать ответственность за отношения**
1) спокойный, общительный, доступный, коммуникабельный; располагающий к себе, вежливый, лёгкий, уживчивый, тактичный	1) капризный, необщительный, замкнутый, некоммуникабельный, неприятный, грубый, тяжёлый, непокладистый, бестактный
2) честный; верный, непритворный, искренний; правдивый	2) нечестный, бессовестный; вероломный, неверный, двоедушный; фальшивый, лицемерный; лживый
3) доверчивый, простодушный	3) подозрительный, хитрый
4) добрый, доброжелательный, сердечный, ласковый, заботливый, отзывчивый	4) злой, недоброжелательный, бессердечный, грубый (строгий), отстранённый, безразличный; равнодушный; агрессивный
5) благодарный, бескорыстный	5) неблагодарный; корыстный, жадный

Далее свидетельства современников разнятся. Часть из них утверждает, что М.Ю.Лермонтов рос злым, недоброжелательным, агрессивным мальчиком. П.А.Висковатый пишет: «По свидетельству школьных товарищей, Лермонтов был хорош со всеми однокашниками, хотя некоторые из них не очень любили его за то, что он преследовал их своими остротами за все ложное, натянутое и неестественное, чего никак не мог переносить» [П.А.Висковатый, 1891, с. 31]. Ср. более поздние по своему характеру воспоминания Вистенгофа: «Мы стали замечать, что в среде нашей аудитории между всеми нами один только человек как-то рельефно отличался от других; он заставил нас обратить на себя особенное внимание. Этот человек, казалось, сам никем не интересовался, избегал всякого сближения с товарищами, ни с кем не говорил, держал себя совершенно замкнуто и в стороне от нас, даже и садился он постоянно на одном месте, всегда отдельно, в углу аудитории, у окна; по обыкновению, подпершись локтем, он читал с напряженным, сосредоточенным вниманием, не слушая преподавания профессора. Даже шум, происходивший при перемене часов, не произ-

водил на него никакого впечатления. Он был небольшого роста, некрасиво сложен, смугл лицом, имел темные, приглаженные на голове и висках волосы и пронзительные темно-карие (скорее серые) большие глаза, презрительно глядевшие на все окружающее. Вся фигура этого человека возбуждала интерес и внимание, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилия его – Лермонтов. Прошло около двух месяцев, а он неизменно оставался с нами в тех же неприступных отношениях. Студенты не выдержали. Такое обособленное исключительное поведение одного из среды нашей возбуждало толки. Одних подстрекало любопытство или даже сердило, некоторых обижало. Каждому хотелось ближе узнать этого человека, снять маску, скрывавшую затаенные его мысли, и заставить высказаться.

Однажды студенты, близко ко мне стоявшие, считая меня за более смелого, обратились ко мне с предложением отыскать какой-нибудь предлог для начатия разговора с Лермонтовым и тем вызвать его на какое-нибудь сообщение. «Вы подойдите, Вистенгоф, к Лермонтову и спросите его, какую это он читает книгу с таким постоянным, напряжённым вниманием? Это предлог для разговора самый основательный», – сказал мне студент Красов, кивая головой в тот угол, где сидел Лермонтов. Умные и серьёзные студенты Ефремов и Станкевич одобрили совет этот. Недолго думая, я отправился. «Позвольте спросить вас, Лермонтов, какую это книгу вы читаете? Без сомнения, очень интересную, судя по тому, как углубились вы в неё. Нельзя ли ею поделиться и с нами?» – обратился я к нему, не без некоторого волнения, подойдя к его одинокой скамейке. Мельком взглянув в книгу, я успел только распознать, что она была английская. Он мгновенно оторвался от чтения. Как удар молнии сверкнули его глаза; трудно было выдержать этот насквозь пронизывающий, неприветливый взгляд. «Для чего это вам хочется знать? Будет бесполезно, если я удовлетворю вашему любопытству. Содержание этой книги вас нисколько не может интересовать, потому что вы не поймёте тут ничего, если я даже и сообщу вам содержание её», – ответил он мне резко, приняв прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Как бы ужаленный, бросился я от него» [П.А.Висковатый, 1891, с. 20-21].

Н.К.Михайловский пишет: «Есть доля фактической правды даже в отдающем цинизмом замечании кн. Васильчикова, что если бы и не Мартынов, так всё равно кто-нибудь другой рано или поздно убил бы Лермонтова. <…> По свидетельству всех, оставивших какие-нибудь воспоминания о Лермонтове, как людей, благорасположенных к нему, так и не расположенных, немногие из его знакомых пользовались его искреннею и нежною привязанностью, а ко всем остальным он относился презрительно, заносчиво, враждебно, точно нарочно изыскивая предлоги к неприятностям и открытым столкновениям» [Н.К.Михайловский, 2002, с. 341].

С другой стороны, Миша Лермонтов рос ***честным*** и ***правдивым*** мальчиком. Данные качества могли быть привиты ему бабушкой, которая служила ему личным примером честности: «Вся родня Арсеньевых отличалась, как мы сказали уже, своей правдивостью, исполнением данного слова и принятых обязанностей» [П.А.Висковатый, 1891, с. 11]. Будучи честным, М.Ю.Лермонтов тре-

бовал этого и от окружающих его людей. Он не терпел лжи и лицемерия, это огорчало и злило его: «Одна фальшивая нота заставляла его съёжиться в самом себе и нарушала все душевное равновесие. Восстановление прежних отношений делалось уже немыслимым. Нежнейшие струны, вновь связанные, не могли издавать прежнего, чистого звука. При всем желании возобновить порванные отношения, это не удавалось Лермонтову, и он переходил к сарказму, в котором не щадил ни себя, ни других. От этого он внутренне чувствовал себя еще более несчастным» [П.А.Висковатый, 1891, с. 25].

Таким образом, имеющиеся сведения позволяют утверждать, что у М.Ю.Лермонтова в возрасте 3-5 лет была сформирована достаточно противоречивая установка межличностного уровня – в меньшей степени ***брать***, в большей степени ***не брать ответственность за межличностные отношения***.

Этнические установки. Почти одновременно с межличностными, но чуть позже, примерно в четыре года ребёнок начинает понимать, что он принадлежит к конкретной национальной общности. Общение вне дома, разговоры с родителями способствуют его этнической самоидентификации. Известно, что ***этнические установки*** относятся к наиболее устойчивым психологическим установкам личности, поскольку они:

– по своему содержанию чрезвычайно консервативны;

– включают в себя яркие образы;

– передаются от поколения к поколению и

– опосредуют действия и поведение человека как представителя конкретной этнической общности [H.Tajfel 1981: 78-80; см. также: В.Г.Крысько 2009: 130]. Будучи заложенными в памяти представителей конкретной этнической общности, национальные установки «извлекаются» из неё автоматически и во многом предопределяют поведение личности в том или ином виде деятельности. Наиболее отчётливо этнические установки проявляются в межнациональных контактах. О том, что этнические установки закладываются в достаточно раннем детстве, пишут многие исследователи [см.: H.Tajfel 1981; Ю.В.Бромлей 1981 и др.]. Как пишет Т.Г.Стефаненко, первые «проблески» диффузной идентификации с этнической группой большинство авторов обнаруживает у детей 3 – 4-х лет, есть даже данные о первичном восприятии ярких вешних различий – цвета кожи, волос – детьми до трёх лет. Но практически все психологи согласны с тем, что *реализованной этнической идентичности* ребёнок достигает в подростковом возрасте, когда рефлексия себя приобретает для человека первостепенное значение [Т.Г.Стефаненко 2009: 250]. К 4 – 6 годам сверстник по привлекательности начинает обгонять взрослого в качестве желанного партнёра, игра становится совместной, коммуникация со сверстниками стимулирует использование речи в большей степени, чем общение со взрослым [Н.В.Коптева 1996: 6], что оказывается существенным фактором становления и развития установок межличностного, этнического и собственно социального плана (см. табл. 5).

Какого рода этнические установки характеризовали Лермонтова?

Табл. 5 – Признаки установок этнического уровня

Этнические установки	
способствовать национальному возрождению	**способствовать национальному вырождению**
1) осознающий важность вопроса о своей национальной принадлежности	1) не принимающий важности вопроса о своей национальной принадлежности
2) альтруистичный, работающий на благо своего этноса	2) эгоистичный, работающий на собственное благо
3) обладающий развитой национальной идентичностью	3) обладающий ослабленной национальной идентичностью
4) националистичный, симпатизирующий представителям своего этноса	4) космополитичный, не видящий разницы между представителями различных этносов
5) плодовитый, многодетный	5) бездетный

Знакомство с детством поэта позволяет предполагать, что у М.Ю.Лермонтова в возрасте 4-х лет стали формироваться **конструктивные этнические установки**. Так, он рано осознал ***важность своей национальной принадлежности***. П.А.Висковатов пишет: «О разных славных битвах восторженно рассказывал своему питомцу Капэ. Но особенно его трогали рассказы о бородинском сражении, и в этом случае мальчик-поэт не внимал своему наставнику, а всецело склонялся на сторону русских рассказчиков, которых было немало» [П.А.Висковатый, 1891, с. 6].

«Платя дань обычаю времени, бабушка старалась сделать для внука французский язык родным. Тетради носят на себе следы этих французских упражнений. Даже переписка Лермонтова-юноши с близкими людьми велась на французском языке. Но поразительно верное чутье, которым всегда отличался поэт наш, рано подсказало ему, что не иноземная, а русская речь должна служить его гению. С Лермонтовым не повторялось того, что видим мы в Пушкине, – он не на французском языке пишет свои первые опыты» [П.А.Висковатый, 1891, с. 8].

Эти и другие высказывания исследователей позволяют утверждать, что Миша Лермонтов с детства обладал развитой национальной идентичностью. Вероятней всего, именно эта ***развитая национальная идентичность*** сквозит в словах:

– Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спалённая пожаром,
Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые?
Да, говорят, ещё какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина.

Симпатизирование представителям своего этноса сквозит здесь в каждой строке. Ср. также: «Родная литература наша тогда ещё мало могла дать ему. Образцовые наши поэты бледнели от сравнения с иностранными, так что около того времени Белинский мог говорить о несуществовании русской литературы. Лермонтов в тех тетрадях, в которых занят Байроном, как бы с отчаянием восклицает: «Наша литература так бедна, что я из неё ничего не могу заимствовать. В пятнадцать же лет ум не так быстро принимает впечатления, как в детстве, но тогда я почти ничего не читал. Однако же если захочу вдаться в народную поэзию, то верно нигде больше не буду её искать, как в русских песнях» [П.А.Висковатый, 1891, с. 15].

«Лермонтов в год смерти ещё выражает мысль, что любит родину особою любовью, не за то, за что ее прославляют, не за политическое могущество и военную славу. «Ни слава, купленная кровью, ни полный гордого доверия покой, не шевелят в нём отрадного мечтанья» [П.А.Висковатый, 1891, с. 38].

Альтруистичная направленность личности М.Ю.Лермонтова проявляется, например, и в его письменном показании относительно побудительных причин своего стихотворения «На смерть Пушкина»: «Я был ещё болен, когда разнеслась по городу весть о несчастном поединке Пушкина. Некоторые из моих знакомых привезли её и ко мне, обезображенную разными прибавлениями. Одни, приверженцы нашего лучшего поэта, рассказывали с живейшею печалью, какими мелкими мучениями, насмешками он долго был преследуем и, наконец, принужден сделать шаг, противный законам земным и небесным. Другие, особенно дамы, оправдывали противника Пушкина, называли его благороднейшим человеком; говорили также, что Пушкин негодный человек и прочее... Невольное, но сильное негодование вспыхнуло во мне против этих людей, которые нападали на человека, уже сражённого рукою Божией, не сделавшего им никакого зла и некогда ими восхваляемого: и врождённое чувство в душе неопытной – защищать всякого невинноосуждаемого – зашевелилось во мне ещё сильнее по причине болезни раздражённых нервов... Наконец, после двух дней беспокойного ожидания, пришло печальное известие, что Пушкин умер, и вместе с этим известием пришло другое – утешительное для сердца русского: Государь Император, несмотря на прежние заблуждения Пушкина, подал великодушно руку помощи несчастной жене и малым сиротам его. Чудная противоположность его поступка с мнением (как меня уверяли) высшего круга общества увеличила в моём воображении, очернила ещё более несправедливость последнего... Тогда, вследствие необдуманного порыва, я излил горечь сердечную на бумагу, не полагая, что написал нечто предосудительное... Правда всегда была моей святыней; и теперь, принося на суд свою повинную голову, я с твёрдостью прибегаю к ней, как единственной защитнице благородного человека перед лицом царя и лицом Божиим» [В.П.Авенариус, 1914, с. 41-42]. Конечно, нельзя не делать поправок на условия появления данного показания, но то, что в действиях М.Ю.Лермонтова отсутствовал всякий элемент корысти и выгоды, утверждать можно с полным на то основаниям.

Об альтруистичности Лермонтова свидетельствует и то, что, как указывает П.А.Висковатый, «ему приходило даже на мысль вызвать убийцу и мстить **за гибель русской славы» [**П.А.Висковатый, 1891, с. 42].

Единственное отступление от конструктивной направленности этнических установок проявляется в бездетности М.Ю.Лермонтова, но при том семейном сценарии, который был им унаследован и воплощался в жизнь, на многодетность М.Ю.Лермонтову рассчитывать было более чем затруднительно.

Таким образом, имеющиеся сведения позволяют утверждать, что у М.Ю.Лермонтова в возрасте 4-х лет формировалась на этническом уровне положительная социально-психологическая установка – **«способствовать национальному возрождению».** Проявлением этой психологической установки стало формирование у него таких качеств, как **осознание важности своей национальной принадлежности, работа на благо этноса, развитая национальная идентичность, националистичность.**

В качестве заключения можно сформулировать вывод о том, что в раннем детстве М.Ю.Лермонтова им были сформированы (и затем – материализованы) достаточно противоречивые установки: в большей степени негативные на физическом и межличностном уровнях и в бóльшей степени конструктивные на личностном и этническом уровнях.

Цитируемая литература

Авенариус В.П. М.Ю. Лермонтов : биографический очерк / В.П. Авенариус. – СПб : Изд-во книжного магазина П.Б. Луковникова, 1914. – 63 с.

Андреевский С.А. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М.Маркович, Г.Е.Потапова, коммент. Г.Е.Потаповой и Н.Ю.Заварзиной. – СПб. : РХГИ, 2002. (Русский путь). Т. 1. С. 352-369.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М., 1981.

Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка : Более 500 антонимических гнёзд. – М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 445, [3] с.

Введенская, Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. – 3-е изд. – Ростов н/Д. : ИЦ «МарТ»; Феникс, 2010. – 320 с.

Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов : Жизнь и творчество. В двух томах. – М. : Книга, 1989. – Репринтное издание. – Электронный ресурс: http://dugward.ru/library/lermont/viskovatiy_lerm.html.

Висковатый П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – М. : Современник, 1891. – 74 с.

Выготский Л. С. Детская психология // Л.С.Выготский. Собрание сочинений : В 6-ти т. Т. 4 / Под ред. Д.Б.Эльконина. М. : Педагогика, 1984. – 432 с., ил. – (Академия пед.наук СССР).

Коптева, Н. В. Карта возрастов : Психическое и личностное развитие от 0 до 18 лет. В помощь родителям и учителям. – Пермь : ГКОН-ЗУУНЦ, 1996. – 18 с.

Крысько, В. Г. Этническая психология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В. Г. Крысько. – 5-е изд., стер. – М. : Издательский центр «Академия», 2009. – 320 с.

Ливехуд, Б. Ход жизни человека // Психология возрастных кризисов : Хрестоматия / сост. К.В.Сельченок. – Мн. : Харвест, 2000. – С. 142-194.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2000 антонимических пар / Под редакцией Л. А. Новикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 384 с.

Михайловский Н.К. Герой безвременья // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М.Маркович, Г.Е.Потапова, коммент. Г.Е.Потаповой и Н.Ю.Заварзиной. – СПб. : РХГИ, 2002. (Русский путь). Т. 1. С. 322-348.

Пузырёв А.В. Детство известных писателей и объём их произведений // Язык и мышление: Психологические и лингвистические аспекты: Материалы XV-й Международной научной конференции (Орехово-Зуево, 13-15 мая 2015 г.) / Отв. ред. проф. А.В. Пузырёв. М.: Ин-т языкознания РАН, Институт русского языка РАН; Орехово-Зуево: ГОУ ВО МО «Московский государственный областной гуманитарный институт», 2015а (в соавт.: М.Андреенко, А.Григорян). С. 77-91.

Пузырёв А.В. Установка *болеть* как социально-психологическое явление : Автореферат … канд. психол. наук / спец. 19.00.05 – социальная психология (психологические науки). – М. : МГОУ, 2015б. 25 с.

Скабичевский А.М. М.Ю.Лермонтов . Его жизнь и литературная деятельность : Биографический очерк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/lermontov-gzl.html#vtor

Соловьёв Вл. С. Лермонтов // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. – СПб. : РХГИ, 2002. (Русский путь). Т. 1. С. 381-398.

Стефаненко, Т. Г. Этнопсихология : Учебник для вузов / Т.Г.Стефаненко. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2009. – 368 с.

Столяренко, Л. Д. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 544 с. – (Серия «Учебники и учебные пособия»).

Толстая Т.Н. Детство М.Ю.Лермонтова. – Изд. 3-е. – М. : Детская литература, 1964. – 400 с. – Электронный ресурс: http://e-libra.ru/read/223657-detstvo-lermontova.html

Эйгес И.Р. О Лермонтове (К метафизике сновидения) // М. Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В. М. Маркович, Г. Е. Потапова, коммент. Г. Е. Потаповой и Н. Ю. Заварзиной. – СПб.: РХГИ, 2002. (Русский путь). Т. 1. С. 352-534.

Tajfel H. Human groups and social categories : Studies in social psychology. – Cambridge, 1981.

Докт. филол.н. А.В.Пузырёв, студентки М.А.Андреенко, М.С.Резепова
(Орехово-Зуево)
puzyrev-a-v@yandex.ru; mariiaandreenko@mail.ru; marikarezepova@gmail.com

УСТАНОВКИ Л.Н.ТОЛСТОГО ФИЗИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО УРОВНЕЙ

Статья посвящена физическим и личностным установкам Л.Н.Толстого. Изложению материала, вынесенного в заголовок статьи, следует предпослать два замечания. Во-первых, в работе нами используется пирамида установок, включающая семь иерархически расположенных уровней, см. рис. 1 [А.В.Пузырёв, 2015, с. 14]:

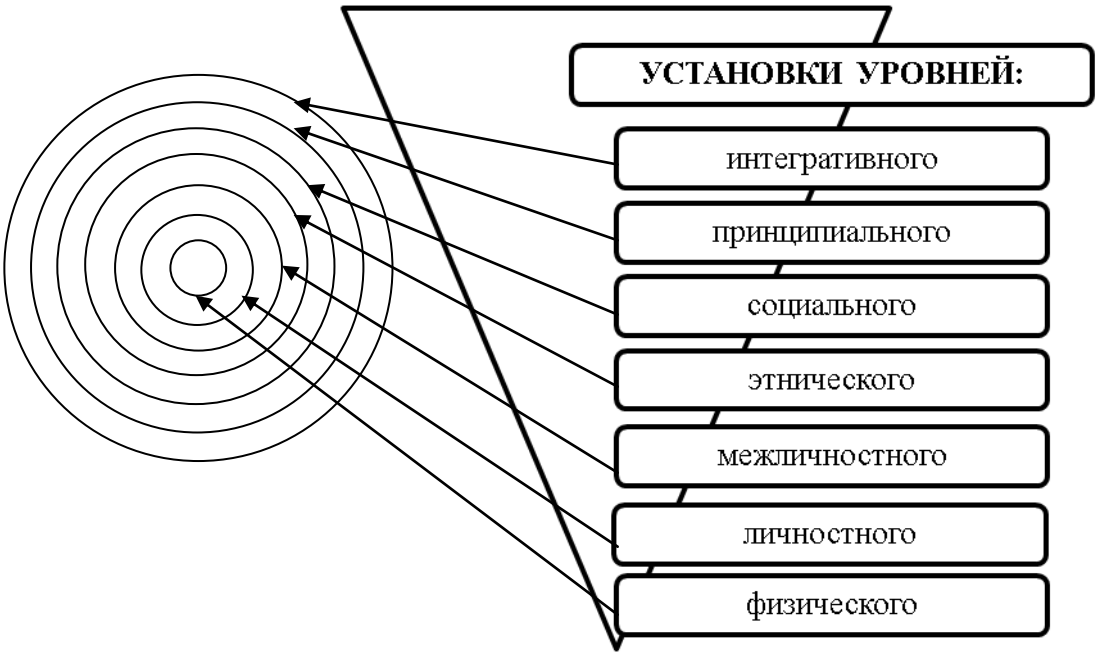

Рис. 1 – Иерархия уровней установок

Во-вторых, и в этом заключается известная новизна исследования, на основе использования словарей антонимов русского языка нами формулируются конструктивные и деструктивные качества личности, соответствующие физическому и личностному уровням установок (аттитюдов). Использование словарей антонимов русского языка позволяет дать обильный материал для группирования социальных качеств личности по соответствующим уровням установок [Л.А.Введенская, 2003; Л.А.Введенская, 2010; М.Р.Львов, 1984].

Все исследователи сходятся на том, что самым важным периодом для формирования личности (и её установок) является начало жизни, с момента рождения до 1,5 – 2 лет. Именно в это время закладывается базовое доверие к окружающему миру или, напротив, глубокое недоверие к нему. Младенчество – это сензитивный период ***для формирования установок физического уровня*** – жить или умереть. «Ребёнку должно быть сообщено основное чувство, что мир хорош» [Б.Ливехуд, 2000, с. 145]. С одной стороны, «ребёнок вначале не выделяет даже своего тела из окружающего мира вещей», а с другой, «у ребёнка уже

на 2-м мес. появляются далее всё развивающиеся и усложняющиеся специфические реакции социального характера (на человеческий голос, на выражение человеческого лица), активный поиск контакта с другим человеком…» [Л.С.Выготский, 1984, с. 305, 316-317]. Как формулирует Э.Эриксон, именно в это время, время младенчества, закладывается фундаментальное стремление к жизни или стремление к смерти [см.: Л.Д.Столяренко, 2000, с. 120]. Постоянное общение с матерью является главным фактором формирования установок жизнеутверждающего или разрушительного характера. Базовое доверие к миру проявляется в лёгкости кормления, хорошем сне ребёнка, нормальной работе кишечника, умении ребёнка ждать мать. Если же мать тревожна, невротична, а обстановка в семье напряжена и ребёнку не уделяют достаточного внимания, то формируется базовое недоверие к миру, устойчивый пессимизм, а психическое развитие ребёнка резко замедляется.

Именно в это время, по нашему мнению, формируются следующие качества личности (см. табл. 1):

Табл. 1 – Признаки установок физического уровня

Физические установки	
Жить	**Умереть**
1) доверяющий миру, сильный	1) не доверяющий миру, слабый
2) оптимистичный, весёлый, жизнерадостный	2) пессимистичный, грустный, тяжёлый
3) Характеризующийся избытком энергии, энергичный, резвый, жизнерадостный	3) характеризующийся недостатком (энергии), неэнергичный, безжизненный, вялый
4) живой, здоровый (обладающий здоровьем), нормальный, плодовитый, многодетный, долго живший	4) мёртвый, больной (страдающий какой-либо болезнью), болезненный, некрасивый, бесплодный, малодетный, мало живший
5) красивый	5) уродливый, безобразный

Указанные качества проявляются не сразу после рождения, они именно закладываются, некоторые из них проявятся уже в зрелом или даже преклонном возрасте (например, различия в продолжительности жизни, количестве детей и др.).

О чём свидетельствуют материалы биографии Л.Н.Толстого? Они однозначно свидетельствуют о том, что Л.Н. Толстой в возрасте до 2 лет сформировал психологическую установку **«жить».**

На формирование базовой психологической установки «жить и радоваться полноте жизни» повлияла, в первую очередь, сильная любовь родственников к маленькому Льву Толстому, и прежде всего матери.

«Мне говорили, что маменька очень любила меня и называла: мой маленький Вениамин» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 424]. Имя мальчику мать дала в память о ее возлюбленном, который умер перед самой свадьбой. Вероятно, тёплые чувства к нему Мария Николаевна перенесла на своего сына. Но есть основания предполагать, что в браке она была счастлива: «Жизнь моей матери в семье от-

ца, как я могу заключить по письмам и рассказам, была очень счастливая и хорошая… Жизнь эта была очень полна и украшена любовью всех к ней и её ко всем, жившим с ней» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 426]; «Жизнь моей матери проходила в занятиях с детьми, вечерних чтения вслух романов… Все были здоровы, веселы, дружны…» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 427].

С большой любовью к Льву Толстому относился его отец. Об отце Толстой пишет: «Он был не только не жесток, но скорее добр…так что в то время я никогда не слыхал о телесных наказаниях» [см.: К.Н.Ломунов, 1984, с. 13]. О большой любви отца к Лёвушке свидетельствуют и более поздние биографические материалы: «Помню его в кабинете…, где он с трубкой сидел на кожаном диване и ласкал нас и иногда, к великой радости нашей, пускал к себе за спину на кожаный диван… Помню, как он приходил к нам вниз и рисовал картинки, которые казались нам верхом совершенства» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 430].

Очень тёплым было отношение к Льву Толстому его бабушки со стороны отца, а также тетушек Т.А.Ергольской и А.И.Остен-Сакен. «Отца бабушка страстно любила и нас, внуков, забавляясь с нами…» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 433].

О своей тётушке Т.А.Ергольской Толстой вспоминал: «Чувствовалось, что она и нас любила за него (отца. – *А.П.*), через него и всех любила, потому что вся жизнь её была любовь» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 441]; «…Ещё в детстве она научила меня духовному наслаждению любви. Она не словами учила меня этому, а всем своим существом заражала меня любовью. Я видел, чувствовал, как хорошо ей было любить, и понял счастье любви» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 442].

И тётушка Александра Ильинична Остен-Сакен «была всегда одинаково ласкова и добра точно так же со всеми важными мужчинами и дамами, как и с монахинями, странниками и странницами» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 438]; «То религиозное чувство, которое наполняло её душу, очевидно, было так важно для неё, было до такой степени выше всего остального, что она не могла сердиться, огорчаться чем-нибудь, не могла приписывать мирским делам ту важность, которая им обыкновенно приписывается» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 438-439].

И отношения между детьми в семье Толстых были на редкость тёплыми и искренними. «Выражалось это чувство вот как: мы, в особенности я с Митенькой и девочками, садились под стулья как можно теснее друг к другу. Стулья завешивали подушками и говорили, что мы муравейные братья, и при этом испытывали особенную нежность друг к другу. Иногда эта нежность переходила в ласку, гладить друг друга, прижиматься друг к другу. Но это было редко. И мы сами чувствовали, что это не то, и тотчас же останавливались… Иногда мы под стульями разговаривали о том, что и кого кто любит, что нужно для счастья, как мы будем жить и всех любить» [Л.Н.Толстой, 1984, с. 472-473].

И эта абсолютная, безусловная любовь, окружавшая маленького Лёвушку Толстого (его и взрослым в семье называли «Лёв Николаевич»), стала главной причиной окружавшего его всю жизнь «кольца безопасности и благосостояния». Об этом чудесном «кольце» очень хорошо написал Максимилиан Волошин.

Какие бы воспоминания современников мы ни приводили, все они свидетельствуют о том, что мальчик воспитывался в атмосфере всеобщей любви, что и позволило ему в самом раннем детстве сформировать такое фундаментальное качество, как ***доверие к миру***.

Немаловажно, что мальчик очень рано *сформировал образ своего тела*: «Я сижу в корыте, и меня окружает странный, новый, не неприятный кислый запах какого-то вещества, которым трут мое голенькое тельцо. Вероятно, это были отруби, и, вероятно, в воде и корыте меня мыли каждый день, но новизна впечатления отрубей разбудила меня, и я в первый раз заметил и полюбил свое тельцо с видными мне ребрами на груди, и гладкое тёмное корыто, и засученные руки няни, и тёплую парную стращенную воду, и звук её, и в особенности ощущение гладкости мокрых краёв корыта, когда я водил по ним ручонками» [Н.Н.Гусев, 1954, с. 64].

Л. Толстой впоследствии вспоминал о своем детстве, как о счастливейшем периоде его жизни. В памяти его остаются преимущественно самые тёплые и радостные воспоминания.

«Толстой никогда не мог ни писать, ни говорить о своем детстве без чувства глубокого умиления. Пишет ли он в 1852 году свою первую, до конца доведенную повесть, он в таких восторженных выражениях вспоминает о детстве: “Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, возвышают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений”» [Н.Н.Гусев, 1954, с. 63].

Более поздний биографический материал свидетельствует также о том, что в самом раннем детстве Лев Толстой отличался ***весёлым*** и ***жизнерадостным характером*** – качеством, которое он пронёс сквозь года. Дочь вспоминает: «В свободное от занятий время папа был самым весёлым человеком, какого я когда-либо знала. С ним всегда бывало весело: казалось – стоило ему показаться, как сейчас же начиналось что-нибудь очень интересное и забавное. Казалось, что приливала какая-то новая волна жизненной энергии.

Помню, как я иногда забиралась к нему на колени и принималась щекотать его под мышками и за воротом. Он боялся щекотки и начинал хохотать, кричать и отбиваться» [Л.Н.Толстой в воспоминаниях.., 1960, т. I, с. 10]. Ср. также: «Смеялся Л. Н. детским, заразительным, необыкновенно искренним смехом, иногда до слёз; но смеялся довольно редко» [А.Б.Гольденвейзер, 1959, с. 128].

Несомненно, что Лёвушка Толстой в детстве характеризовался ***энергичностью***. Вот его личные воспоминания: «Трудно только сидеть неподвижно…, болтаешь усиленно под столом недостающими до полу толстыми ножонками» [Л.Н.Толстой 1998: 313]. Высокая энергичность характеризовала его и в более взрослые годы: «Поточив косу, граф встал в ряды и начал подваливать траву, да так сильно, что мы удивлялись: граф, а так хорошо косит, не хуже любого из нас» [Воспоминания яснополянских крестьян, 1960, с. 168].

Про ***здоровье*** Л.Н.Толстого в детские, да и во взрослые годы, и говорить не приходится. Все воспоминания достоверно свидетельствуют, что здоровье у Лёвушки, у Льва Николаевича Толстого было отменное. Свидетельствует дочь:

«Папа был замечательно силён и ловок и всем нам, детям, передал исключительную физическую силу.

Он лучше всех ездит верхом, бегает скорее всех, и сильнее его никого нет.

Еще с папа бывало весёлое занятие – это по утрам, когда он одевается, приходить к нему в кабинет делать гимнастику» [Л.Н.Толстой в воспоминаниях.., 1960, т. I, с. 11].

Как известно, Л.Н.Толстой и воспитывался, и сам жил в многодетной семье. Вот воспоминания В.В.Розанова о разговоре с женой Л.Н.Толстого Софьей Андреевной: «…Она мне сообщила, что у неё было (кажется) четырнадцать детей и она сама их всех выкормила» [В.В.Розанов, 1995, с. 305]. Многодетность – проявление здоровья человека, – несомненно, тоже свидетельствует об установке **жить**.

Лёвушка Толстой был красивый мальчик. Есть свидетельство И.А.Бунина о мужской красоте Льва Толстого в зрелые годы: «Другой офицерский портрет, по моему, один из самых замечательных его портретов; это то время, когда он приехал в Петербург из Севастополя и вошел в литературную среду, ему под тридцать лет, он в артиллерийском мундире совсем простого вида, худ и широк в кости, снят до пояса, но легко угадываешь, что он высок, крепок и ловок; и красивое лицо, – красивое в своей сформированности, в своей солдатской простоте, тоже худое, с несколько выдающимися скулами и только с усами, редкими, загибающимися над углами рта, и с небольшими умными глазами, сумрачно и грустно глядящими снизу вверх (от наклона головы)» [И.А.Бунин, 1996, с. 131]. Но красота ребёнка – одно из проявлений его базового доверия к миру, фундаментальной установки **жить**.

Есть все основания говорить о том, что Лев Толстой в самом раннем детстве – во многом благодаря внешним благоприятным условиям – сформировал конструктивную психологическую установку «жить».

Многочисленные исследования в сфере возрастной психологии – относительно возраста с 1,5 до 3-4-х лет, – свидетельствуют о том, что с того момента, как ребёнок научается ходить, обучается контролировать себя при выполнении актов мочеиспускания и дефекации, у него запускается такая психологическая установка, как стремление к самостоятельности, опрятности, автономии. И здесь многое зависит от родителей. Если они не подавляют желания ребёнка, не наказывают за провинности, то в нём формируются гармоничные ***установки личностного уровня***. Именно в это время он впервые рождается как личность, как «Я», проходит через стадию автономной детской речи, именно в это время в нём закладывается творческое начало (см. работы З.Фрейда, Э.Эриксона, Д.Б.Эльконина, Л.С.Выготского, В.В.Давыдова). В тех же случаях, когда он подвергается социальному порицанию, осуждению и, тем более, физическому наказанию, ребёнок нередко демонстрирует или протест-бунт, или возрастание отрицания себя как личности. Психика ребёнка оказывается местом столкновения двух противоположно направленных мотивов-тенденций: *хочу* (Я сам) и *надо* (соответствовать требованиям взрослых). В конце второго года жизни возрастной кризис данного периода жизни преодолевается легко, после 3-х лет осложняется и затягивается (Л.И.Божович).

Личностные установки направлены на творческую самореализацию личности в искусстве, науке, спорте и других общественно полезных сферах (здесь, как и на других уровнях, могут быть выявлены установки как созидательного, так и деструктивного плана)

Именно в это время, с 1,5 до 3-4-х лет, по мнению многих исследователей, формируются следующие качества личности (см. табл. 2):

Табл. 2 – Признаки установок личностного уровня

Личностные установки	
Развиваться, раскрываться	**Деградировать, не раскрываться**
1) осознающий свою важность в этом мире, смелый	1) не осознающий своей важности в этом мире, боязливый, трусливый, застенчивый
2) уверенный в себе, спокойный; самостоятельный, весёлый	2) неуверенный в себе, беспокойный, нервозный, зависимый, беспомощный, тоскливый
3) умный, ориентирующийся на истину, сообразительный, внимательный, дальновидный, серьёзный, точный, образованный, просвещённый	3) глупый, ориентирующийся на авторитеты; бестолковый, рассеянный, близорукий, легкомысленный, неаккуратный, невежественный, непросвещённый
4) одарённый, талантливый (даровитый, обладающий талантом)	4) бездарный (лишённый таланта, одарённости)
5) творческий, интересный, инициативный, деятельный, трудолюбивый, умелый	5) нетворческий, занудный, пассивный, ленивый, неумелый

Осознавал ли Л.Н.Толстой свою ***важность в этом мире***? – Безусловно, да. Конечно, сказывалось графское происхождение. Но не только. Это ощущение Толстого – важности своего места в мире – во многом было следствием окружавшей его в детстве безусловной любви и заботы (на это уже было указано. – А.П., М.А. и М.Р.). Приведём ещё одну цитату: «Еще в младенческом возрасте Левочка пользовался уходом старой няни Аннушки, бывшей ранее няней его старшего брата Николеньки и последовательно переходившей от мальчика к мальчику. С этой няней мальчик так сроднился, что почти не помнил ее, в своем сознании не отделяя ее от себя» [Н.Н.Гусев, 1954, с. 72-73]. Это ощущение Л.Н.Толстым важности своего места в мире проявлялось и в юношеские годы. Н.Н.Назарьев пишет: «В первый раз в жизни встретился мне юноша, преисполненный такой странной и непонятной для меня важности и преувеличенного довольства собою» [Л.Н.Толстой в воспоминаниях.., 1960, т. I, с. 58]. Во взрослые годы указанное ощущение Л.Н.Толстым важности своего места в мире воспринималось современниками как его ***смелость***, ср.: «Надо, – писал в 1891 году Чехов, – иметь смелость и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор всяким запрещениям и настроениям и делать то, что велит долг» [К.Н.Ломунов, 1960, с. 22]. Имеющиеся сведения позволяют утверждать, что у

Л.Толстого в возрасте 2-4 лет уже было сформировано **осознание важности своего места в мире.**

Указанное ощущение важности своего места в мире несколько позже трансформировалось в ***самостоятельность, уверенность в себе***. «Некрасов говорил Толстому, что еще до встречи с ним он уже по первым произведениям угадал его сильную и правдивую личность. «На мои глаза, — писал Некрасов, — в Вас происходит та душевная ломка, которую в свою очередь пережил всякий сильный человек, и Вы отличаетесь только — к выгоде или невыгоде — отсутствием скрытности и пугливости. Признаюсь, я лично люблю такие характеры» [К.Н.Ломунов, 1960, с. 34]. Эта уверенность в себе ощущалась буквально всеми. А.М.Горький вспоминает: «У границы импения великого князя А.М.Романова, стоя тесно друг ко другу, на дороге беседовали трое Романовых: хозяин Ай-Тодора, Георгий, и ещё один, – кажется, Петр Николаевич из Дюльбера, – все бравые, крупные люди. Дорога была загорожена дрожками в одну лошадь, поперёк её стоял верховой конь; Льву Николаевичу нельзя было проехать. Он уставился на Романовых строгим, требующим взглядом. Но они, ещё раньше, отвернулись от него. Верховой конь помялся на месте и отошёл немного в сторону, пропуска лошадь Толстого.

Проехав минуты две молча, он сказал:

– Узнали, дураки.

И ещё через минуту:

– Лошадь поняла, что надо уступить дорогу Толстому» [М.Горький, 1923, с. 31]

Все имеющиеся сведения о Л.Н.Толстом свидетельствуют, что это был ***умный, ориентирующийся на истину, внимательный, дальновидный, образованный*** человек. Имеется противоречие. С одной стороны, Лев Толстой не получил казённого высшего образования, с другой стороны – все свои чрезвычайно обширные знания он получил в результате упорного самообразования: «Каждую осень все возвращались в Казань, где все четыре брата вступили в университет. По собственному своему желанию вдруг Лев Николаевич решил, что он поступит на факультет восточных языков, и, не слушая никого, привел в исполнение свое решение, но не выдержал больше года и перешел на юридический факультет. Учился он плохо, всегда ему было трудно всякое навязанное другими образование, и всему, чему он в жизни выучился, – он выучился сам, вдруг, быстро, усиленным трудом» [С.А.Толстая, 1960, с. 56].

Уже в детстве Л.Н.Толстой обнаруживал свою ***одарённость***. «...Не было еще Льву Николаевичу восьми лет, как раз его отец застал его за какой-то хрестоматией, в которой маленький Левочка с большим увлечением и с интонациями читал стихи Пушкина «На смерть Наполеона». Отца поразила, вероятно, верность интонаций и увлечение ребенка; он сказал: «Каков Левка, как читает, ну-ка прочти еще раз». И, позвав из другой комнаты крестного отца Льва Николаевича – Семена Ивановича Языкова, он при нем заставил сына читать стихи Пушкина» [С.А.Толстая, 1960, с. 55].

«Отец, следовательно, почувствовал в своем младшем сыне какую-то одарённость, какой он не замечал в старших сыновьях, и это одобрительное отно-

шение отца подействовало на впечатлительного мальчика очень ободряюще. Само собой разумеется, что мальчику не всё было понятно в этих стихотворениях Пушкина. Ему не могло быть понятно отношение Пушкина к Наполеону (о том, кто был Наполеон, ему было, конечно, известно от старших), так же, как упоминание о Байроне, о завладевшей поэтом “могучей страсти” и пр., но, очевидно, своим природным художественным чутьём мальчик почувствовал, хотя и смутно, всю силу и красоту пушкинских образов и пушкинского стиха и усвоил основной тон обоих стихотворений, что и позволило ему “с пафосом”, как писал он уже глубоким стариком, их декламировать. Это было первое известное нам проявление художественной одаренности будущего гениального писателя» [Н.Н.Гусев, 1954, с. 93].

Уже в детстве, как указывает В.Б.Шкловский, Лев Толстой отличался прекрасной памятью: «Лев Николаевич и в детстве отличался необыкновенной памятью. В одном из стихотворений – сто двадцать строк, в другом – шестьдесят. Значит, он запомнил и прочел свободно, с пафосом сто восемьдесят строк сложного стихотворного текста» [В.Б.Шкловский, 1963, с. 43].

Характер протекания детства Льва Толстого, на наш взгляд, весьма способствовал формированию ***творческого, инициативного, деятельного и трудолюбивого*** человека. В рамках настоящей статьи обратим внимание лишь на последнюю характеристику: «Как свидетельствуют люди, близко знавшие писателя, Толстой вел строго размеренный образ жизни, заполненной каждодневным сосредоточенным трудом. Из их воспоминаний зримо вырисовывается образ великого труженика, для которого творческий труд был и первейшей жизненной необходимостью, и глубоко осознанным долгом, и источником самых больших радостей и волнений. «Поэт лучшее своей жизни отнимает от жизни и кладет в свое сочинение», – отметил Толстой в записной книжке 27 ноября 1866 года. Он любил повторять пушкинский афоризм: «Слова поэта суть уже его дела». «Писанье мое есть весь я», – говорил Толстой.

Современники, близко знавшие Толстого, изумлялись его огромной работоспособности. «Толстой работает за всех», – с восхищением говорил Чехов» [К.Н.Ломунов, 1960, с. 47]. Об этом же пишет и Б.М.Эйхенбаум: «Первое ощущение редактора, приступающего к работе над рукописями Толстого, – паника. Как бы ни был велик его опыт по редактированию других классиков – всё равно: взявшись за Толстого, он испугается… А что делать с такой вещью, как «Воскресение»? Рукописи этого романа занимают целый сундук» [Б.М.Эйхенбаум, 1986, с. 64].

Все имеющиеся о детстве Льва Толстого сведения позволяют утверждать, что в это время маленький Лёва сформировал однозначно конструктивную установку – **развиваться, раскрываться**. Этот мощный стимул и стал, вероятно, одной из движущих сил творческого пути писателя, признанного всеми гения русской, да и не только русской литературы.

Литература

Бунин И.А. Освобождение Толстого, О Чехове; Воспоминания; Дневники / Послесл. О. Михайлова. – М. : Изд. центр "Терра", 1996. – 404 с.

Введенская, Л.А. Словарь антонимов русского языка : Более 500 антонимических гнёзд. – М. : ООО «Издательство Астрель» ; ООО «Издательство АСТ», 2003. – 445, [3] с.

Введенская, Л.А. Учебный словарь антонимов русского языка. – 3-е изд. – Ростов н/Д. : ИЦ «МарТ»; Феникс, 2010. – 320 с.

Воспоминания яснополянских крестьян о Л.Н.Толстом / Сост. В.А.Жданов, З.Н.Иванова. – Тула : Кн. изд., 1960. – 272 с.

Выготский, Л. С. Детская психология / Л. С. Выготский // Собрание сочинений : В 6-ти т. Т. 4 / Под ред. Д.Б.Эльконина. М. : Педагогика, 1984. – 432 с., ил. – (Академия пед. наук СССР).

Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого / Предисл. К. Н. Ломунова; Примеч. В. С. Мишина. – М.: Гослитиздат, 1959. – 487 с.: 15 л. ил.

Горький М. О писателях. – М. : Федерация, [1923]. – 317 с.

Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой : Материалы к биографии с 1828 по 1855 год / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – 720 с.

Ливехуд, Б. Ход жизни человека // Психология возрастных кризисов : Хрестоматия / сост. К.В.Сельченок. – Мн. : Харвест, 2000. – С. 142-194.

Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. / Под общ. ред. С. Н. Голубова, В. В. Григоренко, Н. К. Гудзия, С. А. Макашина, Ю. Г. Оксмана; вступит. ст. К.Н.Ломунова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. I, 627 с.

Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. / Подготовка текста и примеч. Н.Н.Гусева, В.С.Мишина, Л.Д.Опульской. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. II, 560 с.

Ломунов К.Н. Предисловие // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. I. С. 7-52.

Ломунов К.Н. Лев Толстой: Очерк жизни и творчества. – М.: Дет. лит., 1984. – 272 с.

Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка : Более 2000 антонимических пар / Под редакцией Л. А. Новикова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 384 с.

Пузырёв А.В. Установка *болеть* как социально-психологическое явление : Автореферат … канд. психол. наук / спец. 19.00.05 – социальная психология (психологические науки). – М. : МГОУ, 2015. 25 с.

Розанов В.В. Собрание сочинений : О писательстве и писателях / под общ. ред. А.Н.Николюкина. – М. : Республика, 1995. – 734 с.

Столяренко, Л. Д. Педагогическая психология. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 544 с. – (Серия «Учебники и учебные пособия»).

Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания / Сост. А. И. Шифман. – М. : Худож. лит., 1976. – 541 с.: 9 л. ил. – (Сер. лит. мемуаров).

Толстая С.А. Материалы к биографии Л.Н.Толстого и сведения о семействе Толстых и преимущественно графа Льва Николаевича Толстого // Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : в двух т. – М. : ГИХЛ, 1960. Т. I. С. 55-57.

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 12 т. – Т. 12. Драматические произведения. Неоконченное. – М.: Правда, 1984. – 512 с. – (Библиотека «Огонёк». Отечественная классика).

Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13: Повести и рассказы 1903-1910 гг. Незаконченное. Наброски / Примеч. М.Бойко. – М. : ТЕРРА, 1998. – 384 с.

Шкловский В.Б. Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 863 с. – (Жизнь замечательных людей).

Эйхенбаум Б.М. Творческие стимулы Л.Толстого // Б.М.Эйхенбаум. О прозе. О поэзии : сборник статей. Л. : Художественная литература, 1986. С. 64-76.

Докт. филол. наук Труфанова И.В. (Москва)
illokucia1@rambler.ru

ФЕТОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ У В.В. НАБОКОВА

«Нет музыкального настроения – нет художественного произведения», – утверждал А.А. Фет [14]. О том, как поэт обретает мелодию будущего произведения, он писал: «Ища воссоздать гармоническую правду, душа художника сама приходит в соответственный музыкальный строй» [14]. Критики утверждали, что у каждого стихотворения А.А. Фета своя музыка: «Стих А.А. Фета имеет волшебную музыкальность, и притом постоянно разнообразную; для каждого настроения души у поэта является своя мелодия, и по богатству мелодий никто с ним не может равняться» [7].

В.В. Набоков в «Даре» описывает начало процесса создания стихов Фёдором Годуновым-Чердынцевым тоже как зарождение и развитие музыкальной мелодии, которая затем переплавляется в слова и смыслы. «Но что мне внимание при жизни, коли я не уверен в том, что до последней, темнейшей своей зимы, дивясь, как ронсаровская старуха, мир будет вспоминать обо мне? А всё-таки! Мне ещё далеко до тридцати, и вот сегодня – признан. Признан! Благодарю тебя, отчизна, за чистый... Это, *пропев совсем близко, мелькнула лирическая возможность*. Благодарю тебя, отчизна, за чистый и какой-то дар. Ты как безумие... *Звук “признан” мне собственно теперь и не нужен: от рифмы вспыхнула жизнь, но рифма сама отпала* (курсив здесь и далее – И.Т.). Благодарю тебя, Россия, за чистый и... второе прилагательное я не успел разглядеть при вспышке – а жаль. Счастливый? Бессонный? *Крылатый?* За чистый и *крылатый дар*. Икры. Латы. Откуда этот римлянин? Нет, нет, всё улетело, я не успел удержать» [3: 216]. Поэт творит не сам, он должен высмотреть своё творение в темноте.

Исследователи отмечали, что у В.В. Набокова начало творения связано с возникновением звучания. В индивидуальной мифологии В.В. Набокова «выделение во мраке звука и его образное воплощение априори принадлежат к области вдохновения и творчества» [2: 182], уловление звука выступает началом творчества [2: 70].

«Крылатый дар» тоже отсылка к А.А. Фету: « Лишь у тебя, поэт, крылатый слова звук// Хватает на лету и закрепляет вдруг// И тёмный бред души и трав неясный запах» («Как беден наш язык»). В набоковском романе «Приглашение на казнь» главный герой, Цинциннат, отличается от других и тем, что может прозвенеть. Он пытается с детского возраста скрыть от окружающих эту способность. Но вернёмся к этому позже.

У В.В. Набокова в первозданной тьме прослушиваются намёки на будущие творения [2: 141]. Творение начинается в темноте. Кроме того, что творение стихов начинается с звучания, его может вызвать трепет листьев, травы, воды, света и т.д. «Отыскав свой подъезд (видоизмененный *темнотой*), он достал ключи. Ни один из них двери не отпер. “Что такое…” – сердито пробормотал он, глядя на бороздку, – и снова, стервенея, принялся совать. “Что за черт!” – воскликнул он и отступил, чтобы задрать голову и посмотреть на номер дома. Нет, – правильно. Он опять было нагнулся к замку, – и вдруг его осенило: это были, конечно, ключи пансионские, которые при сегодняшнем переезде он с собой нечаянно в макинтоше увёз, а новые остались должно быть в комнате, в которую ему теперь хотелось попасть гораздо сильнее (…) Не зная, что предпринять, ждать ли, что кто-нибудь впустит, пойти ли на розыски ночного сторожа в чёрном плаще, который блюдёт замки на некоторых улицах, или всё-таки заставить себя звонком взорвать дом, Федор Константинович начал шагать по панели до угла и обратно. Улица была отзывчива и совершенно пуста. Высоко над ней, на поперечных проволоках, висело по млечно-белому фонарю; *под ближайшим из них колебался от ветра призрачный круг на сыром асфальте. И это колебание, которое как будто не имело ровно никакого отношения к Федору Константиновичу, оно-то однако, со звенящим тамбуринным звуком, что-то столкнуло с края души, где это что-то покоилось и уже не прежним отдалённым призывом, а полным близким рокотом прокатилось “Благодарю тебя, отчизна…”, и тотчас, обратной волной: “за злую даль благодарю…”. И снова полетело за ответом: “…тобой не признан…”.* Он сам с собою говорил, шагая по несуществующей панели; ногами управляло местное сознание, а главный, и, в сущности, единственно важный, *Федор Константинович уже заглядывал во вторую качавшуюся, за несколько саженей, строфу, которая должна была разрешиться еще неизвестной, но вместе с тем в точности обещанной гармонией*. “Благодарю тебя…” – начал он опять вслух, набирая новый разгон, но вдруг панель под ногами окаменела, все кругом заговорили сразу, и он кинулся, мигом отрезвясь, к двери своего дома, ибо за нею был теперь свет» [3: 240]. Творя стихи, Фёдор Годунов-Чердынцев, как и фетовский лирический герой, не стоит на панели, он воспаряет.

Волны, приносящие Фёдору Годунову-Чердынцеву новые строки, тоже отсылка к А.А. Фету, в статье которого «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» так описан процесс творения стихов: «Вы жаждете проникнуть в тайну творчества, вы бы хотели хоть одним глазком заглянуть в таинственную лабораторию, в которой целое жизненное явление претворялось в совершенно чуждый ему звук, краску, камень. Торопитесь спросить художника,

ещё не остывшего над своим вдохновенным трудом. Увы! ответа нет. Тайна творчества для него самого осталась непроницаемой тайной. А между тем великое чудо совершилось, сокровенная тайна открыта воочию всех. Не изрекаемое никаким иным путем изречено со всей его неизмеримой глубиной, со всей его бесконечностью. *Вот молодая, светлая, могучая, страстная душа! Моральное сотрясение вывело её из обычного покоя. Равновесие потеряно. Зеркальная поверхность покрывается узорчатою рябью. Рябь переходит в мерную зыбь. Волнение увеличивается. Волна встает во след волне во всей прихотливой прелести мельчайших подробностей*» [14].

В трепете, как и в музыке, есть ритм. Трепет – тоже отсылка к А.А. Фету. Д.Д. Благой писал, что для А.А. Фета характерно пристрастие к воспроизведению, наряду с прямым изображением предмета, его отражённого мобильного «двойника»: звёздное небо, отражающееся в ночном зеркале моря, «повторяющие» себя пейзажи, «опрокинутые» в зыбкие воды ручья, реки, залива. Так, оставаясь полностью на почве реальности, А.А. Фет даже неподвижные предметы, в соответствии со своим представлением об их «сокровенной сущности», приводит в движение: заставляет колебаться, качаться, дрожать, трепетать [1: 103]. В статье «Два письма о значении древних языков в нашем воспитании» А.А. Фет писал о «трепетной гармонии», «поющей правде» как о «самой сокровенной сущности предметов» [14]. А.А. Фет в той же статье утверждал, что поэт схватывает мир в «форме животрепещущего колебания, гармонического пения», всецело и сразу. По наблюдениям С.В. Сапожкова, самый частый эпитет, который прилагает А.А. Фет к явлениям природы, – «трепещущий» и «дрожащий»: «Трепетно светит луна», солнце «горячим светом по листам затрепетало», «хор светил, живой и дружный, // Кругом раскинувшись, дрожал», «и листья, и звезды трепещут». На этот всеобщий трепет жизни герой лирики А.А. Фета отзывается всем своим существом: «Я слышу биение сердца // И трепет в руках и ногах», «слышу трепетные руки», «нежно содрогнулась грудь» и т. п. Общность ритма человеческой и природной жизни свидетельствует в пользу их причастности к одному и тому же «мелодическому», животрепещущему началу бытия, как его понимает А.А. Фет, – красоте [6]. Произведения В.В. Набокова отличаются тотальным двойничеством: персонажи и предметы отражаются не только в зеркалах, водах, портретах, но и в друг в друге, в повествователе, предметах, явлениях природы, животных, красках, словах и т.д. [9; 12].

Завершение процесса создания стихов у В.В. Набокова характеризуется усилением музыки. «Когда же он лёг в постель, только начали мысли укладываться на ночь, и сердце погружаться в снег сна (он всегда испытывал перебои, засыпая), Федор Константинович рискнул повторить про себя недосочинённые *стихи,* – просто, чтобы ещё раз порадоваться им перед сонной разлукой; но он был слаб, а они дёргались жадной жизнью, так что через минуту завладели им, мурашками побежали по коже, *заполнили голову божественным жужжанием*, и тогда он опять зажёг свет, закурил и, лежа навзничь, – натянув до подбородка простыню, а ступни выпростав, как Сократ Антокольского, – предался всем требованиям вдохновения. Это был разговор с

тысячью собеседников, из которых лишь один настоящий, и этого настоящего надо было ловить и не упускать из слуха. Как мне трудно, и как хорошо… *И в разговоре татой ночи сама душа нетататот… безу безумие безочит, тому тамузыка татот… Спустя три часа опасного для жизни воодушевления и вслушивания, он наконец выяснил всё, до последнего слова, завтра можно будет записать*. На прощание попробовал вполголоса эти хорошие, тёплые, парные стихи.

Благодарю тебя, отчизна,
за злую даль благодарю!
Тобою полн, тобой не признан,
и сам с собою говорю.
И *в разговоре каждой ночи*
сама душа не разберет,
моё ль безумие бормочет,
твоя ли *музыка растет*… –

и только теперь поняв, что в них есть какой-то смысл, с интересом его проследил – и одобрил. Изнеможённый, счастливый, с ледяными пятками, ещё веря в благо и важность совершённого, он встал, чтобы потушить свет» [3: 241–242]. Лирический герой А.А. Фета тоже разговаривает душой каждую ночь с кем-то идеальным.

Вернёмся к крылатому дару. Эта тема разрабатывалась А.А. Фетом и в стихах, и в статьях, и в письмах. В статье «О стихотворениях Ф. Тютчева» он писал: «Кто не в состоянии броситься с седьмого этажа вниз головой, с непоколебимой верой в то, что он воспарит по воздуху, тот не лирик» [15]. И.С. Тургенев находил почерк А.А. Фета «кидающимся с пятого этажа»: «Переписываться с вами для меня потребность, и на меня находит грусть, если я долго не вижу ваш связно-красивый, поэтически-безалаберный и кидающийся из пятого этажа почерк» [13: 36]. Я.П. Полонский видел в А.А. Фете два человека, один из которых небесный, свободно перемещающийся по небу: «Что ты за существо – не понимаю, (...) откуда у тебя берутся такие елейно-чистые, такие возвышенно-идеальные, такие юношественно-благоговейные стихотворения?.. Какой Шопенгауэр, да и вообще какая философия объяснит тебе происхождение или тот психический процесс такого лирического настроения? Если ты мне этого не объяснишь, то я заподозрю, что внутри тебя сидит другой, никому не ведомый, и нам, грешным, невидимый, человечек, окружённый сиянием, с глазами из лазури и звёзд, и окрылённый! Ты состарился, а он молод! Ты всё отрицаешь, а он верит!.. Ты презираешь жизнь, а он, коленопреклонённый, зарыдать готов перед одним из её воплощений» [по 1: 49–50]. Н.Н. Страхов в рецензии на первый выпуск «Вечерних огней» писал: «Каждый стих у него с крыльями, каждый сразу подымает нас в область поэзии» [7: 223].

Тема крылатого дара поднимается А.А. Фетом в следующих стихотворениях. Крылья позволяют поэту оказаться в идеальном мире: «Без усилий// С плеском крылий// Залететь –// В мир стремлений,// Преклонений// И молитв;// Радость чуя (…)» («Quasi una fantasia» 1839). Фетовский поэт ощущает себя летящим, когда ангел шепчет ему его стихи: *«Я* потрясён, когда кругом// Гудят

леса, грохочет гром// И в блеск огней гляжу я снизу,// Когда, испугом обуян,// На скалы мечет океан// Твою серебряную ризу.// Но просветлённый и немой,// *Овеян властью неземной,//* Стою не в этот миг тяжёлый,// А в час, когда, *как бы во сне,// Твой светлый ангел шепчет мне// Неизречённые глаголы*.// Я загораюсь и горю,// *Я порываюсь и парю// В томленьях крайнего усилья// И верю сердцем, что растут// И тотчас в небо унесут// Меня раскинутые крылья*» («Я потрясён, когда кругом»).

А.А. Фет не использует набоковского термина потусторонность, но тоже говорит о том, что его стихи пишет не он сам: они приносятся к нему из прекрасного неведомого и невидимого мира. *«Эти звуки – бред неясный,// Томный звон струны;…// Звонким роем налетели,// Налетели и запели// В светлой вышине.// Как ребенок им внимаю// Что сказалось в них – не знаю,//* И не нужно мне» («Нет, не жди ты песни страстной»). Стихи продиктованы поэту неведомой силой: «Ты душою младенческой *всё* поняла,// *Что мне высказать тайная сила дала*» («Alter ego»). Именно эта сила делает его летающим, а его стих крылатым: «*Я* пред тобой, прекрасное созданье,// *Безвестных сил дыханьем окрылён*» («Anruf an die geliebte Бетховена»).

А.А. Фет, сравнивая вдохновение с полётом ласточки, говорит о том, что поэт переносит высокое из идеального мира в реальный: «*Не таково ли вдохновенье// И человеческого я?// Не так ли я, сосуд скудельный,// Дерзаю на запретный путь,// Стихии чуждой, запредельной,// Стремясь хоть каплю зачерпнуть?*» («Ласточка»). «*На землю сносят эти звуки// Не бурю страстную, не вызовы к борьбе,// А исцеление от муки*» («Муза»). В.В. Набоков тоже видит назначение литературы в создании некоей духовной сферы среди повседневности [12].

Как и В.В. Набоков, А.А. Фет пишет о ночи, темноте как о времени творения стихов: «Весна и ночь покрыли дол,// *Душа бежит во мрак бессонный,// И внятно слышен ей глагол//* Стихийной жизни, отрешённой.// *И неземное бытиё// Свой разговор ведёт с душою// И веет прямо на неё// Своею вечною струёю.//* Но вот заря! Бледнеет тень,// Туман волнуется и тает, –// И встретить очевидный день// Душа с восторгом вылетает» («Весна и ночь покрыли дол»). «Как мошки *зарею,// Крылатые звуки толпятся;//* С любимой мечтою// Не хочется сердцу расстаться.// Но цвет вдохновенья// Печален средь буднишних терний» («Как мошки зарею»). «*Как нежишь ты, серебряная ночь,// В душе расцвет немой и тайной силы!// О! окрыли и дай мне превозмочь// Весь этот тлен, бездушный и унылый//* (…) *Мой дух, о ночь! как падший серафим,// Признал родство с нетленной жизнью звездной,// И, окрылён дыханием твоим,// Готов лететь над этой тайной бездной*» («Как нежишь ты, серебряная ночь»). О Ф.И. Тютчеве А.А. Фет писал: *«песнь его чиста// И дышит полночью нездешней*» («Прошла весна, – темнеет лес»).

Образы творимого стихотворения у А.А. Фета крылаты, и на их крыльях ещё и искры: «*Полуночные образы реют,// Блещут искрами ярко впотьмах,// Но глаза различить не умеют,// Много ль их на тревожных крылах*» («Полуночные образы реют»). У В.В. Набокова эти искры превращаются в глаза Аргуса, а образы с многоочитыми крыльями в Химеру – дочь Аргуса и Ехидны –

символ художественного произведения у В.В. Набокова. В лекциях о «Дон Кихоте» В.В. Набоков говорит о том, что такой дракон был приручён В. Шекспиром и М. д. Сервантесом: «Было замечено, что оба писателя умерли в день св. Георгия в 1616 году, “заключив союз для истребления дракона лживых видимостей”, как затейливо, но неверно пишет Белл. Не помышляя об истреблении дракона, и Сервантес и Шекспир – каждый на свой лад – выгуливали на поводке этого милого зверя, чтобы слова навечно сберегли его переливчатую чешую и грустный взгляд» [4: 29]. Химера олицетворяет у В.В. Набокова художественное творчество, понимание смысла которого было основной темой произведений писателя. Художник стремится к недостижимому совершенству и достигает его. Достигнув совершенства, он раздвигает для человечества (читателей) границы дозволенного и вновь, подобно Сизифу, катит в гору камень-солнце нового художественного произведения, чтобы пробудить духовно спящего человека [10]. А.А. Фет тоже писал о том, что залетающий в область идеального поэт приносит оттуда такие звуки, которые заставляют трепетать бестрепетные сердца читателей: «*Одной волной подняться в жизнь иную,// (...) Упиться вдруг неведомым, родным,//* (…) *Шепнуть о том, пред чем язык немеет,// Усилить бой бестрепетных сердец –//Вот чем певец лишь избранный владеет,// Вот в чем его и признак и венец!*» («Одним толчком согнать ладью живую»).

Для набоковского Цинцинната передвижение по воздуху так же естественно и органично, как для других людей по земле, и связано со звоном. «(…) *постоянный трепет*, утайка знания, притворство, *страх*, болезненное усилие всех нервов – не сдать, *не прозвенеть*… и до сих пор у меня ещё болит то место памяти, где запечатлелось самое начало этого усилия, то есть первый раз, когда я понял, что вещи, казавшиеся мне естественными, на самом деле запретны, невозможны, что всякий помысел о них преступен. Хорошо же запомнился тот день! Должно быть, я только что научился выводить буквы, ибо вижу себя с тем медным колечком на мизинце, которое надевалось детям, умеющим уже списывать слова с куртин в школьном саду, где петунии, флоксы и бархатцы образовали длинные изречения. Я сидел с ногами на низком подоконнике и смотрел сверху, как на газоне сада мои сверстники, в таких же долгих розовых рубашках, в какой был я, взявшись за руки, кружатся около столба с лентами. Был ли я наказан? Нет, вернее, неохота других детей принимать меня в игру и смертельное стеснение, стыд, тоска, которые я сам ощущал, присоединяясь к ним, заставляли меня предпочесть это белый угол подоконника, резко ограниченный тенью полуотворенной рамы. До меня доносились восклицания, требуемые игрой, повелительно-звонкий голос рыжей гички, я видел её локоны и очки, – и с брезгливым ужасом, никогда не покидавшим меня, наблюдал, как самых маленьких она подталкивала, чтобы они вертелись шибче. И эта учительница, и полосатый столб, и белые облака, пропускавшие скользящее *солнце*, которое вдруг проливало такой страстный, ищущий чего-то свет, *так искромётно повторялось в стекле откинутой рамы*... Словом, я чувствовал такой страх и грусть, что старался потонуть в себе самом, там притаиться, точно хотел затормозить и выскользнуть из бессмысленной жизни, несущей меня. В это время в

конце каменной галереи, где я находился, появился старейший из воспитателей – имени его не помню, – толстый, потный, с мохнатой чёрной грудью, – отправлялся купаться. Ещё издали крикнув мне голосом, преувеличенным акустикой, чтобы я шёл в сад, он быстро приблизился, взмахнул полотенцем. В печали, в рассеянии, бесчувственно и невинно, – вместо того чтобы спуститься в сад по лестнице (галерея находилась в третьем этаже), – *я*, не думая о том, что делаю, но в сущности послушно, даже смиренно, *прямо с подоконника сошёл на пухлый воздух и – ничего не испытав особенного, кроме полуощущения босоты (хотя был обут), – медленно двинулся, естественнейшим образом ступил вперед, всё так же рассеянно* посасывая и разглядывая палец, который утром занозил... но вдруг необыкновенная, оглушительная тишина вывела меня из раздумья, – я увидел внизу поднятые ко мне, как бледные маргаритки, лица оцепеневших детей и как бы падавшую навзничь гичку, увидел и кругло остриженные кусты, и ещё не долетевшее до газона полотенце, *увидел себя самого – мальчика в розовой рубашке, застывшего стоймя среди воздуха, увидел, обернушись, в трёх воздушных от себя шагах только что покинутое окно* и протянувшего мохнатую руку, в зловещем изумлении...» [5: 102–104]. Набоковский Цинциннат становится поэтом в конце книги [8; 11].

Крылатым А.А. Фета делают и стихи других настоящих поэтов. «*Сердце трепещет отрадно и больно,// Подняты очи, и руки воздеты.// Здесь на коленях я снова невольно,// Как и бывало, пред вами, поэты.// В ваших чертогах мой дух окрылился*» («Поэтам»). А.А. Фет, говоря о поэзии, характерно прибегает к религиозно-культовым образам и метафорам. Себя он ощущает «верховным жрецом» культа красоты («С бородою седою верховный я жрец»). Свое поэтическое дело определяет как служение «святыне», уподобляя свои стихи «священной хоругви» крестного хода, которую он возносит высоко над толпою («Оброчник») [1: 58]. Свои стихи А.А. Фет называет молитвой: «А я, по-прежнему смиренный,// Забытый, кинутый в тени,// *Стою коленопреклоненный,// И, красотою умиленный,// Зажег вечерние огни*» («Полонскому»). Для В.В. Набокова художественное творчество тоже своего рода религия и молитва [8; 9].

Литература

1. Благой Д. Мир как красота (О «Вечерних огнях» А. Фета). – М.: Худож. лит., 1973 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http:// az.lib.ru /f/fet_a_a/text_0020.shtml

2. Манджиева Б.В. Космогонический миф и его компоненты в индивидуальной мифологии В.В. Набокова: КД. – Ставрополь, 2009. – 223 с.

3. Набоков В.В. Дар // Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. IV. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 189–541.

4. Набоков В.В. Лекции о «Дон Кихоте». – СПб.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – С. 21–152.

5. Набоков В.В. Приглашение на казнь // Набоков В.В. Русский период. Собр. соч.: В 5 т.: Т. IV. – СПб.: Симпозиум, 2004. – С. 45–187.

6. Сапожков С.В. Глава 7. А.А. Фет 1820–1892 // История русской литературы XIX века: Ч. 3. 1870–1890 годы /под ред. В.И. Коровина. – М.: Высш. шк.,

2005 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://studlib.com/ content/view/ 2157/31/

7. Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах // Страхов Н.Н. Литературная критика / Вступит. статья, составл. Н.Н. Скатова, примеч. Н.Н. Скатова и В.А. Котельникова. – М.: Современник, 1984. Пропуски восстановлены по изданию: Страхов Н.Н. Заметки о Пушкине и других поэтах. – Киев, 1897 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/s/strahow_n_ n/text_0090.shtml

8. Труфанова И.В. Балаган в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» // European Social Science Journal. – 2014. – № 1. – Т. 2. – С. 221–240.

9. Труфанова И.В. Как мы понимаем литературу в жанре нонсенса: на материале типа повествования в романе В.В. Набокова «Отчаяние» // Международные Севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения: Сб. науч. работ: Т. 2. – Севастополь: Гит пак, 2010. – С. 551–573.

10. Труфанова И.В. Миф об Икаре в романе В.В. Набокова «Отчаяние» // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в школе; сб. науч. тр.: Вып. 19 / под ред. О.В. Загоровской. – Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012. – С. 140–154.

11. Труфанова И.В Противостояние Цинциннаta и паука в романе В.В. Набокова «Приглашение на казнь» // European Social Science Journal. – 2014. – № 3. – Т. 2. – С. 170–175.

12. Труфанова И.В. Тип повествования в рассказе В.В. Набокова «Весна в Фиальте» // European Social Science Journal. – 2013. – № 3. – С. 173–185.

13. Тургенев И.С. Письмо от 15 февраля 1860 // Полн. собр. соч. и писем: Письма: Т. IV. М.: Наука, 1978. – С. 36.

14. Фет А.А. Два письма о значении древних языков в нашем воспитании // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0200. shtml

15. Фет А.А. О стихотворениях Ф. Тютчева // Русская критика эпохи Чернышевского и Добролюбова. – М.: Детская литература, 1989 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://az.lib.ru/f/fet_a_a/text_0270. shtml

16. Фет А.А. Полн. собр. соч. – Л.: Сов. писатель, 1959 // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ruslit.traumlibrary.net/book/fet-polnoe/fet-polnoe.html

Докт. филол. н. Р.Х.Хайруллина (Уфа), магистрант Со Цян (Китай)
rajhan@mail ; suoqiang87@yandex.ru

МЕТАФОРЫ В ПОЭЗИИ С.ЕСЕНИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ АВТОРСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ

Творчество писателя или поэта – это всегда итог творческого освоения им мира, получающего неповторимое языковое воплощение. В художественном тексте миропонимание поэта передается посредством различных образных средств, среди которых важное место занимает метафора. «Метафорический

перенос лежит в основе…особого видения, понимания» [Маслова, 1997, с. 28] мира вещей, отношений между ними.

Сама суть метафоры заключается в том, что она является одним из способов познания мира, структурирования знаний о мире: новое знание об окружающей действительности базируется на старом, новое явление, понятие сравнивается со старым, хорошо знакомым. Любая мотивация новой семантики содержит в себе сравнение как отправную точку когнитивного процесса человека. Именно сравнение, лежащее в основе метафоры как ментального образования и языкового явления, является одним из важнейших механизмов построения и передачи новых знаний.

Основы сравнения, выступающие онтологической базой метафорического переноса в языке, представляют исследователю богатый материал относительно мироощущений художника, его душевного состояния, взаимоотношений с окружающим миром и людьми.

В поэзии С.Есенина метафора выступает излюбленным средством художественной выразительности. Надо отметить изменения содержания метафор в разные периоды его творчества, в разных поэтических циклах. Например, сравнение женских глаз со «златокарим омутом» и «синими брызгами».

Наибольший интерес в поэзии С.Есенина вызывает изучение антропоцентрических метафор, характеризующих восприятие поэтом образа самого себя, любимой женщины, матери, друга или врага, сравнение природы и природных явлений с человеком. Это метафоры, с помощью которых описывается внешность человека – у С.Есенина это глаза, голова, волосы, руки.

Например:

«Облетел *головы* моей *куст*», «*Руки* моей милой – *пара лебедей*», «Облетает моя голова, *куст волос* золотистый вянет», «Мне бы только смотреть на тебя, видеть *глаз златокарий омут*» и т.д.

Обычно у С.Есенина используется развернутая метафора, что делает образ более выпуклым и зримым. Наиболее частотной метафорой в поэзии С.Есенина является сравнение своей головы, волос с понятиями одного плана – видами растительности (*куст, лист, рожь, клен, сноп*).

Интересные индивидуально-авторские метафоры возникают в поэзии С.Есенина в процессе использования приема олицетворения. «Олицетворение обычно определяется как наделение предметов, растений, животных и явлений природы свойствами людей – такими, как дар речи, способность мыслить, чувствовать, совершать определенные поступки», – дает определение этого приема В.П.Московин [Московин, 2007, с. 107]. В процессе олицетворения одушевляется все неживое. Для С.Есенина, выросшего в окружении русской природы, на Рязанщине, природа была не просто средой обитания, а его поэтической «музой», в его стихах оживали деревья и травы, птицы и животные, предметы русского образа жизни. Олицетворение традиционно рассматривают как разновидность метафоры. Однако, как отмечает В.П.Московин, олицетворение передается, прежде всего, через предикат, то есть неживые предметы, птицы и животные проявляют себя через действия, поступки. Происходит так называемая персонификация.

Анализ метафор в поэтических произведениях С.Есенина позволил нам выделить основания сравнения неживой и живой природы в процессе олицетворения. Это следующие смысловые основания.

1. Человек – природа, когда природе, природным явлениям приписываются человеческие черты (*вьюга плачет, весна улыбается, рассвет поливает грядки* и др.).

2. Животные, птицы – человек, когда представители растительного и животного мира проявляют человеческие черты – говорят, переживают, совершают поступки и т.д. (*березка распустила волосы, кленочек сосет вымя, воробушки печалятся* и др.).

В стихах можно выделить два типа метафор в зависимости от их языкового выражения: это 1) метафоры-сравнения; 2) развернутые метафоры. В метафорах-сравнениях образная семантика создается за счет использования сравнительных оборотов, а развернутые метафоры образуют целый сценарий, описывающий поведение и переживания олицетворяемых предметов, явлений и живых существ. Например: Там, где капустные грядки Красной водой поливает восход, Кленочек маленький матке Зеленое вымя сосет. (СС том 1, с. 26).

Сравнительные ассоциации в поэзии С.Есенина семантически базируются на следующих когнитивных параллелях:

1) Природа – животные и птицы: например, «Дымом половодье, Зализало ил. Желтые поводья Месяц уронил» (СС том 1, с. 40); « Рассвет рукой прохлады росной Сшибает яблоки зари. Сгребая сено на покосах, Поют мне песни косари» (СС, том 1, с. 46); «Тихо в чаще можжевеля по обрыву Осень-рыжая кобыла чешет гриву» (СС том 1, с. 48); «Вяжут кружево над лесом В желтой пене облака» (СС, том 1, с. 53)

2) Природа – человек: «У лесного аналоя Воробей псалтырь читает» (СС том 1,с.55); «Ягненочек кудрявый-месяц Гуляет в голубой траве» (СС том 1, с. 62); «Отелившееся небо Лижет красного телка» (СС, том 1, с. 72); «Облак, как мышь, подбежал и взмахнул В небо огромным хвостом. Словно яйцо, расколовшись, скользнул Месяц за дальним холмом» (СС, том 1, с. 77).

Таким образом, анализ метафор в стихотворениях С.Есенина показывает, что большая часть их – это индивидуально-авторские метафоры, отражающие мировидение самого поэта. Так же, как и сравнение, метафоры отражают слияние человека с природой. Сергей Есенин тонко передает очарование русской природы, русской деревни, русских женщин. Наиболее частотными являются развернутые метафоры, которые всесторонне и ярко описывают какие-либо предметы, живые существа или явления природы.

Литература

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию /В.А. Маслова/ Учебное пособие. – М.: «Наследие», 1997. – 207 с.

Московин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. – М., 2007. – 210 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редколлегии..... 3

Общепсихологические и общелингвистические аспекты проблемы *язык и мышление*..... 4

Проблемы языка и мышления в генетическом и сопоставительном аспектах..... 4

Магистр филологии Ф.И.Артыкбаева (Шымкент, Казахстан)4
ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ 4

Д. филос. наук А.А.Гагаев (Рузаевка), д. пед. наук П.А.Гагаев (Пенза), О.В.Бочкарёва (Рузаевка)
ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ СКАЗКИ: ВОПРОСЫ ИОВА И МОИСЕЯ К БОГУ 5

Докт. филол. наук Н.В.Дмитрюк (Шымкент, Казахстан)
ВНУТРИЭТНИЧЕСКИЕ АССОЦИАТИВНЫЕ СОПОСТАВЛЕНИЯ В КАЗАХСТАНСКОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ 16

Докт. филол. наук О.А. Кострова (Самара)
ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТОСФЕРЫ НЕМЕЦКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА (В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ)..... 19

Аспирант М.В. Маравина (Ульяновск)
СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ СУГГЕСТИВНЫХ КАЧЕСТВ ПОСЛОВИЦ 21

Докт. филол. наук А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево)
ОНТОГЕНЕЗ ПИРАМИДЫ УСТАНОВОК 30

Канд. филол. наук Ф.Г. Самигулина (Ростов-на-Дону)
ИССЛЕДОВАНИЕ ДЕТСКОГО ДИСКУРСА: ПСИХОСОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 42

Канд. психол. наук С.В. Солдатова (Орехово-Зуево)
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ДЕТЕЙ С ОБЩИМ НЕДОРАЗВИТИЕМ РЕЧИ 44

Канд. филол. наук Н.А.Филатова, студ. Н.Г.Титова (Орехово-Зуево)
СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ. 46

Логико-структурные аспекты проблемы *язык и мышление* 48

Канд. филол. наук А.Ф. Калинин (Балашов)
ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТИПА *ВСЕМ НОВОСТЯМ НОВОСТЬ!* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ)..... 48
Канд. филол. наук О.А. Касаткина (Орехово-Зуево)
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУПЛАНОВОЙ ТРАНСПОЗИЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)..... 54
Канд. филол. наук Е.С.Никитина (Москва)
СЕМИОТИЧЕСКИЙ РАКУРС ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ 56
Докт. филол. наук А.В.Пузырёв, студ. М.С.Чистов (Орехово-Зуево)
СОЦИОТИП ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО 57
Докт. филол. наук Л.А. Сергеева (Уфа)
ИМПЛИЦИТНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОГО АНАЛИЗА 61
Д. филол. наук И.В.Чекулай, д. филол. наук О.Н.Прохорова (Белгород)
ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ «ЦЕННОСТЬ» И «ЗНАЧЕНИЕ» С ПОЗИЦИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ЦЕННОСТИ И ОЦЕНКЕ В ЯЗЫКЕ 65
Докт. филол. наук Л.М.Шатилова, асп. В.В.Борисова (Орехово-Зуево)
ИССЛЕДОВАНИЕ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 66

Динамические аспекты проблемы *язык и мышление* 69

Докт. психол. наук М.К.Акимова (Москва)
ВЗАИМОСВЯЗЬ СПЕЦИФИКИ ЦЕННОСТНОГО ОТНОШЕНИЯ К МИРУ С УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ МЫШЛЕНИЯ 69
Канд. филол. наук L.I.Batourina (Recife, Brazil)
ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ К НОВОЙ КУЛЬТУРЕ..... 70
Докт. психол. наук М.Ю. Бурыкина (Брянск)
СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНСТРУКТА «ЗАМЕЩАЮЩЕЕ ПОВЕДЕНИЕ МАТЕРИ» 75
Канд. филол. наук Р.А.Даминова (Уфа)
ДИНАМИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ПАРАМЕТРА ОЦЕНКИ В АССОЦИАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ ЗНАЧЕНИЯ..... 78
Канд. психол. наук Т.В. Зеленкова (Орехово-Зуево)
ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИЧНОСТЬ ЛЕКСИКИ В УСТНОМ ИМПРОВИЗАЦИОННО-СЛОВЕСНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ДЕТЕЙ 82

Докт. филол. н. А.В.Пузырёв (Орехово-Зуево),
асп. Ю.В.Капрянцева (Ульяновск)
ОПТИМИСТИЧНОСТЬ/ПЕССИМИСТИЧНОСТЬ
КАК ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ..... 85
Д. филол. наук Т.С. Кириллова, к. филол. наук Т.В. Соколова (Астрахань)
ЯЗЫК В АСПЕКТЕ
НЕЙРО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ..... 89
Канд. филол. наук С.Б. Кураш, канд. филол. нак В.Н. Сергей, Е.В. Струков (Мозырь, Беларусь)
ИНТЕРНЕТ КАК РЕФЛЕКСИРУЕМЫЙ АМБИВАЛЕНТНЫЙ КОНЦЕПТ
В СОВРЕМЕННЫХ РЕЧЕВЫХ ПРАКТИКАХ (ПО ДАННЫМ РУНЕТА)..... 91
Докт. филол. наук Е.Ф.Тарасов (Москва)
МУЛЬТИПЛИКАТИВНОСТЬ РЕЧЕВЫХ ПРОЦЕССОВ..... 94

Функциональные и педагогические аспекты исследования *языка и мышления* 95

Канд. филол. наук М.И. Агиенко (Кемерово)
ЭМОЦИОГЕННОСТЬ НОВОСТНОГО ДИСКУРСА КАК ФАКТОР,
ВЛИЯЮЩИЙ НА ЗДОРОВЬЕ НАЦИИ (К ПРОБЛЕМЕ РАЗВИТИЯ
ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ИНТЕЛЛЕКТА)..... 95
Д. филол. наук О.Л.Арискина, асп. Е.В.Пулов,
магистр Ю.А.Неськин (Саранск)
КОНЦЕПТЫ «ВЛАСТЬ» И «НАРОД»
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ Г.А.ЗЮГАНОВА..... 96
Докт. филол. наук Г.В. Векшин (Москва)
КСЕНОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ
В СТИЛИСТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ..... 98
Канд. филол. наук Н.В.Гаврилова (Орехово-Зуево)
К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
НА УРОКЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА..... 103
Асп. Н.И.Думнова, канд. психол. наук Д.В. Солдатов (Орехово-Зуево)
ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА
И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЛИЧНОСТИ..... 105
Аспирант А.В. Игнатьева (Орехово-Зуево)
ВЗАИМОСВЯЗЬ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ. ИХ ОСОБЕННОСТИ
В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА 107
Канд. психол. наук Е.Е. Копченова (Орехово-Зуево)
ЖЕЛАНИЯ ДЕТЕЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА..... 113
Студ. Е.В.Михеева, канд. филол. наук О.А.Касаткина (Орехово-Зуево)
УНИКАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ 115
Е.В. Никольская (Орехово-Зуево)
ЯЗЫК И МЫШЛЕНИЕ. ПРОБЛЕМА РАБОТЫ
С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА..... 117

Канд. психол. наук С.А.Озерова, студентка К.Е. Сенчило (Орехово-Зуево)
ПОЗНАВАТЕЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ И МЫШЛЕНИЕ
МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ 118
Докт. филол. наук И.В. Приорова (Москва)
ЯЗЫКОВОЕ ОБЫГРЫВАНИЕ В СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ 121
Канд. пед. наук Г.А.Темирбекова (Казахстан, Шымкент)
ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ И РИСКИ 123
Студ. Ю.Ю. Тонконогова (Орехово-Зуево)
К.Д. УШИНСКИЙ О СВЯЗИ РОДНОГО ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ..... 125
Докт. психол. наук Л.В.Черемошкина (Москва)
СТРУКТУРА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ 126

Проблемы языка и мышления поэта и писателя..... 138

Проблемы языка и мышления поэта и писателя в генетическом и логико-структурном аспектах..... 138

Докт. филол. наук А.Г.Вишняков (Орехово-Зуево)
О СООТНОШЕНИИ ОРГАНИЧЕСКОГО И МЕХАНИЧЕСКОГО
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ..... 138
Докт. филол. наук С.Г.Воркачёв (Краснодар)
МЕТАФОРИКА ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ..... 141
Канд. филол. наук Н.В.Гаврилова, студ. О.В.Козлова (Орехово-Зуево)
СКАЗКА ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА..... 143
И.В.Крашенинникова (Ульяновск)
РЕЧЕВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ВЫРАЖЕННОСТИ
КОНСТРУКТИВНОГО НАЧАЛА В МАССОВЫХ ПЕСНЯХ..... 144

Динамические и функциональные аспекты исследования *языка и мышления поэта и писателя*..... 149

Канд. филол. наук Л.Р.Башкова, Е.Г.Диянова (Пенза)
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ОПОРНЫХ И КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ТЕКСТА
ПРИ ЕГО ФИЛОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ 149
Канд. филол. наук А.В. Блохин (Орехово-Зуево)
ГЕНДЕРНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ
В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ИДИОТ» 151

Магистрант Е.П.Борисова (Москва)
ИДЕЯ МЕТАФОРИЧНОСТИ МЫСЛИ И ЯЗЫКА
В РАБОТЕ А.А. РИЧАРДСА «ФИЛОСОФИЯ РИТОРИКИ» 153
А.Д.Гимаева (Орехово-Зуево)
ФУНКЦИИ ЗВУКОВЫХ ПРОДЛЕНИЙ
В РОМАНЕ М.А.ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» 155
Докт. филол. наук Г.Г. Хисамова (Уфа)
КЛЮЧЕВОЕ СЛОВО КАК МАРКЕР КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ 157

Идиостилевые аспекты проблемы
язык и мышление поэта и писателя 160
Канд. филол. наук Э.А.Лаврова (Орехово-Зуево)
ЭКСПЛОЗИВНЫЕ ПСИХОПАТЫ Е.ПОПОВА 160
Канд. филол. наук М.Г.Луннова, студ. А.О.Горбунова (Пенза)
ФУНКЦИИ АНТОНИМОВ
В САТИРИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В. В. МАЯКОВСКОГО 162
Канд. пед. наук О.Н. Поддубская (Орехово-Зуево)
ЛЕКСИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИДИОСТИЛЯ
А. ЛАРИОНОВА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «РАСКАЯНЬЕ») 164
Канд. филол. наук С.Ю.Преображенский, О.Я.Бараш (Москва)
АНАГРАММЫ: «МАСЛО» ИЛИ «ОСЛАМ»?
(И.БРОДСКИЙ КАК АНАГРАММИСТ) 167
Докт. филол. наук А.В.Пузырёв,
студ. И.А.Белова, О.В.Филимонова (Орехово-Зуево)
УСТАНОВКИ М.Ю.ЛЕРМОНТОВА 168
Докт. филол.н. А.В.Пузырёв,
студентки М.А.Андреенко, М.С.Резепова (Орехово-Зуево)
УСТАНОВКИ Л.Н.ТОЛСТОГО
ФИЗИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО УРОВНЕЙ 183
Докт. филол. наук Труфанова И.В. (Москва)
ФЕТОВСКИЕ РЕМИНИСЦЕНЦИИ У В.В. НАБОКОВА 192
Докт. филол. н. Р.Х.Хайруллина (Уфа),
магистрант Со Цян (Китай)
МЕТАФОРЫ В ПОЭЗИИ С.ЕСЕНИНА КАК ОТРАЖЕНИЕ
ОСОБЕННОСТЕЙ АВТОРСКОГО МИРОПОНИМАНИЯ 199

Оглавление 202

Научное издание

Язык и мышление:
Психологический и лингвистический аспекты

Материалы XVI-й Международной научной конференции
(Орехово-Зуево, 11-13 мая 2016 года)

Ответственный редактор *А.В. Пузырёв*
e-mail: puzyrev-a-v@yandex.ru

Печатается в авторской редакции

Электронный набор *А.В. Владимиров*
Компьютерная вёрстка *А.В. Владимиров*

Подписано в печать 28.04.16.
Формат 60x84/16.
Уч.-изд. л. 13,7. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 100 экз. Заказ 01.05.16

Отпечатано с готового оригинал-макета
в РПК «Гранд»
Адрес: 142605, Россия, г. Орехово-Зуево, ул. Ленина, 99.
Тел. (8496)413-71-17.